

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 3 (50) 2019

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2019

Вестник Волгоградской академии МВД России.
Выпуск 3 (50) 2019 :
науч.-метод. журнал. —
Волгоград : ВА МВД
России, 2019. — 156 с.

**Учредитель
и издатель —
Волгоградская
академия МВД России**

Журнал основан
в 2006 г.
Выходит 4 раза в год
тиражом
500 экземпляров

Журнал включен
в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты
диссертаций
на соискание
ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

Журнал включен
в систему
Российского индекса
научного цитирования.
Полнотекстовые
версии статей
и пристатейные
библиографические
списки помещаются
на сайте Научной
электронной библиотеки
(www.elibrary.ru)

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий
и массовых
коммуникаций
23 мая 2019 г.
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-75804

Подписной индекс
в каталоге
«Роспечать» — **22761**

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В. И. Третьяков, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Состав редакционного совета

А. П. Анисимов, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

П. В. Анисимов, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Волгоградского института бизнеса, доктор юридических наук, профессор.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры уголовного процесса Алматинской академии МВД Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Бужор, директор Института уголовного права и прикладной криминологии (Республика Молдова), доктор права, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

Н. И. Грачев, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

И. С. Дикарев, директор Института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Р. Г. Зорин, заведующий кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин факультета экономики и права Барановичского государственного университета Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, начальник Департамента государственной службы и кадров МВД России, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. М. Маркосян, начальник кафедры уголовного права и криминологии Образовательного комплекса полиции Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент.

Д. М. Мирзоев, начальник кафедры предварительного следствия и криминалистики Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доцент.

С. Д. Назаров, председатель Волгоградского областного Совета ветеранов, кандидат юридических наук, профессор.

А. И. Овчинников, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, заместитель начальника Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. Я. Рыженков, профессор кафедры гражданского права и процесса Калмыцкого государственного университета имени В. В. Городовикова, доктор юридических наук, профессор.

Редакторы
С. М. Голятина,
М. В. Остертак

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400089, Волгоград,
ул. Историческая, 130.

Подписано в печать:
23.09.2019.

Дата выхода в свет:
27.09.2019.

Формат 60X84/8.
Печать офсетная.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 19,5.
Усл. печ. л. 18,1.
Тираж 500. Заказ 45.

Цена по подписке
по каталогу
«Роспечать»
513 руб. 44 коп.
(2 номера).

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400131, Волгоград,
ул. Коммунистическая, 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2019

К. К. Сейтенов, директор научно-исследовательского института судебной экспертизы Казахского гуманитарно-юридического университета (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. С. Чичерин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шаплеров, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Состав редакционной коллегии

С. М. Голятина, редактор редакторской группы редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России (ответственный секретарь).

С. П. Доронин, доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент.

Н. В. Кальченко, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

С. В. Катков, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

О. С. Колосович, заместитель начальника кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Намнясева, начальник кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. В. Полов, доцент кафедры теории и истории права и государства, кандидат юридических наук, доцент.

Н. Л. Радаева, начальник отделения информации и общественных связей Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

А. А. Редько, начальник научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Г. М. Семененко, заместитель начальника кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

А. А. Тихонов, начальник редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук.

Е. Н. Трофимов, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

А. Г. Фастов, ученый секретарь ученого совета Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Issue 3 (50) 2019 : scientific and methodical journal. — Volgograd : VA MVD Russia, 2019. — 156 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published

The journal is included into the system Russian index scientific citation. Full-text versions of articles and bibliographic lists are placed on the Scientific electronic library (www.elibrary.ru)

The Journal is registered at the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate number **PI № FS77-75804** as of May 23, 2019

Subscription index at the catalogue "Rospechat": **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

EDITOR-IN-CHIEF

V. I. Tretyakov, Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Academy for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

A. P. Alekseeva, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

The editorial council

A. P. Anisimov, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

P. V. Anisimov, Head of Theory and History of State and Law Department of the Volgograd Institute of Business, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Criminal Procedure of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Buzhor, Director of the Institute of Criminal Law and Applied Criminology (Republic of Moldova), Doctor of Law, Professor.

V. G. Glebov, Head of the Criminal Proceeding and Criminalistics Department of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

N. I. Grachev, Professor at the Constitutional and Administrative Law Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

I. S. Dikarev, Head of the Faculty of Law of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Preliminary Investigation Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

R. G. Zorin, Head of the Department of Civil and Criminal Law Disciplines of the Economics and Law Department of the Baranovichi State University of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Head of the Department of the Civil Service and Personnel of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the OVD of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. M. Markosyan, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Educational Complex of Police of the Republic of Armenia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Preliminary Investigation and Criminalistics of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. D. Nazarov, Head of the Volgograd Regional Council of Veterans, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

A. I. Ovchinnikov, Professor of the Theory and History of State and Law Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Deputy Head of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor.

Editors
S. M. Golyatina,
M. V. Ostertak

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400089, Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
23.09.2019.

Date of publication:
27.09.2019.

Format 60X84/8.
Offset printing.
Font Arial.
Physical print sheets 19,5.
Conventional print sheets 18,1.
500 copies. Order 45.

Subscription price
by catalogue
"Rospechat"
513 ruble 44 kopeek
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the interior of Russia.
400131, Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the interior of Russia,
2019

A. Ya. Ryzhenkov, Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

K. K. Seytenov, Director of the Center for Forensic Experts' Advanced Training, Kazakh Humanitarian Law University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

B. P. Smagorinsky, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. S. Chicherin, Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

Yu. P. Shkaplerov, First Deputy Chief of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

The editorial board

S. M. Golyatina, Editor of the Editorial Team of the Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Executive Secretary).

Yu. P. Doronin, Senior Lecturer at the Philosophy Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Historical Sciences, Docent.

N. V. Kalchenko, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

S. V. Katkov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

O. S. Kolosovich, Deputy Head of the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Namnyaseva, Head of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

V. V. Popov, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

N. L. Radaeva, Head of Department of Information and Public Relations of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

A. A. Redko, Head of the Research Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

G. M. Semenenko, Deputy Head of the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Tikhonov, Head of Editorial and Publishing Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Philosophical Sciences.

E. N. Trofimov, Associate Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

A. G. Fastov, Scientific Secretary of the Scientific Council of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Грачев Н. И.
Идентификация политических режимов:
о содержании понятия и основаниях классификации

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Попов М. Ю.
О политико-правовой сущности народа и населения
как особых субъектов правовых отношений

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Александрова А. В.
Либерализация уголовного наказания
в Российской Федерации
Берестовой А. Н.
Теоретико-правовые вопросы
регламентации уголовной ответственности
за причинение вреда
при проведении спортивных состязаний
Боренов А. Ю.
Криминологическая оценка
состояния коррупционной преступности
в профессиональном боксе

Бугера М. А., Ялов А. М., Чхвимиани Э. Ж.
Предупреждение преступлений,
связанных с неправомерным завладением
автомобилем
или иным автотранспортным средством:
криминологический аспект
Жукова С. С.
Структурированность
как признак преступного сообщества
(преступной организации)

Козаренко Ю. И.
Назначение наказания
при наличии смягчающих обстоятельств
Овчинников В. А., Москвичев Ю. Н.
Физическое воспитание человека
как одно из направлений
криминологической профилактики
отклоняющегося поведения
Урда М. Н.
Квалифицирующие признаки
как средство дифференциации
уголовной ответственности
за организацию незаконной миграции

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Аширбекова М. Т.
Приговор: правореализационные качества
и сущностные свойства
Дронова О. Б., Мерзликин Р. А.
Источники формирования
информационной модели преступлений,
связанных с незаконным оборотом
потребительских товаров

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

8 Grachev N. I.
Political regimes: the question of the content
of the concept and bases of classification

CURRENT PROBLEMS OF STATE AND LAW

20 Popov M. Yu.
Political and legal essence
of the people and population perceived
as special subjects of legal relations

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

26 Alexandrova A. V.
Liberalization of criminal punishment
in Russian Federation
31 Berestovoy A. N.
Theoretical and legal issues of regulation
of criminal responsibility for causing harm in carrying out
of sports competitions

36 Borenov A. Yu.
Criminological assessment of corruption crime
in professional boxing

41 Bougera M. A., Yalov A. M., Chkhvimiani E. Zh.
Prevention of crimes related to unlawful seizure
of a car or other motor vehicle:
criminological aspect

47 Zhukova S. S.
Structured specifics as a feature of criminal community
(criminal organization)

56 Kozarenko Yu. I.
Punishment imposition
taking into account mitigating circumstances
62 Ovchinnikov V. A., Moskvichev Yu. N.
Physical education of a person
as one of the directions of criminological prevention
of deviant behavior

67 Urda M. N.
Qualificating signs as a means of differentiation
of criminal responsibility for the organization
of illegal migration

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

74 Ashirbekova M. T.
Sentence of the court: the quality of application of laws
and the essential properties
80 Dronova O. B., Merzlikin R. A.
Sources of formation
of the information model of crimes associated
with illegal trafficking of consumer goods

Еремин С. Г., Кондуков А. А., Хоршева В. С.
 Сущность и содержание некоторых элементов криминалистической характеристики преступлений, совершенных в сфере государственных (муниципальных) закупок.
 Особенности обыска и выемки на первоначальном этапе расследования
Козловский П. В.
 Планирование расследования преступлений
Контемирова Ю. В.
 Концептуальные основы оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел по противодействию миграционной преступности
Макогон И. В., Токарева Е. В.
 Особенности криминалистической характеристики преступлений, совершаемых иностранными гражданами на территории Российской Федерации
Муравьев К. В., Соколов А. Б., Мерлаков Д. С.
 Тактико-криминалистическое обеспечение производства обыска и выемки в ломбарде
Назаров С. Д., Морозова Д. А.
 Проведение оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, в отношении несовершеннолетних лиц
Попова О. А.
 Негативные обстоятельства: криминалистические и процессуальные аспекты
Проваторова К. В.
 Протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний как элементы общих условий предварительного расследования и судебного разбирательства
Салыкова А. К.
 Сравнительно-правовой анализ российского «досудебного соглашения о сотрудничестве» и казахстанского «соглашения о сотрудничестве» с зарубежными аналогами
Холов К. Б.
 Правовой анализ круга субъектов, наделенных полномочиями отказа от уголовного преследования в досудебном производстве, в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Таджикистан

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Костюченко Н. И., Мелихов А. И.
 Современные проблемы формирования теории национальной безопасности и ее преподавания, обусловленные отсутствием понятия феномена «безопасность» и разделов по основам теории социальных систем и теории управления

- 85 *Eremin S.G., Kondukov A. A., Khorsheva V. S.*
 The essence and content of some elements of the forensic characteristics of crimes committed in the field of state (municipal) procurement.
 Features of the search and seizure at the initial stage of the investigation
- 90 *Kozlovskiy P. V.*
 Planning of investigation of crimes
- 97 *Kontemirova Yu. V.*
 Conceptual framework for criminal intelligence activities of internal affairs authorities on fighting against migration crimes
- 102 *Makogon I. V., Tokareva E. V.*
 Features of criminalistic characteristics of crimes made by foreign citizens on the territory of the Russian Federation
- 108 *Muravyev K. V., Sokolov A. B., Merlakov D. S.*
 Tactical and criminalistic support of production of search and seizure in the pawnshop
- 114 *Nazarov S. D., Morozova D. A.*
 The conduct of operational investigative measures restricting the constitutional rights of citizens in relation to minors
- 119 *Popova O. A.*
 Negative circumstances: criminalistics and procedural aspects
- 125 *Provatorova K. S.*
 Reports of investigative activities and court records as elements of general conditions of pre-trial investigation and judicial proceeding
- 133 *Salykova A. K.*
 Comparative legal analysis of the Russian "pre-trial cooperation agreement" and the Kazakhstan "cooperation agreement" with foreign counterparts
- 141 *Kholov K. B.*
 Legal analysis of the circle of entities empowered to refuse criminal prosecution in pre-trial proceedings in accordance with the legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan

SCIENTIFIC DISCUSSION

- 146 *Kostuchenko N. I., Melikhov A. I.*
 Modern problems of formation of the theory of national security and its teaching, due to the lack of the concept of the phenomenon of "security" and sections on the foundations of the theory of social systems and control theory

Н. И. Грачев**ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ:
О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ И ОСНОВАНИЯХ КЛАССИФИКАЦИИ**

Под политическим режимом, как правило, понимается совокупность способов, средств и приемов осуществления государственной власти. Но историческая практика государственного строительства показывает, что указанное определение страдает некоторой узостью, не отражает многих качественных характеристик политического режима как одного из элементов формы государства, поэтому целью настоящей работы является установление полного аутентичного содержания данного понятия, которое позволило бы уйти от господствующего в теории государства схематичного и упрощенного подхода к типологии политических режимов, согласно которому все они подразделяются на *демократические* и *антидемократические*, а последние — на *авторитарные* и *тоталитарные*. В этой классификации под демократическим режимом понимается лишь одна из его разновидностей, которую правильней было бы назвать *либерально-демократическим режимом* и которая характерна лишь для современных капиталистических государств Запада, где ключевой характеристикой является понятие либерализма, а не демократии. В статье обосновывается, что для квалификации политического режима в конкретной стране на любом историческом этапе ее развития необходимо определить фактического носителя государственного верховенства, в интересах каких общественных классов и слоев этот носитель осуществляет властно-управленческую деятельность, и лишь в последнюю очередь, какие политические и правовые формы, методы и приемы превалируют в его деятельности. Только исходя из таких критериев, становится возможным выделение либерально-демократического, тоталитарно-демократического, тоталитарно-олигархического, авторитарно-олигархического, авторитарно-либерального, авторитарно-демократического, олигархически-либерального, олигархически-демократического и иных режимов, нередко упоминаемых в отдельных научных и публицистических работах, но практически игнорируемых современной юриспруденцией. Самыми крайними противоположностями среди политических режимов являются тоталитаризм и либерализм, которые в своем «чистом» виде практически не встречаются. Почти всегда политические режимы функционируют как некие промежуточные состояния между этими двумя крайними полюсами, имея тенденцию к одному из них. Не может существовать и абсолютно «чистых», неограниченно демократических режимов. Народ всегда и везде выступал и выступает как основной объект власти, а не ее субъект. Важнейшую роль в идентификации политического режима в том или ином государстве играет установление его социальной сущности, поскольку невозможно определение и конституирование оптимального режима функционирования государственного механизма в отрыве от общих основ устройства социума.

Ключевые слова: политический режим, государственная власть, суверенитет, политико-правовой порядок, олигархия, демократия, либерализм, авторитаризм, тоталитаризм.

N. I. Grachev**POLITICAL REGIMES:
THE QUESTION OF THE CONTENT OF THE CONCEPT AND BASES OF CLASSIFICATION**

The political regime, as a rule, is understood as a set of methods, means and methods of exercising state power. But the historical practice of state-building shows that the above mentioned suffers from a certain narrowness, does not reflect many of the qualitative characteristics of the political regime as one of the elements of the form of the state. Therefore, the purpose of this work is to establish a complete authentic content of this concept, which would allow a schematic and simplified approach to the typology of political regimes prevailing in the theory of the state, according to which they are all divided into democratic and anti-democratic, and among

the latter, authoritarian and totalitarian. In this classification, a democratic regime means only one of its varieties, which it would be more correct to call the liberal-democratic regime and which is characteristic only of modern capitalist states of the West, where the key characteristic is the concept of liberalism, and not democracy. The article substantiates that in order to qualify the political regime in a particular country, at any historical stage of its development, it is necessary to determine: the actual carrier of state supremacy; in the interests of which social classes and strata this carrier carries out power-management activities; and only in the last place, what political and legal forms, methods and techniques prevail in its activities. Only on the basis of such criteria does it become possible to single out a liberal-democratic, totalitarian-democratic, totalitarian-oligarchic, authoritarian-oligarchic, authoritarian-liberal, authoritarian-democratic, oligarchic-liberal, oligarchic-democratic and other regimes, often referred to in individual scientific and publicistic works, but practically ignored by modern jurisprudence. The most extreme opposites among the political regimes are totalitarianism and liberalism, which in their "pure" form practically do not occur. Almost always, political regimes function as certain intermediate states between these two extreme poles, tending to one of them. There can be no absolutely "clean", unlimited democratic regimes. The people always and everywhere acted and acts as the main object of power, and not its subject. The most important role in the identification of a political regime in a given state is played by the establishment of its social essence, since it is impossible to determine and constitute the optimal mode of functioning of the state mechanism in isolation from the general principles of the structure of society.

Key words: political regime, state power, sovereignty, political and legal order, oligarchy, democracy, liberalism, authoritarianism, totalitarianism.

В современном государствоведении *политический (политико-правовой, государственный, государственно-правовой) режим* принято рассматривать как элемент формы государства. При этом само понятие формы государства связывается в юриспруденции со спецификой его внутреннего строения. Так, в одном из учебных курсов о ней говорится как о категории, которая «показывает особенности внутренней организации государства, порядок образования и структуру органов государственной власти, специфику их территориальной обособленности, характер взаимоотношений друг с другом и населением, а также методы, которые используются ими для осуществления организующей и управленческой деятельности» [1, с. 79], поэтому изучить государство с точки зрения его формы — значит, изучить его строение, составные части, внутреннюю структуру, основные способы установления и осуществления государственной власти [2, с. 212]. Отсюда в структуре формы государства выделяют форму правления, государственное устройство и политический режим.

Форма правления призвана показать «внешний», «наружный» вид, устройство, структуру верховной власти государства, предусмотренную конституционным законодательством, а в более давние времена — одобренную и признанную народным правосознанием, т. е. под *формой правления* следует понимать *правовую организацию верховной (высшей) власти* в государстве, которая включает систему высших органов государственной власти в стране; порядок формирования

этих органов и характер их связи с населением; правовое положение (статус) каждого из высших органов государственной власти; порядок распределения суверенных правомочий, чем и предопределяется характер взаимоотношений между ними.

Понятие «*государственное устройство*» охватывает *территориальную организацию государства и государственной власти*, детерминирует характер отношений государства в целом, его верховной власти с составными территориальными частями (субъектами федерации, автономными образованиями, административно-территориальными единицами и т. д.) и их органами публичной власти. Как юридическое понятие «*государственное устройство*» («форма государственного устройства») призвано определить правовую модель *территориальной организации государства* и его населения, а также установить роль и место каждого территориального уровня в системе формирования и осуществления государственной власти, государственно-властных функций и полномочий, именно поэтому различные формы государственного устройства и их разновидности необходимо различать прежде всего по юридическим признакам, а не по фактическим и содержательным критериям.

Под *политическим режимом*, как правило, понимается *совокупность путей, средств, способов и приемов осуществления государственной власти*, проявляемых непосредственно в ее действиях, конкретных актах властвования и характере общего воздействия на различные сферы и отрасли

общественной жизни. Однако некоторые авторы считают, что понятие формы государства должно включать в себя лишь форму правления и государственное устройство, и рассматривают политический режим как элемент, характеризующий внутренний, содержательный, сущностный аспект государственной деятельности [3, с. 78]. Разделяя в целом такой подход, заметим, что политический режим имеет самое прямое отношение к проблеме фактического осуществления суверенитета (верховой власти) государства и *формам* его реализации. Уже отсюда, на наш взгляд, становится очевидным, что указанная выше дефиниция политического режима страдает некоторой узостью, не отражает его многих качественных характеристик и признаков самой формы государства.

Политический режим выступает как реальное, фактическое проявление организации и осуществления государственной власти, процесс ее действительного функционирования. С этой точки зрения он может быть определен как *фактический политико-правовой порядок* реализации государственной власти, организуемый и направляемый ее верховным носителем — сувереном.

Организация реального, фактического политико-правового порядка (режима его функционирования) сопряжена с принятием конкретных политических решений, которые на практике могут сильно видоизменить юридическую конституцию, т. е. правовую организацию верховной власти и установленный законодательством характер правовых связей между центром и местами: форму правления и форму государственного устройства — поэтому фактическая конституция может значительно отличаться от юридической благодаря самому характеру и направленности решений, принимаемых высшими органами государственной власти, а также степени их возможности и способности контролировать нижестоящие звенья государственного аппарата и различные социальные слои населения, этнические и региональные элиты и состояние дел на местах. От этого зависит не только дееспособность верховной власти и отношение к ней со стороны населения, но и само существование, внешняя самостоятельность и независимость государства и государствообразующего народа.

Правы те авторы, которые связывают понятие политического режима с легитимностью государственной власти [4, с. 197—208]; [5, с. 16]; [2, с. 246] и рассматривают его не только как систему способов и средств, но и *форм* властвования, «через которые государственная власть легити-

мирует свое существование и функционирование» [5, с. 17]. Здесь обращает на себя внимание признание в качестве составной части политического режима форм властвования. Они могут быть правовыми, внеправовыми и неправовыми — сугубо организационными, политическими, административными, организационно-политическими и т. д. Режим сопоставляется не только с функционированием, деятельностью государственной власти, но с самим ее существованием, наличием как таковой вне зависимости от способов ее утверждения, форм и методов реализации. Главное — это принятие и поддержка верховной власти со стороны населения, признание ее законной и справедливой, а следовательно, признание такими способами и средств, которые она применяет в своей деятельности в конкретных условиях.

В свою очередь, легитимация конкретного субъекта (носителя) верховной власти происходит на основе признания государствообразующим народом определенного общественного идеала (какой-то большой политико-правовой идеи), носителем и выразителем которого выступает верховная власть. Политико-правовая идея может принимать различные формы (религиозной, морально-нравственной, социально-экономической доктрины, политико-правовой идеологии и т. д.), но она значительно отличается от всех прочих идей тем, что всегда «выражает некоторый порядок общественной жизни, главным образом тот, который касается осуществления членами общества своей физической, экономической и интеллектуальной власти над вещами и другими людьми» [4, с. 55], поэтому верховная власть, когда она признается и поддерживается обществом, — всегда метафизическая власть, власть определенных идей и идеалов.

Речь идет о некоторой системе социально-политических ценностей — идей и принципов, носителем которых является весь государствообразующий народ или его большинство, а выразителем — правящий слой, активное меньшинство, формирующее идеи и принципы и выступающее их транслятором. Признание народом авторитета верховной власти, его согласие с ее формами, аспектами и методами деятельности в целом всегда осуществляется в рамках тех ценностей, которые разделяются им на данном историческом этапе. В связи с этим верховная государственная власть имеет свою систему убеждений или, если воспользоваться терминологией Н. С. Трубецкого, собственную «идею-правительницу» [6, с. 438—443]. На ней формируется общее мировоззрение государствообразующего народа и строятся орга-

низация и деятельность верховной власти. Такая «идея-правительница» служит основой политических и правовых представлений подавляющей массы населения, легитимирующей конкретную организацию верховной власти и ее властно-организующую деятельность. В этом смысле все государства являются в той или иной степени идеократическими.

Однако под воздействием времени, новых условий и идеологий, необходимости модернизации экономики и т. д. прежние, традиционные формы организации верховной власти (формы правления) и территориального устройства государства (формы государственного устройства) начинают требовать своего реформирования, но в силу определенной консервативности правовой системы, самой устойчивости или малой подвижности таких форм это сделать очень нелегко. Вместе с тем в условиях кардинальных реформ, революционных потрясений, смены общественно-экономических формаций у нового правящего слоя возникают соблазны коренным образом поменять все формы организации государства и государственной власти, хотя для этого никаких особых предпосылок еще не существует или они очень малы и находятся в зачаточном состоянии. Тогда новые организационные формы постепенно начинают наполняться традиционным содержанием с помощью вполне привычных способов и средств осуществления власти. В обоих случаях политический режим может корректировать недостатки или слабые стороны формы правления и формы государственного устройства и даже видоизменять их с точки зрения их содержания.

Не случайно, исследователи рассматривают политический режим как наиболее динамичную, подвижную часть формы государства, чутко реагирующую на все важные процессы и изменения в условиях существования и жизнедеятельности государственно организованного общества, его социально-культурной среды, соотношения социальных групп и сил. «Государственный режим, — отмечает М. Н. Марченко, — в значительной мере индивидуализирует форму государства, определяет ее роль в государственно-правовом механизме, <...> указывает на ее известную организационную законченность» [2, с. 250]. Режим функционирования верховной власти в конкретном государстве существенно влияет на его форму правления в направлении ее индивидуализации даже по отношению к конкретным ее разновидностям монархии или республики, а реальное распределение властных функций и полномочий между

центром и регионами способно направить развитие формы государственного устройства в иное русло, чем это предусмотрено конституционным законодательством. В связи с этим представляется весьма схематичным и упрощенным господствующий подход к типологии государственных режимов, согласно которому все они подразделяются на *демократические* и *антидемократические*, а последние — на *тоталитарные* и *авторитарные*. Данная классификация жестко противопоставляет тоталитарный и демократический режимы, а авторитаризм нередко рассматривается как некая переходная форма от тоталитаризма к демократии и нечто среднее между ними [7, с. 241—248]. Иногда авторитарный и тоталитарный режимы объединяются под общим названием: автократический [8, с. 42—43] или диктаторский [9, с. 167—170].

В приведенной классификации под демократическим режимом понимается лишь одна из его разновидностей, которую правильней было бы назвать *либерально-демократическим режимом* и которая характерна для современных капиталистических государств Запада, где ключевой характеристикой является понятие либерализма, а не демократии. Однако необходимо иметь в виду, что западная либеральная демократия есть только один из вариантов демократии. Не случайно, некоторые авторы, в том числе известные представители западной либеральной мысли, такие как Ф. Закария, выделяют в качестве особой разновидности политических режимов *либерально-недемократические* и *нелиберально-демократические* [10, с. 49—50, 75—78, 83, 87—123]. К первым он относит ряд стран Восточной Азии 1950—1980-х гг. (Тайвань, Южную Корею, Малайзию), Чили в 1970—1990-е гг. в период правления генерала А. Пиночета. Вторыми, на наш взгляд, следует считать оригинальные, нелиберальные, но окрашенные национальной демократической спецификой политические режимы в Китае, Иране, Венесуэле, на Кубе и до недавнего времени в Ираке и Ливии. «Их демократичность объективна и нисколько не зависит от чьего-либо „признания“ или „непризнания“» [11, с. 202], поскольку носит сущностно социальный характер: они осуществляются в интересах широких народных масс.

Полагаем, вполне правомерно разделение политических режимов на *либерально-авторитарные* и *авторитарно-демократические*. Примером первых можно считать Испанию при Ф. Франко (1939—1975 гг.) многие латиноамериканские государства 40—90-х гг. XX в. (режим Х. Д. Перона в Аргентине

в 1940—1950-е гг. или того же А. Пиночета в 1970—1990-е гг. в Чили), и некоторые страны Азии и Африки второй половины XX в. (например, Египет с 50-х гг. XX в. до настоящего времени). Иллюстрацией вторых являются Куба, Ливия при М. Каддафи (1969—2011 гг.), Египет при А. Г. Насере (1954—1970 гг.), Сирия при отце и сыне Асадах (с 1970 г.).

Существуют также демократические режимы, сочетающие элементы оригинального политического творчества, основанного на национальной политико-правовой культуре, и черты, заимствованные у западных либеральных демократий (Индия, Малайзия, Пакистан, Казахстан, Белоруссия, Россия) [11, с. 202]. Как правило, такие режимы сочетают в себе элементы демократии, либерализма и мягкого, а иногда и не очень, авторитаризма.

Исходя из сказанного, представляется, что понятие политического режима как системы способов и форм осуществления государственной власти также отражает его понятие недостаточно полно. Если понятие формы правления показывает формальную, правовую сторону организации верховной власти, т. е. отвечает на вопросы «кому верховная власть принадлежит „де юре“», «кто формально-юридически имеет и реализует суверенные права?», то *понятие государственного режима определяет: 1) фактического обладателя суверенитета (сословия, социальной или политической группы, которой принадлежит де факто верховная власть); 2) в интересах каких социальных групп (сословий, классов, народа в целом) он осуществляет государственную власть; 3) то, какими формами, методами и средствами он пользуется для принятия и осуществления своих решений.* Другими словами, для квалификации политического режима в каждой конкретной стране на любом историческом этапе ее развития необходимо определить: фактического носителя государственного верховенства (вождя, монарха, правящий слой, партийную или бюрократическую верхушку и т. д.); в интересах каких общественных классов и слоев этот носитель осуществляет властно-управленческую деятельность; какие политические и правовые формы, методы и приемы преваляют в его деятельности.

С указанных позиций полисная демократия Древней Греции, как и аристократия Древнего Рима, вполне заслуживает определения «тоталитарной», о чем вполне обоснованно написал в свое время Ф. де Куланж, причем этот демократический и аристократический тоталитаризм носил еще и теокра-

тический характер [12, с. 237—253, 378—388]. Кроме того, следует признать, что советский режим при И. В. Сталине носил и тоталитарный, и вполне демократический характер. К. В. Арановский называет его охлократией [13, с. 265—266]. Однако вряд ли можно назвать властью толпы, черни режим, где существует культ одной личности, которая, как о том пишет сам автор, своим могуществом превосходит любых монархов, опирается при этом на очевидное одобрение подавляющей массы [13, с. 266] и существует на протяжении нескольких десятилетий. Ведь охлократия близка к анархии и неспособна существовать в относительно чистом виде сколько-нибудь длительное время, так как отрицает какое-либо твердое организующее начало.

Главное, на наш взгляд, что отличает демократический режим — это соответствие деятельности аппарата государственной власти интересам народа или его большинства. Фактически же (а при рассмотрении государственного режима важны именно фактическая сторона дела, реально существующие формы и методы осуществления власти) воля народа всегда будет адекватна и тождественна самой себе, когда принимаемое политическое решение отвечает его интересам и представлениям о нравственном идеале общего блага, добра и справедливости. В таком случае совсем не имеет значения, выводятся ли властные решения из миллиона голосов или та же самая воля проявляет себя формально как воля отдельного человека [14, с. 173].

В условиях авторитарной и тоталитарной демократии, как правило, существует политический и (или) партийный лидер — диктатор — наделенный широкими народными массами неограниченным доверием. Утверждается и действует принцип «благо народа — высший закон». Решения диктатора, концентрирующего фактически все полномочия суверенного значения, воспринимаются как осуществление надежд и чаяний народа. Цель его деятельности рассматривается в русле реального осуществления суверенитета — обеспечение благополучия нации, достижение государственного могущества, утверждение внутреннего единства, борьба с внешними и внутренними врагами, поэтому демократия часто сочетается с тоталитаризмом единственной правящей партии и авторитаризмом государственных лидеров и вождей.

Некоторые авторы, исходя из самого определения государственного режима, считают, что демократия не политический режим, а форма прав-

ления, показывающая организацию верховной власти, при которой народ играет решающую роль в ее осуществлении. «Форма правления отвечает на вопрос „кто правит?“, а режим правления — „как правит?“» [15, с. 115]. Такой подход восходит к Платону, Аристотелю и Полибию. Однако эти авторы не делали различий между формой правления и политическим режимом в силу относительной простоты организации власти и управления в античном полисе и полном соответствии форме организации верховной власти определенным методам ее осуществления. Совсем не так обстоит дело в государствах модерна и постмодерна.

На наш взгляд, в Новое и Новейшее время понятие формы правления показывает формальную, правовую сторону организации верховной власти, т. е. отвечает на вопросы «кому верховная власть принадлежит „де юре“», «кто формально-юридически имеет и реализует суверенные права». Понятие государственного режима определяет фактического обладателя суверенитета и то, какими формами, методами и средствами он пользуется для принятия и осуществления своих решений. В связи с этим не случайно, что в современной литературе говорится не только о демократическом, но и об аристократическом, олигархическом, плутократическом, военном, абсолютистском, парламентском, министрериалистском, президентциалистском, дуалистическом, партократическом, а также конституционном, плюралистическом, либеральном, пробуржуазно-либеральном и пробуржуазно-авторитарном и других режимах [16, с. 153—158]; [17, с. 230—232, 342—353]; [18, с. 216—226].

Тоталитаризм как государственный режим противоположен не демократии, которая в своем «чистом» виде гораздо ближе к форме правления, а либерализму. Демократия вполне может быть тоталитарной. В то же время монархия, аристократия и авторитаризм легко сочетаются с либерализмом.

Либерализм как система ценностей и государственный порядок основан на приоритетах интересов отдельных индивидов, их отрыве от общего государственного интереса и их противопоставлении друг другу. Интересы индивидов, выраженные в закрепленных законодательством субъективных правах и свободах, признаются священными и неотъемлемыми. Основными среди них со времен Дж. Локка являются права на свободу, собственность и личную неприкосновенность [19, с. 277—330]. Права и свободы закрепляются конституцией. По этой причине ей присваиваются те же роль и значение, которые имело Священное Писание

в традиционном обществе, исповедовавшем религиозные ценности. Тем самым индивидуальные интересы и субъективные права с точки зрения теории либерализма обладают приоритетом перед волей большинства или демократически сформированного законодательного органа. Отсюда *либеральным* является такой режим, при котором верховная государственная власть предоставляет максимум свобод отдельным лицам, в первую очередь в области экономики, и в идеале практически не вмешивается в общественную жизнь, выполняя функцию «ночного сторожа», применяя принудительные меры только в случае нарушения субъективных прав и свобод. Важнейшим признаком либерального режима служат: свобода частной собственности, рыночные отношения и свободная конкуренция в экономической сфере; идеологическое многообразие (плюрализм) и свобода деятельности политических партий и общественных движений, средств массовой информации — в общественно-политической сфере; этнический, региональный, конфессиональный и т. д. плюрализм в культуре. На уровне государственной организации важными являются принципы конституционализма, парламентаризма, правового государства как верховенства права над государственной властью и ее ограничение правами и свободами личности, организация государственного аппарата в соответствии с принципом разделения властей. Формами правления при таком режиме могут быть любые модели республиканизма и парламентарная монархия. Если он удовлетворяет интересы подавляющего большинства населения, его характеризуют как *либерально-демократический*. Его обязательными признаками являются: организация государственной власти на началах выборности (единственное ограничение — наличие наследственного монарха в парламентарных монархиях); всеобщее избирательное право; регулярное проведение выборов; реальная возможность вынесения проектов политически значимых решений на референдум; наличие национального консенсуса о либерально-демократических ценностях и целях и поддержание на этой основе национального политического единства и солидарности. Такой политический режим существовал в странах Запада (Западная Европа, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия) после Второй мировой войны почти до начала нынешнего столетия.

Однако либеральный режим может осуществляться в интересах весьма узкой части экономически господствующего класса (крупной буржуазии

и сросшейся с ней верхушки родовой аристократии в Великобритании XVIII—XIX вв., монополистической буржуазии в развитых экономически странах Запада в конце XIX — первой половине XX в., мировой финансовой олигархии начиная с 90-х гг. XX в.). В таком случае политический режим становится *либерально-олигархическим (олигархически-либеральным)*.

В переводе с греческого *олигархия* — это *власть немногих. Олигархический политический режим — это политико-правовой порядок, при котором власть осуществляется в интересах узкой социальной группы.* Проблема его определения заключается в том, что во все времена во всех государствах существует ясно выраженное меньшинство, элита, являющаяся представителем господствующих культурных тенденций в общественной жизни, а среди элиты, внутри нее, выделяется еще более узкий слой, фактически управляющий государством (правящий класс, ведущий слой и т. д.). Как писал по этому поводу Р. Арон, «все режимы, по сути, определяются борьбой за власть и тем, что власть находится у небольшой группы» [20, с. 42], поэтому с точки зрения наличия фактического социального субъекта верховной власти все известные государства являются олигархиями «и вообще не существовало никакого иного государства, кроме олигархического» [21, с. 545]. Это вытекает из иерархического строения всякого государственно организованного общества. Однако, исходя из социальной сущности, можно выделить *идеальные, «чистые», неограниченные олигархии*, существующие в *государствах с открытым олигархическим режимом властвования*, где олигархическая (аристократическая) форма правления совпадает с олигархическим режимом (Спарта в античном мире; Венеция и Генуя в средневековой Италии; Новгородская республика, в которой вече с XIII в. превратилось в собрание «золотых поясов» и др.), и *олигархии ограниченные, замаскированные демократическими или авторитарно-автократическими формами.*

По генезису, субъекту и социальной сущности олигархические режимы могут быть *аристократическим*, когда власть осуществляется в интересах родовой знати (феодалные государства средневековой Европы); *плутократическим (плутос, греч. — богатство)*, осуществляемым в интересах крупной финансовой буржуазии, банковского капитала (США и другие страны Запада с 80—90-х гг. XX в.; Россия середины — конца 90-х гг. XX в., когда страной правили не столько официальные органы власти, сколько крупные банкиры,

разбогатевшие на финансовых махинациях и приватизации — так называемая «семибанкирщина»; многие «молодые демократии», вступившие на путь капиталистического развития проходят этот этап); *бюрократическим*, осуществляемым в интересах политико-административной элиты и проводимым ею самой; *теократическим* (клерикальным), когда власть принадлежит жреческому сословию и происходит соединение духовной и светской власти; *партократическим*, когда господство правящей партии маскирует реальные интересы крупного капитала или верхушки партийно-государственной элиты; *военным (милитократия или стратократия)* — особая форма авторитарного правления, когда власть прямо принадлежит верхушке армии, за которой скрываются интересы крупных собственников либо самого генералитета, сросшегося с военно-промышленным капиталом (Япония в 1900—1945 гг., Турция с основания республики в 1923 г. генералом М. Кемалем (Ататюрком) по 2000-е гг., режимы генерала Зия-Уль-Хака в Пакистане в 1977—1988 гг., генерала А. Стресснера в Парагвае в 1954—1989 гг. и подобные им режимы в других странах Южной Америки в разные периоды истории XX в.).

Олигархия легко сочетается с демократией. По сути, все *либерально-демократические режимы являются олигархически-демократическими*, где фактическая власть олигархии замаскирована демократическими институтами и процедурами, а демократия выступает технологией отбора правящей элиты и ее своевременной ротации. Это вытекает из того факта, что народ как совокупность составляющих определенное сообщество людей не способен, будучи взятый в целом, осуществлять функции управления. Часто так называемые демократические режимы на деле есть не что иное, как плутократические олигархии, о чем еще более века назад писали такие выдающиеся классики западной политической мысли как В. Парето и Г. Моска [22, с. 59—67]; [23, с. 412—417].

Олигархия может быть авторитарной (автократической). Исторический опыт показывает, что подавляющее большинство всех авторитарных режимов бывают *авторитарно-олигархическими*, реже *авторитарно-демократическими*. Они возникают в условиях революционной ситуации или острой классовой (внутриклассовой) борьбы, что позволяет политическому лидеру, официальному или фактическому главе государства возвыситься над борющимися партиями и стать относительно автономным по отношению к ним, проводя политику, исходя из собственного понимания ситуации,

интересов господствующего класса или широких народных масс. К авторитарно-олигархическим в первую очередь относят так называемые бонапартистские (цезаристские) режимы, вырастающие «из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции» [24, с. 79—85]. Кроме режима Юлия Цезаря в период перехода от республики к монархии в Древнем Риме, Наполеона I и Наполеона III во Франции XIX в. к ним относят протекторат О. Кромвеля в Англии (1649—1658 г.), О. фон Бисмарка в эпоху объединения Германии (конец 60-х — начало 90-х гг. XIX в.), франкистский режим в Испании (1939—1975 г.), режим А. Салазара в Португалии (1933—1968 г.), целый ряд южно-американских, азиатских и африканских режимов на протяжении XX в. К авторитарно-демократическим можно отнести голлистский режим во Франции (1958—1969 г.), кемалистский в Турции (1923—1938 г.), режим М. Каддафи в Ливии (1969—2011 г.), современные режимы в Венесуэле (начиная с президентства У. Чавеса в 1999 г.), братьев Фиделя и Рауля Кастро на Кубе с 1959 г. по настоящее время, нынешние режимы в Китае и Иране и некоторые другие.

Различают «жесткие» и «мягкие» авторитарные режимы. Но все они в настоящее время в большей или меньшей степени отличаются следующими чертами: а) монополией на политическую деятельность (реализацией суверенных прерогатив) фактического главы государства (группы политических лидеров, военной хунты и т. д.); б) практическим отсутствием легальной оппозиции правящему режиму, которая может вообще запрещаться, существует формально либо ставится в условия, не позволяющие ей нормально функционировать (псевдомногопартийность); в) фактическим подчинением представительных органов органам высшей исполнительной власти, превращением парламента в законсовещательный орган при главе государства и концентрацией реальных властных полномочий в исполнительном аппарате; г) преобладанием в деятельности главы государства (политического лидера, диктатора, вождя) дискреционных, т. е. основанных на собственном усмотрении, полномочий, что дает ему возможность действовать вне конституционного поля часто при формальном соблюдении конституции (режим «мнимого конституционализма»); д) ограниченное вмешательство в экономику и другие неполитические сферы жизни общества, гарантирование, хотя и не в полном объеме, личных и социально-экономических прав граждан; е) для

управления общественной жизнью и проведения необходимых реформ могут использоваться террористические методы, но они носят, как правило, временный и весьма ограниченный, выборочный характер.

Таким образом, авторитарно-олигархический и авторитарно-демократический режимы легко спутать, если при их рассмотрении брать за основу классификации используемые ими формы и методы осуществления власти. Главное, что в данном случае их отличает, — это различная социальная сущность. Олигархический режим реализуется в интересах господствующего класса или какой-то его части. При демократическом режиме деятельность государственной власти отвечает интересам широких народных масс. При таком подходе авторитаризм и диктатура не могут быть решительной противоположностью демократии, а демократия — диктатуре и авторитаризму, на что практически одновременно обратили внимание в 1910—20-х гг. М. Вебер [25, с. 372—383]; [26, с. 228—242]; [27, с. 399—403], В. И. Ленин [28, с. 194—203]; [29, с. 245—247] и К. Шмитт [30], поэтому демократия как политический режим часто сочетается с диктатурой и авторитаризмом государственных лидеров или партийных вождей.

Аналогичный подход необходим и при анализе *тоталитарных режимов*. Среди них можно выделить «правые», фашистские, национал-шовинистические, выражающие интересы наиболее реакционных кругов монополистического капитала, являющиеся по своей социальной сущности *тоталитарно-олигархическими*, и «левые», социалистические, выражающие интересы широких народных масс, которые по своей социальной сущности являются *тоталитарно-демократическими*. Однако, прежде всего, при их характеристике следует иметь в виду, что тоталитаризм есть разновидность идеократических государственных режимов.

В переводе с греческого *идеократия* — *власть идей*. *Идеократический режим* — это такой государственный порядок, при котором не только политическая и правовая сферы, но и вся общественная жизнь всецело определяются господствующей идеологией. Государственная власть, ее организация и деятельность, мораль и законодательство строятся на общепринятой системе идей. Основные идеологические постулаты выступают как высшие социально-нравственные ценности и потому являются основными регуляторами всех общественных отношений, с которыми должны соотноситься политика и право. В Древнем

мире и средневековые практически во всех государствах существовал идеократический режим, как правило, принимавший форму *теократии* или имевший ее существенные признаки.

Теократия — такой государственный порядок, в котором происходит соединение верховной религиозной и светской власти (верховным правителем признается Бог или его наместники на земле) и вся социальная жизнь строится в строгом соответствии с нормами господствующей религии. Теократическими государствами были Древний Египет, государства Шумеро-Аккадской цивилизации, Иудейское царство, древние и средневековые Китай и Индия. В конце I — начале II тысячелетия в странах Западной Европы многие аспекты теократической государственности воплощались в форме *папозаризма*, когда римские первосвященники сосредоточивали в своих руках как духовную, так и светскую власть. Великими теократическими империями были Византия и Арабский халифат. Свообразными теократическими чертами обладали Османская империя и Московское царство. Практически все мусульманские государства вплоть до XX в. имели теократические режимы. В настоящее время они сохраняются в таких странах, как Саудовской Аравии и Иране, хотя первая является монархией, а вторая — республикой.

В XX в. основной формой идеократии стал тоталитаризм. *Тоталитарный* (от лат. total — всеобщий) режим — это такой государственный порядок, который характеризуется попыткой полного огосударствления всех сфер жизнедеятельности общества. Ему присущи следующие черты: а) наличие единой государственной идеологии, обязательной для всех, ее квазирелигиозный характер; б) идеологизация всей общественной жизни, подчинение постулатам господствующей идеологии всех социальных процессов; в) монополия государственной власти на информацию, ее полный контроль за всеми средствами массовой информации; г) однопартийная или псевдомногопартийная система с единственной правящей партией, выступающей официальным выразителем господствующей идеологии; д) строго иерархическое построение партийного аппарата, замыкающегося на личность вождя (вождистский характер правящей партии), который фактически, а часто и формально является главой государства; е) сращивание партийного и государственного аппарата, где все важнейшие посты занимают партийные функционеры; ж) жесткая централизация власти и концентрация всей полноты властных полномочий

на верхних этажах партийно-правительственной иерархии; з) отсутствие либо формальный характер деятельности представительных органов; е) полный контроль партийно-государственного аппарата за всеми сферами жизни общества (экономической, культурной, духовной и до определенной степени личной жизнью граждан); и) достаточно широкое и периодически повторяемое применение террористических методов для достижения идеологического и политического единства общества.

Таким образом, от авторитаризма тоталитарный режим отличается идеологическим единообразием и всеохватывающим контролем за экономикой и другими отраслями общественной жизни. Классическими тоталитарными режимами обычно считаются фашистские режимы Б. Муссолини в Италии (1922—1943 гг.) и А. Гитлера в Германии (1933—1945 гг.) — тоталитарно-олигархические режимы; социалистические режимы И. В. Сталина в СССР (1929—1953 гг.), Мао Цзе Дуна в Китае (1949—1976 гг.), Ким Ир Сена и его наследников в Северной Корее с 1945 г. по настоящее время, иногда к ним относят режим Ф. Кастро на Кубе — тоталитарно-демократические режимы. Так же, как и авторитаризм, тоталитаризм может быть «мягким», существующим на грани с авторитарным способом правления (социалистические страны народной демократии в Восточной Европе в 50—80-е гг. XX в., СССР в брежневскую эпоху в 1965—1985 гг., современный Китай).

Схожесть авторитарного и тоталитарного режимов объясняется в первую очередь их демократическим происхождением. «Масса по своей природе в состоянии исторгнуть из себя только два крайних типа общественного устройства — анархическую охлократию либо авторитарную диктатуру». Точнее, она «обреченно идет» через первое ко второму, поскольку охлократия и анархия как формы не существуют. Они по своей сути «есть последовательное отрицание всякой формы», поэтому, конечной станцией «необузданного движения масс остается авторитаризм в своих разнообразных конкретно-исторических проявлениях — вождь, народный монарх, диктатор» [31, с. 91]. Об этом же писал и Х. Оргета-и-Гассет, который подчеркивал, что, несмотря на всю внешнюю недемократичность и деспотизм, политические режимы, подобные русскому большевизму и итальянскому фашизму, являются ничем иным, как политическим диктатом масс [32, с. 47, 95].

Сказанное позволяет сделать несколько выводов:

Во-первых, самыми крайними противоположностями в классификации государственных

режимов являются тоталитаризм и либерализм, которые в своем «чистом» виде практически не встречаются. Практически всегда политические режимы функционируют как некоторые промежуточные состояния между двумя крайними полюсами, имея тенденцию к одному из них. Из этого факта вытекает возможное выделение тоталитарно-демократического, тоталитарно-олигархического, авторитарно-олигархического, авторитарно-либерального, авторитарно-демократического, олигархически-либерального, либерально-демократического и всех иных режимов.

Во-вторых, не может существовать абсолютно «чистых», неограниченных демократических режимов. Народ всегда и везде выступал и выступает основным объектом власти, а не ее субъектом, поэтому демократия как «власть народа» чаще всего оказывается представительной системой правления, при которой народ делегирует свои властные права представителям — депутатам, консулам, президенту. Не случайно отождествление субъекта и объекта власти стало основным логическим противоречием всех демократических теорий XIX—XX вв., которое оказалось неразрешимым и для практики современных демократических государств. В то же время можно выделить целый ряд признаков, которые позволяли бы отнести те или иные государственные режимы Нового и Новейшего времени к ограниченно демократическим: а) соответствие деятельности государственного аппарата интересам широких социальных слоев в относительно долгосрочной перспективе; б) легитимация (признание и поддержка) со стороны широких народных масс установленного политико-правового порядка; в) организация верховной (как минимум) государственной власти преимущественно (поскольку имеются ограниченные наследственные монархии) на основе выборов, прямых или косвенных; г) реальная возможность вынесения проектов государственных решений на референдум; д) установление всеобщего и равного избирательного права и права на участие в референдумах; е) регулярное проведение выборов; ж) поддержание единства и национальной (цивилизационной) солидарности или консенсуса в вопросе о базовых социально-нравственных ценностях (мировоззренческое единство) и целях социально-политического развития, утверждение и воспроизводство на этой основе национализма и патриотизма. При этом является очевидным, что форматы демократических инсти-

тутов и практик прямо и непосредственно зависят от национальной политической культуры, исторической специфики, внутривластного положения и внешних условий, в которых находится то или иное государство, пытающееся реализовать принципы демократического правления.

В-третьих, определение политического режима конкретной страны вовсе не предполагает учета всего многообразия форм, путей, методов и приемов реализации государственной власти и управления. При квалификации политического режима важен учет самой природы и приоритетности, предпочтительности используемых форм и способов властвования. Сама же эта приоритетность зависит от внешних и внутренних обстоятельств, условий, в которых находится данное государство, целей и задач, стоящих перед ним и обществом на конкретном историческом этапе их развития, национальной культурно-цивилизационной константы, сложившейся за весь период их существования. Определение такой приоритетности методов, средств и форм в деятельности государственных структур находится в компетенции верховной власти государства.

В-четвертых, важнейшую роль в определении политического режима в том или ином государстве играет установление его социальной сущности, на что в первую очередь и должны быть направлены усилия исследователя. Это вытекает из того, что невозможно теоретическое определение и практическое конституированное оптимального режима в отрыве от общих основ устройства социума. Сама постановка вопроса о лучшем политическом режиме вообще или для какого-то конкретного государства выглядит чрезмерно абстрактной.

В-пятых, не существует и не может существовать какого-то единого наилучшего (идеального) политического режима ни вообще, ни для какого-то конкретного государства. В каждом государственно организованном обществе формы, способы, средства и приемы, используемые в управлении социальной жизнью со стороны институтов публичной власти, как и сама их организация, должны отвечать национально-культурной традиции страны, быть приспособлены к условиям конкретной исторической обстановки и обеспечивать государственный суверенитет.

1. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2001. 776 с.
2. Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник: в 2 т. Т. 1. Государство. М., 2007. 752 с.
3. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 1996. 400 с.
4. Дибиров А.-Н. З. Теория политической легитимности: курс лекций. М., 2007. 272 с.
5. Киреева С.А. Политический режим как элемент формы государства (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1997. 28 с.
6. Трубецкой Н. С. Об идее-правительнице идеократического государства // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 438—443.
7. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. М., 1994. 272 с.
8. Olson M. Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships. New-York, 2000. 234 p.
9. Гаджиев К. С. Политическая философия. М., 1999. 606 с.
10. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004. 383с.
11. Иванов В. Теория государства. М., 2010. 272 с.
12. Куланж. Ф. де. Гражданская община древнего мира. СПб., 1906. 459 с.
13. Арановский К. В. Государственное право зарубежных стран: учебник. М., 1998. 488 с.
14. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Политическая теология: сб. М., 2002. С. 155—256.
15. Сафонов В. Н. Соотношение форм правления и режимов правления // Социально-политический журнал. 1998. № 1. С. 112—122.
16. Категории политической науки: учебник. М., 2002. 656 с.
17. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: в 4 т. Т. 1—2. Часть общая / отв. ред. Б. А. Страшун. М., 2000. 784 с.
18. Чиркин В. Е. Сравнительное конституционное право: учеб. пособие. М., 2011. 400 с.
19. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения: в 3 т. М., 1998. Т. 3. С. 135—405.
20. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. 303 с.
21. Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Русский народ и государство. М., 1998. С. 386—624.
1. Theory of state and law. Lectures. Ed. N. I. Matuzov, A. V. Malko. Moscow; 2001: 776.
2. Marchenko M. N. Problems of the General theory of state and law. Studies. In 2 volumes. Volume 1. State. Moscow; 2007: 752.
3. Mishin A. A. Constitutional (state) law of foreign countries. Moscow; 1996: 400.
4. Dibirov A. Z. Theory of political legitimacy. Lectures. Moscow; 2007: 272.
5. Kireeva S. Political regime as an element of the form of the state (theoretical-right research). Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences: author's abstract. Saratov; 1997: 28.
6. Trubetskoy N. S. About the idea-the ruler of the ideocratic state. History. Culture. Language. – Moscow; 1995: 438—443.
7. Dogan M., Pelassi D. Comparative political sociology. Moscow; 1994: 272.
8. Olson M. Power and Prosperity: outgrowing Communist and Dictatorships. New York; 2000: 234.
9. Gadzhiev K. S. Political philosophy. Moscow; 1999: 606.
10. Zakaria F. Future of freedom: illiberal democracy in the United States and abroad. Moscow; 2004: 383.
11. Ivanov V. Theory of the state. Moscow; 2010: 272.
12. Coolange. D. fon. The civil community of the ancient world. Saint-Petersburg; 1906: 459.
13. Aranovsky K. V. State law of foreign countries. Textbook. Moscow; 1998: 488.
14. Schmitt K. Spiritual and historical state of modern parliamentarism. In: Political theology: Collection. Moscow; 2002: 155—256.
15. Safonov V. N. The ratio of forms of government and regimes of government. Socio-political journal. 1998; 1: 112—122.
16. Categories of political science. Textbook. Moscow; 2002: 656.
17. Constitutional (state) law of foreign countries. In 4 volumes. Volume 1—3. Part of the total. Ed. by B. A. Strashun. Moscow; 2000: 784.
18. Chirkin V. E. Comparative constitutional law. Textbook. Moscow; 2011: 400.
19. Locke John. Two treatises of the Board. In: Works. In 3 volumes. Moscow; 1998; 3: 135—405.
20. Aron R. Democracy and totalitarianism. Moscow; 1993: 303.
21. Alekseev N. N. The current state of science of the state and its immediate objectives. In: Russian people and state. Moscow; 1998: 386—624.

22. Парето В. Трансформация демократии. М., 2011. 208 с.
23. Mosca G. The Ruling Class. New York; London, 1939. 514 p.
24. Ленин В. И. За деревьями не видят леса // Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 34. С. 79—85.
25. Вебер М. Будущая государственная форма Германии // Политические работы. М., 2003. С. 343—393.
26. Вебер М. Парламент и правительство в новой Германии // Политические работы. М., 2003. С. 107—299.
27. Вебер М. Рейхспрезидент // Политические работы. М., 2003. С. 399—403.
28. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 36. С. 170—208.
29. Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 37. С. 235—331.
30. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб., 2005. 326 с.
31. Павлюченков С. А. «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917—1929 годы. М., 2008. 463 с.
32. Оргета-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. М., 1997. С. 43—163.
22. Pareto V. Transformation of democracy. Moscow; 2011: 208.
23. Mosca G. The Ruling Class. New York; London; 1939:514.
24. Lenin V. I. For the trees can't see the forest. In: Complete works. Moscow; 1969; 34: 79—85.
25. Weber M. Future state form of Germany. In: Political works. Moscow; 2003: 343—393.
26. Weber M. Parliament and government in new Germany. In: Political works. Moscow; 2003: 107—299.
27. Weber M. Reichspräsident. In: Political works. Moscow; 2003: 399—403.
28. Lenin V. I. The immediate tasks of the Soviet power. In: Complete works. Moscow; 1969; 36: 170—208.
29. Lenin V. I. Proletarian revolution and renegade Kautsky. In: Complete works. Moscow; 1969; 37: 235—331.
30. Schmitt K. Dictatorship. From the origins of the modern idea of sovereignty to the proletarian class struggle. Saint-Petersburg; 2005: 326.
31. Pavlyuchenko C. A. "The knights of the sword": the Party and government after the revolution. 1917—1929. Moscow; 2008: 463.
32. Orgeta-I-Gasset H. Revolt of the masses. In: Selected works. New York; 1997: 43—163.

© Grachev N. I., 2019

© Грачев Н. И., 2019

Грачев Николай Иванович,
профессор кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Grachev Nikolay Ivanovich,
professor of the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

УДК 342.4
ББК 67.400.22

М. Ю. Попов

О ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СУЩНОСТИ НАРОДА И НАСЕЛЕНИЯ КАК ОСОБЫХ СУБЪЕКТОВ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье автор на основе комплексного анализа исследует место и роль таких субъектов правовых отношений, как народ и население, применительно к институту народовластия в целом. Актуальность данной темы обусловлена резким качественным изменением мировой тенденции общественного развития в условиях быстрой трансформации и слома ранее сложившихся традиционных отношений внутри триады «гражданин — народ — государство». Ранее автором уже определялся ряд неблагоприятных факторов в практике государственно-правовой жизни России, которые несут в себе угрозу национальной безопасности страны. Проведя анализ сущности таких субъектов правовых отношений, как народ и население, исследовав их роль в историческом процессе России, автор пришел к обоснованным выводам об их правосубъектности не только с точки зрения места в системе правоотношений, но и как субъектов и объектов исторического процесса в целом.

Ключевые слова: народ, население, нормы, принципы, народовластие, законодательство, право, политика, суверенитет, государство, гражданство.

М. Yu. Popov

POLITICAL AND LEGAL ESSENCE OF THE PEOPLE AND POPULATION PERCEIVED AS SPECIAL SUBJECTS OF LEGAL RELATIONS

On the basis of a comprehensive analysis the author of the article has studied the place and role of such subjects of constitutional and legal relations as the people and population with regard to the people's power institution in general. The author has identified the relevance of the given topic in view of dramatic qualitative changing of the world tendency of social development in the context of rapid transformation and breakdown of previously established traditional relations in the system of political and legal interconnection in such a fundamental triad as "a citizen – the people – the state". Earlier, in previous publications the author has already identified a number of unfavorable factors in the practice of State-based legal life in Russia, which constitute a significant threat to the national security of the country. Having analyzed the essence of such subjects of constitutional and legal relations as the people and population, having examined their place and role in the historical process in Russia, the author has come to the reasonable conclusions regarding the essence of their legal capacity not only in terms of place and role in the system of legal relations but also viewing them as subjects and objects of the historical process on the whole.

Key words: the people, population, norms, principles, people's power, legislation, law, politics, sovereignty, state, citizenship.

Протекающие уже четверть века мировые и региональные процессы слома существовавших ранее, казавшихся устойчивыми политико-правовых принципов и порожденных ими парадигм заставляют нас сфокусировать свой взгляд на таких понятиях, как народ и население.

На протяжении последних десятилетий мы являемся свидетелями и невольными участниками глобализации. Деяния отдельных «игроков» гло-

бального масштаба, в основе которых лежат управляемые и стихийные начала, выступают средством уничтожения идеи суверенного государства. Более того, это ставит под сомнение само существование имеющихся «классических» внешних форм организации государственной власти в целом. В таких условиях нарастает тотальная неспособность современных (особенно относительно молодых) государств к контролю за проникающими в

них глобальными процессами, что неизбежно ведет к ослаблению их внутренних и внешних суверенных прав. Безусловно, эта тенденция имеет объективный характер. Вместе с тем есть и иная точка зрения, которая указывает на субъективность рассматриваемого явления. Однако несомненно, что глобализация уже зримо влечет за собой трансформацию существовавшей ранее государственности. В частности, реальным фактом стало возникновение нового вида государственного суверенитета — ограниченного. В свою очередь, во внутренней политике ряда стран (Россия не исключение) обозначились два весьма противоречивых направления развития: 1) увеличение отдельными представителями высших государственных органов собственных полномочий и урезание полномочий органов самоуправления различного вида, все более ужесточающийся контроль за деятельностью последних; 2) сохраняющее еще инерцию с 1970-х гг. государственно-правовое движение в сторону децентрализации всей системы вертикали власти, которое в некоторых странах часто сопровождается передачей значительных полномочий центральной власти под прямое внешнее управление известных всем нам государств и союзов конфедеративного типа, эволюционирующих в сторону федеративных империй [1], причем в этих условиях мнение самого носителя суверенитета и единственного источника власти в демократическом правовом государстве на практике никого из «принимающих решение» не интересует. Есть, правда, и иной вариант, когда эти «принимающие решение» лица опираются в своих устремлениях на малочисленную люмпенизированную часть общества, организованную по известным технологиям манипуляции общественным сознанием для осуществления «бархатных революций». Такие группы создаются исключительно для обрамления подобных деяний ореолом некой легитимности. При этом и политики, и представители «улицы» выступают, как правило, от имени народа или населения.

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь

обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации» [2]. Похожие преамбулы (по смыслу целеполагания «отцов-учредителей») присущи практически всем конституциям государств, появившихся в ходе демократических преобразований или революций.

Российский конституционализм сумел вобрать в себя все основные принципы так называемого «классического» конституционализма, который, в свою очередь, изначально базировался на принципе верховенства народного суверенитета, рожденном теорией народовластия. Таким образом, учредительные полномочия народа в системе конституционно-правовых отношений не могут быть подвергнуты никаким сомнениям. Это было наглядно доказано самим способом принятия российской Конституции в декабре 1993 г. Но вместе с тем ее авторы дали достаточно размытое понятие народа как субъекта конституционно-правовых отношений. Исходя из преамбулы, ст. 3 Конституции и реалий жизни, вероятнее всего, категория «народ» в России в силу ее национально-исторических особенностей есть понятие, основанное на дуализме внутреннего содержания. С одной стороны, это социально-политическая общность, вобравшая в себя всю гамму этнического многообразия России, т. е. некий монолит. Именно так нас представляют за рубежом, как, впрочем, и мы в быту представляем себе граждан Китая или Индии (с точки зрения субъектного состояния на общенациональном уровне независимо от различных факторов, российский народ един). С другой — это группа лиц, обладающая собственным языком, правом на собственную землю (территорию проживания), равными правами с другими схожими по признакам группами (ст. 5, 9, 68 Конституции Российской Федерации). Права народов законодатель давно уже ввел в правовой и политический оборот, а обязанности и ответственность опустил. Между тем само содержание правосубъектности как правового состояния с правами без обязанностей и ответственности теряет всякий смысл. Или придает иной смысл самому понятию правосубъектности?

Общеприемлемое для всех государственно-правовое понимание содержания категории «народ» отсутствует. Разные авторы применяют различные термины: нация, народ, национальность. Эти категории могут существовать как синонимы, переплетаться, замещать друг друга либо быть

самостоятельными. С точки зрения содержания существуют несколько основных взглядов на понятие народа как субъекта конституционно-правовых отношений.

Условно первый. «В конституционной теории развитых стран понятия „нация“ и „народ“ фактически отождествляются» [3, с. 105], — пишет М. В. Баглай. Представляется, что данное утверждение верно, поскольку с точки зрения своего политико-юридического содержания они равны. Разница существует лишь в культурно-правовых доминантах законодателя, так как само слово нация пришло в российскую правовую культуру из европейского (в частности, польского) права в эпоху Петра I.

Условно второй, выразителями которого выступают В. А. Прокошин, А. Л. Пашин, С. Ю. Кузнецов, фиксирует, что народ — это простая физическая сумма лиц, имеющих одно национальное начало и проживающих в пределах одной исторически определенной территории [4, с. 31—32]. Полагаем, что здесь авторы попали в типичную «ловушку сознания», где присутствует путаница малого с большим. Не стоит отождествлять нацию и национальность (этнос), в первую очередь в полиэтничном государстве.

Условно третий базируется на утверждении, что нация и народ имеют разную юридическую природу, поэтому не могут быть равны [5, с. 228]. Нация есть нечто неосязаемое, абстрактное, следовательно, занимающее не зависимое от составляющих ее людей положение, в том числе правовое. Народ же является предельно предметной категорией, поскольку представляет собой некую обособленную общность именно граждан, охваченных в рамках конкретного государства [6, с. 122]. Такая точка зрения заслуживает уважения, но в то же время порождает сомнения в полноте охвата: оперирование простой суммой чисел оправданно в избирательном праве, даже демографические показатели дают качественные характеристики, но чаще всего уже за рамками собственно демографии.

Условно четвертое мнение состоит в том, что народ определяется по территории расселения (проживания). Приверженцы данной точки зрения считают, что народ — это «все население данного государства, образующее единую общность» [7, с. 14]. Однако то, что берется за основу создания такой общности, выходит за скобки рассуждений при анализе ее неоднородного состояния (не только социального, но и правового).

Существует еще одна позиция, адепты которой утверждают, что категория «народ» не может иметь единого толкования, так как в разных условиях на нее могут налагаться разные смысловые нагрузки, следовательно, разное значение [8].

Общеизвестно (в этом случае нет необходимости в какой-либо доктринальной ссылке), что только граждане имеют право на участие в делах государства. Часть конституций указывает на данное обстоятельство косвенным образом, а часть, включая Основной закон России (ст. 32), содержит прямой императив. Политическая деятельность на территории Российской Федерации также доступна только гражданам. Именно они в полной мере вправе использовать имеющиеся политические права и свободы. В этих условиях неизбежно возникает соблазн ввести их в категорию «народ». Однако все ли они обладают равной правосубъектностью? Не требуется даже детального анализа, чтобы говорить об обратном. Жизнь современного российского гражданина пронизана различными «цензами допуска». Возраст — один из них. Он является главным барьером для участия в делах государства в наиболее доступной форме — в форме избирателя (ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [9]). Кроме возраста есть и иные обстоятельства объективно-субъективного характера, препятствующие реализации права на участие в выборах: признание лица недееспособным, его содержание в местах лишения свободы по приговору суда (ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации). Являются ли для гражданина эти ограничения абсолютно постоянными? Нет. Таким образом, ошибочно подменять категорию «народ» усеченным образом избирательного корпуса [10, с. 138]. Как говорилось выше, значительная часть исследователей сводит качественные характеристики народа к суммам правосубъектности отдельных граждан. Представляется, что здесь ученых снова поджидает «ловушка сознания» в виде суммы определенных прав граждан. Между тем народ — это качественно иной субъект правоотношений, чем каждый гражданин в отдельности. Есть уверенность в том, что он выступает субъектом только в конституционных правоотношениях и более не в каких иных. Государственная власть без народа теряет всякий смысл: «правительство в изгнании», «параллельное правительство» — сколько их было, и где они?! Таким образом, народ есть государствообразующая общность. С одной стороны, это социально-политическая база государства,

с другой — непосредственный субъект государственно-правовых отношений в демократическом государстве. Отсюда следует, что суверенитет демократического государства тесно связан с суверенитетом народа. Они неотъемлемы друг от друга.

Народ — это сложная правовая категория, в которой за внешней простотой и очевидностью прячется большое количество недоговоренностей. В условиях противоречивых, а иногда взаимоисключающих мнений представляется, что уместнее всего сделать компилятивное обобщение, тем более что отечественный законодатель предпринял такую попытку 25 лет назад (см. Преамбулу Конституции Российской Федерации).

Народ — это являющаяся источником и носителем наивысшей политической власти культурно-историческая общность граждан конкретного государства.

В системе организации и осуществления местного самоуправления в России население выступает социально-политической основой и прямым субъектом, реализующим местное самоуправление непосредственно [11]. Именно к такому выводу придет любой исследователь текста ст. 130 Конституции Российской Федерации. В ней устанавливается императив, в соответствии с которым местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. определил место и роль населения в организации и функционировании местного самоуправления, наделил его ролью прямого субъекта ответственности за результаты деятельности муниципальных образований. Согласно ст. 1 указанного федерального закона местное самоуправление в Российской Федерации — это форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций [12].

Таким образом, население — вполне реальная политическая основа и прямой субъект осуществления местного самоуправления. Вместе с тем четкость в определении правового статуса населения в части его внутреннего содержания и функциональных возможностей как таковая отсутствует. До сих пор эта проблема носит дискуссионный характер, однако ее решение необходимо для по-

нимания сущности местного самоуправления как одного из институтов представительной и непосредственной власти народа в целом и населения в частности.

«Государственная власть на территории Волгоградской области осуществляется на основе сочетания и уважения интересов населения Волгоградской области, интересов всего многонационального народа Российской Федерации и общегосударственных интересов» (ч. 3 ст. 6 Устава Волгоградской области) [13]. Категория «население» в России выступает как обозначение особого субъекта теперь уже конституционно-правовых отношений. Но население краев, областей, городов федерального значения, российских автономий, муниципальных образований, являясь политической основой существования и деятельности этих видов субъектов конституционно-правовых отношений в Российской Федерации, ни национальным, ни тем более народным суверенитетом не может обладать по определению, это всего лишь часть многонационального народа.

История человечества хранит множество примеров того, как идея организации самостоятельного государства овладевала массами людей без наличия, казалось бы, зримых предпосылок обособления по государственно-национальному признаку. Одним из них может служить история возникновения Соединенных Штатов Америки. Однако и российское государственно-территориальное строительство развивалось не линейно, достаточно вспомнить такой забытый (и замалчиваемый) факт нашей истории, как существование Дальневосточной Республики в 1920-х гг.

На протяжении ряда лет мы видим, как, в частности, на Украине, находящейся под внешним управлением и в состоянии фактического паралича собственной центральной власти, не желающей в силу ряда причин защищать собственное население от произвола отдельных политических групп, происходят процессы трансформации значительной части населения Юго-Востока в народ, против которого был развязан откровенный этнокультурный и физический геноцид, которому в наиболее грубой форме отказывают в праве жить на земле своих предков, иметь собственное представление об истории (как неразрывной с историей России), говорить и думать так, как он привык (на русском). Из этого следует, что мы стали невольными свидетелями превращения населения отдельного региона в народ, который взял судьбу в свои руки. В какие формы государственности разовьются данные процессы, сегодня с точностью опреде-

лить не сумеет никто: слишком много развилок на этой дороге. Но в субъектное состояние населения Украины народ Донецкой и Луганской республик уже не вернется никогда, даже если формально и оста-

нется в составе государства правах некой автономии (что маловероятно): народ Юго-востока Украины перестал быть простой суммой людей [14], живущих на данной территории.

1. Грачев Н. И. Государственное устройство и суверенитет в современном мире: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным общим голосованием 12 декабря 1993 г.). М., 2012.

3. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2001.

4. Прокошин В. А., Кузнецов С. Ю., Пашин А. Л. Право и реальность власти народа: демократизация региональных отношений. М.; Тула, 1999.

5. Конституционное право / отв. ред. В. В. Лазарев. М., 1999.

6. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. М., 2004.

7. Савин В. И. Проблема становления и развития публичной власти в Российской Федерации и ее основные методологические аспекты // Теоретические и практические вопросы становления и развития публичной власти / под общ. ред. В. И. Савина. Орел, 2001.

8. URL: <http://enc-dic.com/legal/Narod-10626.html> (дата обращения: 12.02.2019).

9. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Дубовицкий В. Н. Понятие и система органов исполнительной власти в законодательстве Республики Беларусь // Журнал российского права. 2007. № 2.

11. Фроленков Ю. О. Конституционно-правовой статус населения как субъекта местного самоуправления: понятие и основное содержание. URL: <http://bfveteran.ru/pravo/697> (дата обращения: 18.03.2019).

12. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 25.07.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Устав Волгоградской области от 24 февраля 2012 г. № 1 ОД. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

14. Попов М. Ю. Гражданство как элемент

1. Grachev N. I. The State's Structure and Sovereignty in the Modern World: the Issues of Theory and Practice. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Moscow, 2009.

2. The Constitution of the Russian Federation. Moscow; 2012.

3. Baglay M. V. The Constitutional Law of the Russian Federation. Moscow; 2001.

4. Prokoshin V. A., Kuznetsov S. Yu., Pashin A. L. The Law and Reality of the People's Power: Democratization of Regional Relations. Moscow; Tula; 1999.

5. Constitutional Law. Executive editor V. V. Lazarev. Moscow; 1999.

6. Kozlova E. I., Kutafin O. E. The Constitutional Law of Russia. Textbook Moscow; 2004.

7. Savin V. I. The Problem of Formation and Development of Public Power in the Russian Federation and Its Main Methodological Aspects. In: Theoretical and Practical Issues of Formation and Development of Public Power. Edited by V. I. Savin. Orel; 2001.

8. Available from: <http://enc-dic.com/legal/Narod-10626.html>. Accessed: 12 February 2019.

9. The Federal Law No. 67-FZ of 12 June 2002. "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right of citizens of the Russian Federation to Participate in a Referendum". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

10. Dubovitsky V. N. The Concept and System of Executive Authorities in the Legislation of the Republic of Belarus. Journal of Russian Law. 2007; 2.

11. Frolenkov Yu. O. The Constitutional and Legal Status of the Population as the Subject of Local Self-Government: the Concept and Main Contents. Available from: <http://bfveteran.ru/pravo/697>. Accessed: 18 March 2019.

12. Federal Law No. 131-FZ of 6 October 2003. "The General Principles of Organizing Local Self-Government in the Russian Federation" (as amended on 25/07/2018). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

13. The Charter of the Volgograd Region No. 1 OD of 24 February 2012. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

14. Popov M. Yu. Citizenship as an Element of

социально-политической основы конституционного государства в России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 40—45.

© Попов М. Ю., 2019

Socio-Political Basis of the Constitutional State in Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2018; 44 (1): 40—45

© Popov M. Yu., 2019

Попов Михаил Юрьевич,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Popov Mikhail Yurevich,
associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

А. В. Александрова**ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В данной статье рассматривается тенденция либерализации уголовного наказания. Направленность российской уголовной политики на гуманизацию связана с желанием развивать и внедрять общечеловеческие ценности, что присуще демократическому обществу. Положения Уголовного кодекса Российской Федерации формируются и эволюционируют под воздействием мировых антикриминальных тенденций, а также исторически сложившегося отечественного уголовно-правового и криминологического опыта, политической и экономической обстановки в стране.

Главным постулатом концепции гуманизации в широком смысле является понимание человека как высшей ценности. Либерализация уголовной политики подразумевает снижение количества осужденных, находящихся в местах лишения свободы. Это реализуется посредством декриминализации некоторых деяний, более частым обращением законодателя, а затем и правоприменителей к санкциям, не связанным с лишением свободы, а также с применением альтернатив уголовному преследованию — условного осуждения, досрочного и условно-досрочного освобождения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, концепция, гуманизация, декриминализация, штраф, освобождение, осужденный.

A. V. Alexandrova**LIBERALIZATION OF CRIMINAL PUNISHMENT IN RUSSIAN FEDERATION**

This article discusses the trend of liberalization of criminal punishment. The focus of the Russian criminal policy on humanization is connected with the desire to develop and implement universal human values, which is inherent in a democratic society. The provisions of the criminal code are formed and evolve under the influence of global anti-criminal trends, as well as under the influence of historically established domestic criminal law and criminological experience, political and economic situation in the country.

The main postulate of the concept of humanization in a broad sense is the understanding of man as the highest value. The liberalization of criminal policy implies a reduction in the number of convicts in places of detention. This is implemented through the decriminalization of certain offences, more frequent treatment of the legislator, and then the enforcers of sanctions not related to imprisonment and alternatives to prosecution, probation, parole and of parole.

Key words: criminal liability, concept, humanization, decriminalization, fine, release, convicted person.

В 2016 г. в российском законодательстве появилась новая альтернатива уголовному преследованию — судебный штраф в уголовном праве. Данный институт был введен Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Таким образом российский законода-

тель расширил перечень оснований освобождения от уголовной ответственности, что служит еще одним шагом на пути гуманизации уголовной политики.

Во всем мире наблюдается тенденция либерализации уголовного наказания. Ориентированность уголовной политики России на гуманизацию привела к стремлению не применять санкции при наличии иных способов восстановить социальную справедливость, оказать исправительное

воздействие на преступника и реализовать задачи превенции.

Главным постулатом концепции гуманизации в широком смысле является понимание человека как высшей ценности. В уголовной политике эти идеи реализуются посредством модернизации положений уголовного закона, которая впоследствии должна отразиться на правоприменительной практике. Нередко гуманизация рассматривается лишь в качестве совокупности мер, направленных на смягчение наказаний [1, с. 19]. Однако было бы ошибкой связывать данный процесс только с проявлением снисходительности и либеральности к лицам, совершившим преступления, назначения им нестрогих наказаний, предоставления поблажек и льгот [2, с. 8]. Нельзя забывать и о другом ее направлении — об обеспечении защиты интересов лиц, пострадавших в результате совершения преступления, которое осуществляется посредством уголовного преследования и привлечения к ответственности виновного, в том числе с помощью процедур, какие принято считать альтернативными уголовному наказанию.

Еще один аспект гуманизации связан с реализацией прав и свобод виновных в совершении преступления, обеспечением их безопасности. Эти лица по-прежнему остаются гражданами государства, которое заинтересовано в их ресоциализации и включенности в общественную жизнь.

Таким образом, результатом развития концепции гуманизации должна стать, с одной стороны, более совершенная охрана прав и законных интересов граждан (потерпевших в результате совершения противоправных деяний). С другой — ей должны быть свойственны направленность на реализацию принципов справедливости и соразмерности наказания преступлениям, а также отсутствие нарушений прав и свобод преступников (за исключением ограничений, связанных с исполнением наложенных санкций). Кроме того, в итоге проведения такой уголовно-правовой политики должны повыситься эффективность охраны общества и государства в целом от преступных посягательств, снизиться уровень социальной напряженности, что достигается решением (или смягчением) конфликта, вызванного совершением преступления.

Некоторые исследователи справедливо отмечают, что ужесточение наказания как ответ на ухудшение криминальной обстановки не является действенной мерой. Большой положительный

результат приносят рациональность применения наказания и гуманизация уголовной политики. Эти элементы составляют институт «восстановительное правосудие». Его цель — снижение количества осужденных, находящихся в местах лишения свободы.

В современной российской уголовной политике наметилась тенденция отказа от более строгого наказания в случае, если менее репрессивные санкции могут обеспечить восстановление социальной справедливости. Однако отечественный правоприменитель сталкивается с рядом проблем, обусловленных сложностью (или невозможностью) исполнения некоторых видов уголовных наказаний на практике (например, арест). Соответственно, по причине отсутствия возможности назначения санкций, адекватных и соразмерных виду и степени общественной опасности деяния, виновному могут назначаться либо чрезмерно строгие, либо слишком мягкие наказания. Выходом из сложившейся ситуации может стать смена направленности вектора современного правосознания и правового мышления граждан со стремления «усиления репрессии, применения карательных мер в отношении преступника» на «поиск возможностей, путей оказания помощи тем, кто пострадал от преступлений». Это приведет к стимулированию законопослушного поведения, а также к позитивным изменениям в отношении населения к сотрудникам правоохранительных органов [2, с. 9].

Таким образом, либерализация уголовной политики подразумевает снижение количества осужденных, судимых и находящихся в местах лишения свободы. Это реализуется посредством декриминализации некоторых деяний, более частым обращением законодателя, а затем и правоприменителей к санкциям, не связанным с лишением свободы, а также с применением альтернатив уголовному преследованию — условного осуждения, досрочного и условно-досрочного освобождения.

О либерализации уголовной политики говорится на самом высоком уровне. Так, Президент России В. В. Путин в речи, обращенной к представителям законодательного корпуса, призвал поддержать инициативу Верховного Суда Российской Федерации о декриминализации ряда статей Уголовного кодекса Российской Федерации и «перевести преступления, не представляющие большой общественной опасности, в разряд административных правонарушений, но с принципиальной оговоркой:

повторное совершение проступка должно квалифицироваться уже как уголовное деяние» [3, с. 124].

Декриминализация некоторых деяний и изменение критериев криминализации действительно способны привести к эффективным результатам. Прежде всего, это положительным образом отразится на социальной структуре общества, поскольку сократится число лиц, имеющих судимость [4, с. 153]. Кроме того, уменьшение количества привлекаемых к уголовной ответственности и отбывающих наказание снизит денежные расходы на их содержание.

Акцент необходимости гуманизации уголовной политики России сделан в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. По справедливому замечанию некоторых исследователей «отечественная уголовная политика разворачивается лицом к человеку, все больше руководствуется принципом: борьба не с человеком, а за человека» [5, с. 110].

Несмотря на тенденцию гуманизации наказания, происходит не только смягчение санкций. В современных условиях российская уголовная политика реализуется в двух направлениях: усиление уголовной репрессии в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, и гуманизация системы наказаний вплоть до полного их неприменения в отношении лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести. Только таким образом можно реализовать конституционный принцип — человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства [5, с. 109].

В Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрены следующие основания освобождения от уголовной ответственности: в связи с деятельным раскаянием (ст. 75), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76), по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1), в связи с истечением сроков давности (ст. 78). В практической деятельности правоохранительных органов наиболее часто применяется примирение с потерпевшим, однако по мнению некоторых ученых в ближайшие годы перспективным и широко реализуемым станет институт судебного штрафа [5, с. 110].

Все перечисленные основания освобождения от уголовной ответственности имеют общие черты. Они предполагают наличие подтверждения раскаяния преступника, которое выражается в признании

вины, стремлении загладить вред и возместить ущерб, причиненные в результате совершения преступления, желании устранить конфликт, существующий между преступником и пострадавшими лицами. Однако нужно отметить, что основания прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, предусмотренные ст. 25, 28 и 427 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, объединяет то, что все они являются не императивными, а дискреционными, т. е. не обязывают, а предоставляют право прекратить уголовное преследование, что способствует индивидуальному подходу при расследовании преступления в зависимости от складывающейся ситуации. Прекращение уголовного преследования по ряду оснований (деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, уплата судебного штрафа) возможно только в случае совершения преступлений небольшой или средней тяжести впервые.

«Молодой» для российского законодательства институт судебного штрафа в уголовном праве вызывает множество споров. Они связаны с такими возникающими у ученых и правоприменителей вопросами, как:

1. Каких лиц следует относить к совершившим преступление впервые?

2. По всем ли преступлениям небольшой или средней тяжести возможно обращение к указанной процедуре? Некоторые авторы считают, что это недопустимо, если преступление повлекло за собой смерть потерпевшего. Например, с точки зрения Л. Ю. Лариной, как невозможно освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по преступлениям, последствием которых стала смерть потерпевшего, так в подобных случаях невозможно и освобождение от уголовной ответственности в связи с применением судебного штрафа [6, с. 11]. Кроме того, не совсем понятно, возможно ли применение судебного штрафа в случае совершения преступления с формальным составом? В чем будет выражаться заглаживание вреда?

3. Назначение судебного штрафа является правом или же обязанностью суда?

Помимо этих дискуссионных вопросов, исследователи приводят и другие:

1. Как должен решаться вопрос о субъектах применения судебного штрафа, если подавляющее большинство других видов освобождения от ответственности может осуществляться не только судом, но и иными субъектами [7, с. 78]?

2. Правильно ли то, что в качестве обязательных условий отсутствует примирение с потерпевшим? В настоящее время, прибегая к процедуре судебного штрафа в уголовном праве, дознаватель, следователь, прокурор и суд впервые могут игнорировать мнение потерпевшего по преступлениям небольшой и средней тяжести, совершенным в отношении него [8, с. 107].

3. С какого момента человек считается освобожденным от уголовной ответственности при обращении к рассматриваемой процедуре [9, с. 136]?

Г. Е. Беседин в статье «Новое основание освобождения от уголовной ответственности: очередной конфуз российского законодателя?», Т. В. Трубникова в статье «Производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: сущность и гарантии от злоупотребления правом», П. С. Солоницын в статье «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: сущность и проблемы применения» выступили с резкой критикой института судебного штрафа в уголовном праве. Другие авторы, напротив, высказывают мнение, что за ним будущее, поскольку современные государства не заинтересованы в постоянном росте числа

граждан, имеющих судимость и опыт пребывания в местах лишения свободы (Н. С. Пятакова, А. Г. Рябинин в статье «Вопросы реализации меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: проблемы и пути их решения»).

Таким образом, институт судебного штрафа, введенный в качестве альтернативы уголовному преследованию, одного из гуманных оснований освобождения от уголовной ответственности, обладает рядом недостатков и пробелов в своем правовом регулировании, которые носят и теоретический, и практический характер. В целом работу законодателя по гуманизации отечественного уголовного права можно назвать фрагментарной. Среди удачных законодательных решений, затрагивающих все аспекты гуманизации уголовной политики, стоит указать освобождение от уголовной ответственности с выплатой судебного штрафа: лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности, значит, не имеет судимости; лицо, пострадавшее от преступления, получает компенсацию; государство частично возмещает расходы, связанные с уголовным преследованием.

1. Бажанов М. И. Назначение наказания по советскому уголовному праву. Киев, 1980.

2. Говорухин А. Е. Гуманизация уголовно-правовой политики // Юридический факт. 2016. № 5. С. 7—11.

3. Пархоменко С. В., Демченко В. А. О некоторых изменениях уголовного закона Российской Федерации // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы V междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2016. С. 123—126.

4. Макеева Н. В. Уголовная политика в условиях модернизационных и постмодернизационных процессов: сравнительно-правовой анализ // Lex Russica. 2016. № 7 (116). С. 146—155.

5. Антонченко В. В., Шиманская О. А. Проблемы гуманизации уголовной политики России // Вестник Кузбасского института. 2013. № 2 (15). С. 100—107.

6. Ларина Л. Ю. Критический анализ некоторых изменений, внесенных в УК РФ в июле 2016 года // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 3. С. 10—14.

7. Плаксина Т. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Алтайский юридический вестник. 2016. № 16. С. 78—82.

1. Bazhanov M. I. Sentencing under Soviet criminal law. Kiev; 1980.

2. Govorukhin A. E. Humanization of criminal law policy. Legal fact. 2016; 5: 7—11.

3. Parkhomenko S. V., Demchenko V. A. On some changes in the criminal law of the Russian Federation. In: Problems of modern legislation of Russia and foreign countries: proceedings of the V International scientific-practical conference. Irkutsk; 2016: 123—126.

4. Makeeva N. V. Criminal policy in the conditions of modernization and postmodernization processes: comparative legal analysis. Lex Russica. 2016; 116 (7): 146—155.

5. Antonchenko V. V., Shimanskaya O. A. Problems of humanization of criminal policy of Russia. Bulletin of the Kuzbass Institute. 2013; 15 (2): 100—107.

6. Larina L. Yu. Critical analysis of some changes made in the criminal code The Russian Federation in July 2016. Topical issues of combating crimes. 2016; 3: 10—14.

7. Plaksina T. A. Exemption from criminal liability with the appointment of a court fine. Altai legal Bulletin. 2016; 16: 78—82.

8. Пятакова Н. С., Рябинин А. Г. Вопросы реализации меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: проблемы и пути их решения // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 11. С. 104—109.

9. Екимов А. А. Назначение судебного штрафа как основание для освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы права: материалы V междунар. науч. конф. М., 2016. С. 135—137.

© Александрова, А. В., 2019

Александрова Алина Вячеславовна,
аспирант Юго-Западного
государственного университета;
e-mail: alinaab@bk.ru

8. Pyatakova N. S., Ryabinin A. G. Questions of implementation of measures of criminal law in the form of a court fine: problems and ways to solve them. Modern trends in the development of science and technology. 2016; 11: 104—109.

9. Ekimov A. A. the Appointment of a court fine as a basis for exemption from criminal liability. In: Actual problems of law: proceedings V international science conference. Moscow; 2016: 135—137.

© Alexandrova A. V., 2019

Alexandrova Alina Vyacheslavovna,
post-graduate student
of the of the Southwest state university;
e-mail: alinaab@bk.ru

* * *

А. Н. Берестовой**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СПОРТИВНЫХ СОСТЯЗАНИЙ**

В статье исследуются тенденции развития в отечественном уголовном законодательстве такого правового явления, как обоснованный риск. Риск — это прежде всего активная деятельность человека с осознанием возможности выбора в условиях опасности. Степень необходимости выбора может быть различной, однако в любом случае эта необходимость имеется. Данный признак в целом характеризует важное свойство риска — способность снимать напряженность в общественных отношениях и служить способом разрешения малоуправляемых ситуаций — и, в конечном счете, определяет формы риска. Автор указывает на незыблемость позиций рассматриваемого института в уголовно-правовом регулировании прав каждого человека на защиту собственных интересов, а также интересов других лиц. Отмечается устойчивость его позиций в российском уголовном законодательстве независимо от вносимых в него изменений качественного и количественного характера. Особое внимание уделено вопросам уголовной ответственности за вред, причиненный при проведении спортивных состязаний, и возможности его оценки с позиции обоснованного риска.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, обоснованный риск, уголовная ответственность, условия правомерности, правомерный поступок, спортивное состязание.

A. N. Berestovoy**THEORETICAL AND LEGAL ISSUES OF REGULATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CAUSING HARM IN CARRYING OUT OF SPORTS COMPETITIONS**

The article investigates the development trends in domestic criminal legislation of such a legal phenomenon as justified risk. Risk is, first of all, the active activity of a person with the awareness of the possibility of choice in conditions of danger. The degree of need for choice may vary, but in any case this need exists. This feature as a whole characterizes an important property of risk - the ability to relieve tension in public relations and serve as a way to resolve poorly managed situations - and, ultimately, determines the forms of risk. The author points to the inviolability of the position of the institution in question in the criminal law regulation of the rights of each person to protect their own interests, as well as the interests of others. The stability of his position in the Russian criminal legislation is noted, regardless of the changes made to it, of a qualitative and quantitative nature. Particular attention is paid to the issues of criminal liability for harm caused during sports, and the possibility of its assessment from the standpoint of reasonable risk.

Key words: circumstances that exclude criminal acts, justified risk, criminal liability, conditions of lawfulness, lawful act, sports competition.

В литературе, посвященной проблеме обстоятельств, исключающих преступность деяния, и, в частности, обоснованному риску, значительное внимание уделяется видам последнего. Отметим, что различные авторы выделяют разные виды: производственный, допустимый, нормальный, правомерный, профессиональный, хозяйственный и т. д. Дифференцируются даже такие сугубо специальные виды, как атомный, прокурорско-следственный риск [1, с. 56—58]. Это вполне объяснимо, поскольку общественная практика свя-

зана с различными видами деятельности, следовательно, в ней возможны разные виды риска.

На практике риск проявляется в двух аспектах. «Во-первых, как необходимость предпочтения одного какого-либо действия из нескольких возможных, каждое из которых в силу неочевидности обстановки и неполноты данных, послуживших основой для принятия решения, может повлечь негативные последствия. Во-вторых, как выбор между применением нового метода, обещающего эффективный результат, но сопряженного с возможностью

наступления вреда, и использованием эффективно, но заведомо не несущего опасности способа» [2, с. 74]. Риск — это прежде всего активная деятельность человека с осознанием возможности выбора в условиях опасности. Степень необходимости такого выбора может быть различной, однако в любом случае эта необходимость имеется. Данный признак в целом характеризует важное свойство риска — способность снимать напряженность в общественных отношениях и служить способом разрешения малоуправляемых ситуаций — и, в конечном счете, определяет формы риска.

Говоря о степени вынужденности риска в его уголовно-правовом понимании, отметим, что он может происходить в нейтральной форме эксперимента либо в форме экстремального действия. Естественно, что обычное и экстремальное рискованное поведение будут по-разному оценены с точки зрения правомерности. Полагаем, что в первом случае должны предъявляться повышенные требования к безопасности, условиям осуществления рискованных действий и необходимости. Во втором, наоборот, условия правомерности, учитывающие чрезвычайность ситуации, в которой вынужден действовать рискующий человек, должны быть более мягкими.

При обращении к практической стороне риска и его социально-правовому содержанию выделим такие значимые признаки обоснованного риска, как возможность выбора у рискующего и наличие необходимости такого выбора. Первый из указанных признаков свидетельствует о наличии у субъекта объективной возможности действовать в определенной ситуации. Безальтернативность поведения рискующего субъекта или неосознание им возможности выбора демонстрирует отсутствие самого риска. «Экспериментальные, рискованные действия и решения, — верно указывает А. И. Байков, — осуществляются в любой сфере человеческой деятельности».

Действующее уголовное законодательство оперирует понятием «обоснованный риск», которое охватывает все возможные разновидности риска, что обуславливает необходимость их классификации, поскольку, как справедливо замечает Г. В. Овчинникова, «классификация риска и выделение его видов имеет не только познавательное значение в процессе общественной деятельности человека, но и позволяют в определенной мере решить вопрос о правомерности риска в процессе этой деятельности» [3, с. 62].

Каждая сфера человеческой деятельности, каждое ее направление находится на своем этапе развития, преследует свои цели, обладает собственными перспективой, уровнем и формами регламентации, поэтому рассмотренные условия правомерности обоснованного риска могут быть наполнены реальным содержанием лишь примени-

тельно к особенностям конкретной отрасли человеческой деятельности.

Таким образом, в основу классификации обоснованного риска может быть положен характер, точнее, сфера человеческой деятельности. Разумеется, здесь речь может идти не о конкретном характере этой деятельности, а ее типичных видах, причем о тех из них, где возникают ситуации риска, необходим выбор между традиционными и нестандартными путями достижения поставленных целей и, соответственно, встает вопрос об обоснованности или необоснованности, следовательно, о преступности рискованных действий. В литературе в числе таких сфер выделяются: сферы, связанные с использованием техники (технично-эксплуатационный риск), медицина (медицинский риск), научные исследования (научно-экспериментальный или новаторский риск), хозяйственная деятельность (хозяйственный риск) [3, с. 61].

Определение пределов отчуждения субъективных прав личности необходимо осуществлять не только в зависимости от охраняемого права, но и от общественной значимости способов его нарушения [4, с. 28]. В данном случае, полагаем, нужно говорить о правомерности причинения вреда с согласия потерпевшего при медицинском вмешательстве или, например, при занятии спортом [4, с. 30]. Некоторые авторы разделяют мнение о том, что данный вопрос должен решаться в плоскости применения уголовно-правового института обстоятельств, исключающих преступность деяния, когда медицинское вмешательство оценивается по признакам обоснованного риска, (донорство, занятие спортом) или крайней необходимости (например, в случае оперирования больного) [4, с. 30].

Интересным с точки зрения уголовно-правовой науки является вопрос о возможности квалификации действий спортсменов при проведении спортивных соревнований, в ходе которых был причинен общественно опасный вред. Среди существующих в повседневной жизни человека различных видов деятельности, способных причинить вред охраняемым уголовным законом интересам (жизни и здоровью), наиболее опасным является спорт. Многие его виды представляют собой силовые единоборства, где возможно получить травму. Статистика свидетельствует о том, что во время занятий спортом травмируется и погибает значительное количество людей [5, с. 30—33]. Несмотря на то что такое поведение не регламентировано в уголовном законе как обстоятельство, исключающее преступность деяния, оно имеет самостоятельное уголовно-правовое значение, поскольку здесь отчетливо представлена ситуация, в которой лицо при другой обстановке могло бы быть привлечено к уголовной ответственности. Но в данном случае такая ответственность не наступает в силу

общественной полезности совершенного действия [6, с. 25]. Особенность подобных ситуаций состоит в том, что этот вред причиняется осознанно и в целом сегодня (с точки зрения действующего уголовного законодательства) не подлежит уголовному наказанию [7, с. 53—57]. Вместе с тем часто сложно ответить на вопрос о наличии или отсутствии правового основания уголовной ответственности за причинение вреда при занятиях спортом. Как справедливо отмечают А. В. Варданян и Е. В. Безручко, «в настоящее время отсутствует необходимая правовая база, четко определяющая грань дозволенного причинения вреда здоровью человека при проведении спортивных состязаний» [8]. Несомненно, в юридической литературе по данному поводу высказывались различные мнения, авторы предлагали несколько вариантов объяснения существующей ситуации и решения вопроса ее правового регулирования. Основные точки зрения нашли свое отражение в ряде работ, посвященных рассматриваемой проблеме. Так, одни ученые считают, что причинение вреда здоровью или смерти при проведении спортивных соревнований необходимо решать на основе такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как согласие потерпевшего [9, с. 14]. Поскольку участник спортивных соревнований осознает, что занятие данным видом спорта предусматривает физическое воздействие как обязательное условие достижения спортивного результата, он дает согласие на участие в спортивных соревнованиях, в том числе на определенный риск, связанный с получением и причинением вреда здоровью. Здесь огромное правовое значение имеет соблюдение условий правомерности причинения вреда при согласии потерпевшего. Об этом точно высказывается А. Н. Красиков: «Согласие дается не на причинение вреда, а на занятие определенным видом спорта. При этом, давая согласие, спортсмен осознает возможность возникновения такой ситуации, при которой ему может быть причинен вред, но одновременно с этим он знает, что, овладев всем комплексом спортивно-технических приемов, он может исключить этот вред. Согласие спортсмена включает в себя согласие на занятие спортом и на возможный риск, пределы которого ограничены правилами состязания. Указанные правила, с одной стороны, выступают пределами объективно возможного риска, а с другой — служат соответствующей гарантией для лиц, участвующих в спортивных соревнованиях» [7, с. 53—57].

В настоящее время большинство специалистов в области уголовного права не разделяют точки зрения А. Н. Красикова, в связи с тем что не признают наличия такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как согласие потерпевшего на причинение вреда при занятиях спортом, в существующей уголовно-правовой доктрине

[6, с. 27]. Некоторые авторы считают, что исключение уголовной ответственности при таких обстоятельствах не следует основывать на положениях ст. 41 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), поскольку спорт нельзя относить к разновидностям обоснованного риска по тем причинам, что, во-первых, причинение вреда при занятиях спортом не всегда преследует общественно полезную цель, например, она отсутствует при тренировке; во-вторых, сложно установить обоснованность риска, если цель могла быть достигнута без него, поэтому риск не может быть признан обоснованным [10, с. 11]. В то же время и само лицо, участвующее в спортивных соревнованиях или тренировочном процессе, допускающее при занятии спортом причинение вреда, не предпринимает и объективно не может предпринять достаточных мер для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам (за исключением использования различных средств защиты, предусмотренных и разрешенных правилами проведения тех или иных спортивных состязаний). При причинении вреда жизни или здоровью в спорте лицо, участвующее в спортивных состязаниях или тренировочном процессе, не находится в состоянии «обоснованного риска» как обстоятельства, исключающего преступность деяния (ст. 41 УК РФ), поскольку не соблюдает предусмотренных законом условий правомерности последнего. Лицо идет на риск, связанный с возможностью причинения вреда, часто ради достижения личной выгоды, которая в подавляющем большинстве случаев представляет интерес только для спортсмена. Отдельные виды спорта (например, бокс) предусматривают физическое воздействие на организм человека как обязательное условие достижения спортивного результата, исходя из чего, наступивший вред закономерен, а не маловероятен [6, с. 128—132]. Отсюда можно сделать вывод о том, что все травмоопасные виды спорта (восточные единоборства, хоккей и др.) не позволяют считать такой вид деятельности обоснованным риском, поскольку здесь невозможно предпринять достаточных мер, необходимых для предотвращения ущерба охраняемым уголовным законом общественным отношениям, и избежать причинения вреда здоровью различной степени тяжести или наступления смерти спортсмена.

Тем не менее вопрос о возможности правовой оценки действий спортсменов, причинивших вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, в ходе проведения спортивных соревнований с точки зрения обоснованного риска в настоящее время не нашел своего должного освещения в уголовно-правовой науке и нуждается в дальнейшей проработке.

Другие специалисты в области уголовного права считают, что причинение вреда здоровью или

смерти участнику спортивных состязаний при их проведении нужно определять на основе нового обстоятельства, исключающего преступность деяния, — «спортивного состязания». Так, О. А. Михаль и Ю. А. Власов предлагают ввести в УК РФ ст. 42.1 следующего содержания:

«„Спортивное состязание“

1. Не является преступлением причинение вреда жизни или здоровью, вызванное спортивной борьбой или игровым моментом в ходе спортивных состязаний. Умышленное причинение вреда жизни или здоровью в ходе спортивных состязаний преследуется в уголовном порядке на общих основаниях.

2. Не признаются спортивной борьбой или игровым моментом действия после прекращения спортивного состязания (свисток судьи, разделение судьея противоборствующих сторон, вред жизни или здоровью, причиненных из личных неприязненных отношений вне игрового момента).» [6, с. 128—132].

Мы не станем комментировать содержательный аспект предлагаемой авторами нормы, а лишь отметим, что при положительном решении правовой регламентации обоснованного риска применительно к спортивным состязаниям непосредственно в тек-

сте уголовного закона это можно сделать и в рамках ч. 2 ст. 41 УК РФ. Вместе с тем следует констатировать, что, к сожалению, в целом содержание правомерного поведения, связанного с причинением вреда общественным отношениям, даже применительно к таким устоявшимся в уголовно-правовой науке и законодательстве обстоятельствам, исключающим преступность деяния, как необходимая оборона и крайняя необходимость, до настоящего времени не определено. Однако соответствующая правовая оценка фактически уже существующего общественного отношения необходима, причем варианты регламентации нового обстоятельства, исключающего преступность деяния, могут быть различными (это лишь вопрос технико-юридического характера). Сказанное свидетельствует о том, что вопрос об установлении в УК РФ нового обстоятельства, исключающего преступность деяния, применительно к вреду, причиненному в результате спортивного мероприятия, должен найти положительный ответ. В противном случае у нас останется множество проблем, решение которых будет осуществляться вне правового поля.

1. Кабанов П. С. Риск при расследовании преступлений // Социалистическая законность. 1989. № 2. С. 56—58.

2. Михайлов В. И. Обоснованный риск в уголовном праве // Законодательство. 2001. № 7. С. 73—82.

3. Овчинникова Г. В. Виды профессионально-хозяйственного риска // Правоведение. 1990. № 4. С. 60—66.

4. Сидоренко Э. Л. Квалификация преступлений против личности, совершенных с согласия потерпевшего // Мировой судья. 2016. № 9. С. 27—34.

5. Трунов И. Казус Майкла Тайсона. Подлежат ли уголовной ответственности современные гладиаторы, наносящие вред жизни и здоровью // Юрист спешит на помощь. 2015. № 8. С. 140—144.

6. Михаль О. А., Власов Ю. А. Уголовно-правовое регулирование причинения вреда здоровью или смерти при спортивных занятиях // Современное право. 2014. № 9. С. 128—132.

7. Бабурин В. В. Содержание субъективной стороны правомерного причинения вреда при занятиях профессиональным спортом (спортивными единоборствами) // Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тезисы докладов и сообщений междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2019.

8. Варданян А. В., Безручко Е. В. Правовая

1. Kabanov P. S. Risk in the investigation of crimes. *Socialist legality*. 1989; 2: 56—58.

2. Mikhailov V. I. Reasonable risk in criminal law. *Legislation*. 2001; 7: 73—82.

3. Ovchinnikova G. V. Types of professional and economic risk. *Jurisprudence*. 1990; 4: 60—66.

4. Sidorenko E. L. Qualification of crimes against the person, committed with the consent of the victim. *Justice of the peace*. 2016; 9: 27—34.

5. Trunov I. Case Michael Tyson. Are modern gladiators who are harmful to life and health subject to criminal liability. *Lawyer in a hurry to help*. 2015; 8: 140—144.

6. Michal O. A., Vlasov Yu. A. Criminal regulation of harm to health or death in sports. *Modern Law*. 2014; 9: 128—132.

7. Baburin V. V. The content of the subjective side of the lawful harm during professional sports (martial arts). In: *Combating crime in the field of professional sports: abstracts and reports of the international scientific-practical conference*. Omsk; 2019.

8. Vardanyan A. V., Bezruchko E. V. Legal assessment of harm to human health during sports. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018; 2: 39—45.

9. Krasikov A. N. The consent of the victim as a circumstance excluding criminal liability and punishable acts under Soviet criminal law.

оценка причинения вреда здоровью человека при проведении спортивных состязаний // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 2. С. 39—45.

9. Красиков А. Н. Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность и наказуемость деяния по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972.

10. Скворцов А. А. Уголовно-правовая оценка причинения вреда жизни или здоровью при занятии спортом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

© Берестовой А. Н., 2019

Берестовой Андрей Николаевич,
доцент кафедры уголовного права
Северо-Западного филиала
Российского государственного
университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: andreyberestovoy@gmail.com

Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Saratov, 1972.

10. Skvortsov A. A. Criminal legal assessment of harm to life or health in sports. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Saratov, 2005.

© Berestovoy A. N., 2019

Berestovoy Andrey Nikolaevich,
associate professor
at the criminal law department
of Northwestern branch
of the Russian State University of Justice
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: andreyberestovoy@gmail.com

* * *

А. Ю. Боренов**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ БОКСЕ**

Коррупционная преступность в профессиональном боксе — это крайне латентное явление, о котором можно судить не столько по официальным статистическим данным правоохранительных органов, сколько по оценкам ученых, представителей сферы спорта и других экспертов. Она находит свое выражение в проведении договорных состязаний, необъективном судействе, фальсификации спортивных рейтингов, незаконном делегировании прав на проведение международных соревнований и т. д. Коррупционной преступности в профессиональном боксе способствует ряд детерминантов, среди которых можно отметить автономность спортивных организаций, сопряженную с высокой капиталоемкостью данного вида спорта, его популярностью и зрелищностью; nepotизм, протекционизм, семейственность, клановость и другие обстоятельства. Выход из создавшейся ситуации автор статьи видит в пересмотре существующих видов ответственности и размеров наказаний, а также в создании «службы внутренней безопасности», которая контролировала бы все происходящее внутри профессионального бокса как глубоко закрытого сообщества процессы, выявляла преступления, собирала для правоохранительных органов соответствующие материалы и инициировала их расследование.

Ключевые слова: криминологическая оценка, состояние коррупционной преступности, профессиональный бокс.

A. Yu. Borenov**CRIMINOLOGICAL ASSESSMENT OF CORRUPTION CRIME IN PROFESSIONAL BOXING**

Corruption crime in professional boxing is an extremely latent phenomenon, which can be judged not so much by official statistics of law enforcement agencies, but by estimates of scientists, sports representatives and other experts. It finds expression in the conduct of contractual competitions, biased refereeing, falsification of sports ratings, illegal delegation of rights to conduct international competitions, etc. Corruption crime in professional boxing is promoted by a number of determinants, among which one can note the autonomy of sports organizations coupled with the high capital intensity of this sport, its popularity and entertainment; nepotism, protectionism, nepotism, clannishness; and other circumstances. The author of the article sees a way out of this situation in a review of existing types of responsibility and the amount of punishment, as well as in the creation of an “internal security service” that would monitor all processes taking place inside a professional box as a deeply closed community, identify crimes, collect relevant materials for law enforcement agencies and initiated their investigation.

Key words: criminological assessment, state of corruption crime, professional boxing.

Проблема незаконной коммерческой выгоды от совершения коррупционных преступлений в сфере спорта давно обсуждается и вызывает массу дискуссий. Последняя из них развернулась в июле 2019 г., когда спортивную общественность потрясла новость о гибели российского боксера Максима Дадашева: от травм, полученных в поединке с Сабриэлем Матиасом, он скончался в больнице. В профессиональном спорте сразу начали высказываться мнения о вине тренера боксера, который, понимая, что происходит со спортсменом, не остановил бой, незаконно преследуя собственные корыстные цели. Буквально сразу же средства массовой информации запестрили заго-

ловками: «Кто виноват в смерти боксера Максима Дадашева?», «Почему стала возможной смерть российского боксера Максима Дадашева?», «За что спортсмены отдают жизнь: о трагической гибели российского боксера Максима Дадашева?» и т. д. В результате смерть спортсмена была квалифицирована как несчастный случай. Однако подобные ситуации заставляют задуматься о цене спортивных побед, а также о том, является ли победа в соревновании «достижением общественно полезной цели» и стоит ли ради нее в коммерческих интересах причинять вред охраняемым уголовным законом интересам — жизни спортсмена, как это

предусмотрено ч. 1 ст. 41 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Эксперты отмечают, что «мировой профессиональный бокс... — это глобальный рынок. Чем больше бокса, тем больше денег» [1]. Такая ситуация начала складываться в боксе еще в первой половине XX в., именно тогда он стал коммерческим видом спорта. С появлением кино, телевидения и возможности транслировать боксерские поединки широкой аудитории материальная выгода от данного вида деятельности существенно возросла. Например, «бой за звание чемпиона мира между тяжеловесами Флойдом Паттерсоном и Роем Харрисом 18 августа 1958 г. посмотрели в 150 кинотеатрах США 296 722 зрителя, которые оставили в кассах сумму в размере 763 437 долларов» [2]. Как следствие, боксом всерьез «заинтересовались» представители организованной преступности.

В 1950-х гг. был создан Международный боксерский клуб (IBC — от англ. International Boxing Club) — формально независимая организация, в чьи обязанности входили подготовка чемпионских боев и их трансляция по телевидению. Однако по факту ее деятельность полностью контролировалась организованной преступностью. «В период с 1949 по 1955 год 47 из 51 чемпионского поединка прошли с официального разрешения IBC. Прибавьте к этому все бои за звание обязательных претендентов... и вы получите тотальный контроль мирового профессионального бокса... Неожиданные судьейские решения, странное поведение бойцов во время поединка, отказы от назначенных поединков... Четкая отработанная схема. На долгих 10 лет организованная преступность захватила власть в профессиональном боксе» [3]. С 1970-х гг. ее влияние постепенно ослабло, однако говорить о том, что здесь совсем перестали совершаться преступления, преждевременно.

В структуре преступности в сфере профессионального спорта одним из наиболее существенных сегментов часто называют коррупционную преступность. По мнению М. П. Клейменова, она находит свое выражение в проведении договорных состязаний, необъективном судействе, фальсификации спортивных рейтингов, незаконном делегировании прав на проведение международных соревнований, и т. д. [4]. Договорные состязания, нередко сочетающиеся с нарушением правил приема ставок в букмекерских конторах и тотализаторах, как в профессиональном боксе, так и в целом в спорте, были и остаются вполне распространенным явлением. В причастности к таким деяниям подозревались даже достаточно известные спортсмены. В качестве примера приведем бой 24 мая 1964 г. между Кассиусом Клеем (в будущем Мохаммедом Али) и Сонни Листоном, окончившийся сенсационной победой первого. Накануне поединка ставки на тотализаторе были довольно высоки: 7:1 в пользу

Листоны, однако перед началом седьмого раунда фаворит неожиданно решил окончить бой, сославшись на травму ребра. Его и организаторов поединка заподозрили в мошенничестве, однако факт совершения преступления доказать так и не удалось. Хотя зрители почувствовали себя обманутыми и стали открыто высказываться о неприглядной стороне профессионального бокса. Сегодня договорные состязания в боксе, скорее, редкость, поскольку они наносят вред репутации не только спортсменов, организаторов, но и телеканалов. Иначе обстоит дело с фальсификацией рейтингов. По словам известного тренера Тедди Атласа, «...в боксе правят бал коррумпированные организации, которые могут внести в первую пятерку имя человека, чье место в районе второй сотни. И делают это только потому, что им кто-то за это заплатил» [5].

Для того чтобы получить более полное представление о коррупционной преступности в профессиональном боксе, необходимо проанализировать личность преступника. Как известно, структуру личности преступника составляют социально-демографические, уголовно-правовые, нравственно-психологические, биофизиологические признаки, которые тесно связаны между собой и только в совокупности позволяют в полной мере получить представление о его свойствах и качествах. Усредненный портрет личности преступника, совершающего коррупционные преступления в сфере спорта в целом, приводит А. П. Алексеева: «... это мужчина, городской житель, среднего возраста, с высшим образованием, занимающий руководящую должность в государственной или негосударственной организации, связанной со спортом, характеризующийся по месту работы положительно, совершивший преступление единолично, с прямым умыслом и корыстным мотивом, осведомленный о противоправности своего деяния и наличии уголовной ответственности за его совершение, рассчитывающий избежать наказания, физически и психически здоровый, способный отдавать отчет своим действиям, действующий осознанно и целенаправленно» [6, с. 81—82]. Профессиональному боксу также присущи признаки этого собирательного образа коррупционного преступника. Можно с уверенностью сказать, что в боксе наиболее часто коррупционные преступления совершают промоутеры, поскольку именно от них зависит карьера спортсмена, его место в рейтинге. Так, один из известных промоутеров современности Дон Кинг начал свою преступную деятельность задолго до того, как его интересы сосредоточились на сфере профессионального бокса. Сначала он владел нелегальной букмекерской конторой, затем совершил два убийства (в первом случае убийство было квалифицировано как необходимая оборона, во втором — Кингу было назначено наказание в виде 4,5 лет лишения свободы). Эти

данные мы приводим не случайно, поскольку, совершая преступления, человек не только проявляет себя, но и проходит через определенный этап формирования своей личности. Именно первое преступление в значительной мере влияет на дальнейшее становление личности рецидивиста. Далее Дон Кинг пришел в спорт, где начались многочисленные эпизоды с договорными поединками, фальсифицированными рекордами и победами боксеров, находившихся под его покровительством. Это лишь одна, но, пожалуй, самая «знаменитая» в криминальном мире личность, известная и в профессиональном боксе, чье имя так или иначе регулярно упоминается при описании коррупционных преступлений в литературе.

Совершение коррупционных преступлений в профессиональном боксе обусловлено рядом факторов. В докладе «Global corruption report: Sport», выпущенном международной организацией по противодействию коррупции Transparency International в 2016 г., отмечается, что, так как спорт ежегодно генерирует около 145 млрд долларов прибыли, в нем есть место коррупции, а большая доля бюджетного финансирования и непрозрачная система принятия решений делают ее практически неизбежной [7]. Профессиональный бокс — капиталоемкий вид спорта не только с точки зрения значительных гонораров, которые получают спортсмены за поединки, но и с учетом того, какие суммы приносят трансляции боев топовых боксеров, продажи билетов и реклама. Так, в 2007 г. поединок между Оскаром де ла Хойей и Флойдом Мейвезером посмотрели 2,15 млн телезрителей, при этом каждый из них заплатил за прямой эфир около 60 долларов. В результате прибыль канала составила 120 млн долларов [8]. В 2008 г. на бое между все тем Оскаром де ла Хойей и Мэнни Пакьяо организаторы заработали около 17 млн долларов только на продаже билетов [9]. Уже упомянутый нами ранее Дон Кинг в интервью газете «Аргументы и факты» однажды заметил: «Деньги — главная составляющая профессионального бокса. Они не могут его убить, они его создают. Бокс без денег — это драка в подворотне» [10].

Среди детерминантов коррупционной преступности в сфере спорта в целом в анализируемом нами докладе названа автономность спортивных организаций. Рано или поздно спортивные организации — международные, региональные или национальные — становятся независимыми, «неправительственными», что позволяет им работать без какого бы то ни было внешнего контроля [7]. Сегодня в профессиональном боксе существуют четыре основные федерации: Всемирный боксерский совет (WBC), Всемирная боксерская ассоциация (WBA), Международная боксерская федерация (IBF) и Всемирная боксерская организация (WBO). Каждая из них имеет свои рейтинги, своих

чемпионов мира. Контроль за поединками, судейством и т. д. они осуществляют самостоятельно. Отсюда не вызывает удивления то, что «руководители этих санкционирующих титульные бои федераций зачастую злоупотребляют своим положением, а их основной целью является не столько справедливое выявление сильнейших бойцов в той или иной весовой категории, сколько примитивное зарабатывание денег посредством изымания определенных процентов с гонораров участников титульных боев» [11]. Так, в 1999 г. широкий общественный резонанс вызвал процесс, главным обвиняемым в котором стал президент IBF Роберт Ли. Было доказано, что он продавал места в рейтинге. Так, в 1998 г. он получил от промоутерской компании Main Event 25 тысяч долларов за то, что боксер Фернандо Варгас перешел в классификации с пятого места на первое. Этот случай стал не единственным. Всего места в рейтинге «приобрели» себе 23 боксера, Роберт Ли заработал на этом 100 тысяч долларов [12]. В 2018 г. источник BoxingTalk открыто обвинил WBC и его президента Маурисио Сулеймана в коррупции и покровительстве. По мнению первого, совет планомерно вел Карлоса Куадрасе к завоеванию титула в весе до 53,5 кг, при этом пренебрегал регламентом и интересами других спортсменов. Звание чемпиона мира по версии WBC в данном весе с марта 2018 г. и по сей день вакантно: предыдущий обладатель титула Луис Нери потерял его на взвешивании накануне поединка с Шинсукэ Яманакой. Ранее WBC санкционировал бой за чемпионство между лидерами своего рейтинга Нордином Убаали и Петч Сор Читпаттана. Однако без указания причин поединок был перенесен. BoxingTalk был уверен, что WBC продолжит удерживать титул вакантным до тех пор, пока Карлос Куадрас не окрепнет в дивизионе и не решит оспорить чемпионское звание [13]. В профессиональном боксе работает формула коррупции, созданная профессором Робертом Клитгардом:

$$K = M + П - O,$$

где *K* — коррупция, *M* — власть монополий (в нашем случае федераций),
П — произвольность решений,
O — ответственность

Помимо объективных детерминантов, способствующих развитию коррупции в профессиональном боксе, стоит отметить и некоторые субъективные. Е. Б. Стебенева пишет: «...В обществе существуют такие проявления, которые не запрещены законом, но по своей сути являются основой коррупционных деяний и неразрывно с ними связаны» [14]. Данный тезис вполне применим и к рассматриваемому виду спорта. Непотизм, протекцио-

низм, семейственность, клановость — все это можно наблюдать здесь. Нередко руководители перечисленных выше федераций расположены к звездам мирового бокса не только потому, что на их именах можно больше заработать, но и по причине связей между ними. Например, «президент WBC мексиканец Хосе Сулейман относился чуть ли не породственному к боксеру-соотечественнику Хулио Сезару Чавесу-младшему, поскольку многие годы пребывал в очень теплых отношениях с его отцом, иконой мексиканского бокса Хулио Сезаром Чавесом-старшим» [11].

Не последнее место в формировании коррупционного поведения спортсменов, менеджеров, тренеров занимает культивация материальных ценностей, желание прославиться и восприятие самой коррупции как нормального явления. Возможность транслировать боксерские поединки широкому кругу лиц активизировала деятельность промоутеров — отдельных людей и целых компаний, в задачи которых входит решение всех финансовых и организационных вопросов проведения боксерских поединков. Однако ключевое направление их работы — продвижение спортсмена, его медийная «раскрутка». Для этого используются самые разные методы, некоторые из которых идут вразрез с законом. История мирового профессионального бокса знает немало примеров того, как с легкой руки промоутеров исход боя решался не на ринге, а за его пределами. Так, в 2004 г. суд американского штата Невада признал виновными в сговоре и организации договорных

боев промоутера Бобби Митчелла и боксера Томаса Уильямса. В ходе судебных заседаний было установлено, что в течение пяти лет Митчелл выплатил примерно 70 тысяч долларов одиннадцати боксерам, в том числе Томасу Уильямсу, согласившимся проиграть бою Ричи Мелито-младшему. Уильямса также подозревали в «сдаче» боя Брайану Нильсену [15].

Таким образом, можно заключить, что, хотя масштабная преступная деятельность организованных групп коррупционной направленности, договорные состязания и т. д. в целом остались в прошлом, коррупционная преступность в профессиональном боксе, к сожалению, пока имеет место и сегодня. Данный тезис подтверждают и спортсмены, и тренеры, и журналисты. Исправить сложившуюся ситуацию чрезвычайно сложно, но необходимо. Для этого, по нашему мнению, нужно создать единую организацию, некую «службу внутренней безопасности», которая будет контролировать все существующие федерации профессионального бокса. Кроме того, помимо привлечения к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений необходимо усилить и дисциплинарную ответственность для судей, тренеров, промоутеров и т. д. в виде наложения штрафов, адекватных заработкам в профессиональном боксе за совершение преступления впервые и пожизненной дисквалификации за совершение повторных преступлений.

1. Бокс как бизнес. И как этот бизнес организован? Часть 1. URL: Fightnews.ru (дата обращения: 16.08.2019).

2. Коррупция в боксе. URL: m.sports.ru (дата обращения: 16.08.2019).

3. Мафия в боксе. Крестные отцы ринга // Блог Сергея Корчагина. URL: boxanalitika.ru (дата обращения: 16.08.2019).

4. Клейменов М. П. Тенденции развития преступности в сфере спорта // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 1 (34). С. 201—203.

5. Тедди Атлас: В боксе правят бал коррумпированные организации. URL: fightnews.ru (дата обращения: 16.08.2019)

6. Алексеева А. П., Иванов А. С. Коррупция в сфере спорта / под общ. науч. ред. А. П. Алексеевой. Волгоград, 2017.

7 Global corruption report: Sport. URL: <https://www.transparency.org> (дата обращения: 02.09.2019).

8. Оскар де ла Хойя поразила поражению. Его бой с Флойдом Мэйуэзером принес рекордные

1. Boxing as a business. And how is this business organized? Part 1. Available from: Fightnews.ru. Accessed: 16 August 2019.

2. Corruption in boxing. Available from: m.sports.ru. Accessed: 16 August 2019.

3. The mafia in boxing. Godfathers of the ring // Sergey Korchagin's blog. Available from: boxanalitika.ru. Accessed: 16 August 2019.

4. Kleimenov M. P Trends in the development of crime in the field of sports. Bulletin of the Omsk University. Series: Law. 2013; 34 (1): 201—203.

5. Teddy Atlas: Corrupt organizations rule the boxing ball. Available from: fightnews.ru. Accessed: 16 August 2019.

6. Alekseeva A. P., Ivanov A. S. Corruption in the field of sports. Under the general scientific ed. by A. P. Alekseeva. Volgograd; 2017.

7. Global corruption report: Sport. Available from: <https://www.transparency.org>. Accessed: 2 September 2019.

8. Oscar de la Hoya was struck by defeat. His fight with Floyd Mayweather brought record revenues.

доходы. URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 02.09.2019).

9. Все билеты на бой Паккьяо — де ла Хойя проданы. URL: <http://www.boxnews.com.ua/news> (дата обращения: 02.09.2019).

10. Дон Кинг: бокс без денег — это драка в подворотне. URL: <https://aif.ru> (дата обращения: 02.09.2019).

11. Структура организаций в боксе. Как это работает? URL: <https://www.championat.com/boxing/article-3232501-struktura-vedushhikh-organizacij-v-profi-bokse.html> (дата обращения: 02.09.2019).

12. Спорт низших достижений. URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 02.09.2019).

13. BoxingTalk обвинил WBC в коррупции и покровительстве Карлосу Куадрасу. URL: <https://sport.rambler.ru/boxing> (дата обращения: 02.09.2019).

14. Стебенева Е. Б. Криминологическая характеристика коррупционной преступности сотрудников ОВД России // Криминология: вчера, сегодня завтра. 2011. № 4 (23). С. 69—72.

15. Бой за звание чемпиона «BR» могут оценить в пять лет тюрьмы. URL: sport-express.ru (дата обращения: 02.09.2019).

© Боренов А. Ю., 2019

Боренов Алим Юрьевич,
старший преподаватель
кафедры физической подготовки
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Available from: <https://www.kommersant.ru>. Accessed: 2 September 2019.

9. All tickets for the battle of Pacquiao — de la Hoya sold out. Available from: <http://www.boxnews.com.ua/news>. Accessed: 2 September 2019.

10. Don King: boxing without money is a fight in the gateway. Available from: <https://aif.ru>. Accessed: 2 September 2019.

11. The structure of organizations in boxing. How it works? Available from: <https://www.championat.com/boxing/article-3232501-struktura-vedushhikh-organizacij-v-profi-bokse.html>. Accessed: 2 September 2019.

12. Sports of the lowest achievements. Available from: <https://www.kommersant.ru>. Accessed: 2 September 2019.

13. BoxingTalk accused WBC of corruption and patronage of Carlos Cuadras. Available from: <https://sport.rambler.ru/boxing>. Accessed: 2 September 2019.

14. Stebeneva E. B. Criminological characteristics of corruption crime of employees of the Department of Internal Affairs of Russia. *Criminology: yesterday, today tomorrow*. 2011; 23 (4): 69—72.

15. The battle for the champion title “BR” can be estimated at five years in prison. Available from: sport-express.ru. Accessed: 2 September 2019.

© Borenov A. Yu., 2019

Borenov Alim Yurevich,
senior lecturer at the at the department
of physical training
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

* * *

М. А. Бугера, А. М. Ялов, Э. Ж. Чхвимиани

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НЕПРАВОМЕРНЫМ ЗАВЛАДЕНИЕМ АВТОМОБИЛЕМ
ИЛИ ИНЫМ АВТОТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье авторами с учетом проведенного анализа состояния преступности, связанной с неправомерным завладением автомобилем или иным транспортным средством, приводится классификация неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством, а также обозначен перечень причин и условий, способствующих совершению данного преступления. В целях предупреждения неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством авторы предлагают комплекс мер, применение которых будет способствовать снижению числа преступлений рассматриваемой категории.

Ключевые слова: неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством, предупреждение преступлений, автотранспортное средство.

M. A. Bougera, A. M. Yalov, E. Zh. Chkhvimiani

**PREVENTION OF CRIMES
RELATED TO UNLAWFUL SEIZURE OF A CAR OR OTHER MOTOR VEHICLE:
CRIMINOLOGICAL ASPECT**

In the article, the authors, taking into account the analysis of the state of crime related to the unlawful seizure of a car or other vehicle, provide a classification of unlawful seizure of a car or other vehicle, as well as a list of reasons and conditions conducive to the commission of this crime. In order to prevent the unlawful seizure of a car or other vehicle, the authors propose a set of measures, the use of which will help reduce the number of crimes of this category.

Key words: misappropriation of a car or other vehicle, crime prevention, motor vehicle.

Высокая автомобилизация, развитие сети автомобильных дорог являются положительными факторами, способствующими развитию автомобильной промышленности в России, повышению благосостояния граждан Российской Федерации. Сегодня на территории нашей страны зарегистрировано более 43 540 000 машин [1]. В январе—сентябре 2018 г. продажи новых легковых автомобилей на российском авторынке составили 1 150,6 тыс. ед., что на 12,7 % больше результата за аналогичный период 2017 г. В сентябре 2018 г. было реализовано 138,2 тыс. новых легковых автомобилей (+7,7 % к сентябрю 2017 г.). По итогам девяти месяцев 2018 г. продажи бренда LADA — лидера российского рынка новых легковых автомобилей — увеличились на 13,2 % и составили 238,8 тыс. ед. [2]. При этом за 10 лет количество зарегистрированных автотранспортных средств в России увеличилось более чем на 65 %.

Как показывают реалии нашей жизни, ежедневно любой хозяин автомобиля рискует стать жертвой неправомерного завладения автотранспортным средством. Согласно данным официальной статистики МВД России в 2017 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 22 442 преступления, связанных с неправомерным завладением автомобилем или иным транспортным средством, в 2018 г. — 19 460 преступления, что на 13,2 % меньше, чем в 2017 г. [3]. Такая же ситуация наблюдается в Южном федеральном округе: в 2017 г. — 2 266 рассматриваемых преступлений, в 2018 г. — 1 957 преступлений, что на 13,6 % меньше, чем в 2017 г. Снижение числа анализируемых преступлений зафиксировано и в Волгоградской области: в 2017 г. — 410 преступлений, в 2018 г. — 383 преступления, что на 6,5 % меньше, чем в 2017 г. Считаем, что на основании приведенных данных нельзя сделать однозначного

вывода о том, что неправомерное завладение автотранспортным средством не является распространённым преступлением, поскольку незначительное снижение числа таких преступлений имеет колебательный характер. Кроме того, на наш взгляд, зарегистрированные в 2017—2018 гг. преступления не говорят обо всех масштабах картины, об этом свидетельствуют данные о лицах, задержанных за неправомерное завладение автотранспортным средством. Так, только в Волгоградской области в 2017 г. был задержан 281 человек, в 2018 г. — 290 человек, что на 3,2 % больше, чем в 2017 г. [4]. Приведенные сведения позволяют заключить, что количество преступлений, связанных с неправомерным завладением автомобилем или иным транспортным средством, имеет тенденцию к росту, а это, в свою очередь, говорит о групповом характере совершаемого преступления.

Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством посягает на собственность граждан, значит, нарушает гарантии осуществления интересов и свобод личности, закрепленные в Конституции Российской Федерации. Кроме того, охрана прав собственников — компонент правовой деятельности любого государства [5]. Отсюда — выявление и пресечение анализируемых преступлений остается одной из насущных проблем и входит в число приоритетных направлений деятельности подразделений ГИБДД МВД России, сотрудников уголовного розыска, следственных подразделений, а также иных подразделений правоохранительных органов.

Мы согласны с мнением А. В. Бахарева [6] о том, что неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством связано:

— с особенностью объекта преступного посяательства. Автотранспортные средства являются дорогостоящим и ценным имуществом. Вместе с тем возможности обеспечения их сохранности нередко ограничены недостатком официально функционирующих доступных охраняемых мест для парковки (стоянки) личных автотранспортных средств, а также высокой стоимостью гаражей;

— особенностью механизма преступного посяательства, которая выражается в доступности автотранспортных средств для преступных посятельств: часто они находятся на неохраняемых стоянках или вне стоянок, что делает их привлекательными для автомобильных воров и облегчает неправомерное завладение ими;

— демонстрацией в свободном доступе в сети «Интернет» видеороликов, рассказывающих о способах неправомерного завладения транспортным средством.

Перечисленные обстоятельства заставляют государственные органы и организации сосредоточивать усилия на улучшении условий хранения и парковки автотранспортных средств, их технологической защите и повышении заинтересованности граждан в сохранности своего имущества, блокировании в сети «Интернет» сайтов, осуществляющих распространение видеороликов, которые подробно описывают способы неправомерного завладения автотранспортным средством.

Нужно отметить, что по статистике ГИБДД МВД России жертвами автоугонщиков чаще всего становились владельцы автомобилей ВАЗ (5 693 угнанных машин), почти так же часто преступники покушались на автомобили Toyota (2 746 автомобилей), далее следуют автомобили Hyundai (1 905 машин), затем — автомобили Kia (1 864 автомобиля). Такую популярность эксперты объясняют ценовой доступностью автомобилей ВАЗ для населения: они хорошо продаются как по запчастям, так и целиком. Кроме того, у них отсутствуют современные системы безопасности, поэтому они нередко попадают в поле зрения несовершеннолетних угонщиков: их крадут с целью покататься, а затем бросают в соседних дворах, районах [7].

Мы считаем, что успешное решение проблемы предупреждения неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством [8] возможно только при комплексном подходе на основе использования современных достижений науки и техники [9].

В результате анализа данных официальной статистики ГИБДД МВД России, мнений ученых предлагаем выделить следующие мотивы неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством:

- в целях совершения преступления;
- для развлечения (покататься);
- без формулирования четкого мотива.

Необходимо отметить, что это не полный перечень мотивов, но снижение их числа или исключение хотя бы некоторых из них будет способствовать уменьшению количества преступлений, связанных с неправомерным завладением автотранспортным средством. Нужно сказать о том, что двумя последними мотивами нередко руководствуются несовершеннолетние преступники. Приведем пример.

В марте 2018 г. 26-летняя жительница Ворошиловского района г. Волгограда не обнаружила в своем дворе припаркованный с вечера BMW 520. О пропаже потерпевшая сообщила в полицию. Через несколько часов автомобиль был найден в Дзержинском районе. Выяснилось, что водитель, управлявший им, бросил машину после столкновения с препятствием. Угонщиком оказался 18-летний племянник потерпевшей. В беседе с полицейскими молодой человек признался, что приехал в Волгоград из области, чтобы погостить у родственницы, после распития спиртных напитков решил посмотреть город. Пока его родственница занималась делами, он взял ключи от ее машины и поехал кататься по улицам [10].

Выделим наиболее распространенные причины и условия, способствующие совершению преступлений, связанных с неправомерным завладением автомобилем или иным автотранспортным средством:

— слабая техническая защищенность транспортных средств;

— недостаточный уровень оснащения мест наибольшего скопления автотранспортных средств (дворовых территорий, неохранных парковок и т. д.) современными системами видеонаблюдения и видеофиксации;

— отсутствие или недостаточное количество охраняемых паркингов, автостоянок, гаражей, а также завышенная стоимость их услуг;

— отсутствие или незначительное число пропагандистских роликов в средствах массовой информации, предупреждающих автомобилистов о способах неправомерного завладения автотранспортными средствами, рассказывающих об алгоритме их действий в случае совершения преступления;

— недостаточное количество проводимых правоохранительными органами мероприятий, которые направлены на предупреждение преступлений, связанных с неправомерным завладением автотранспортным средством;

— неуккомплектованность штата сотрудников правоохранительных органов;

— низкий уровень профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел;

— неэффективная профилактическая работа сотрудников ГИБДД, отделов по делам несовершеннолетних, следственных подразделений с обучающимися образовательных организаций.

Приведенный нами перечень причин и условий неправомерного завладения автомобилем или иным автотранспортным средством, безусловно, не является исчерпывающим. Сегодня необходимо разработать эффективные механизмы предупреждения совершения преступлений рассматриваемой категории. Для этого объединим перечисленные причины и условия в группы, к каждой из которых предложим комплекс действенных, на наш взгляд, мер.

1. Низкая техническая защищенность транспортного средства; недостаточный уровень оснащения мест наибольшего скопления автотранспортных средств (дворовых территорий, неохранных парковок и т. д.) современными системами видеонаблюдения и видеофиксации. Автовладельцам можно порекомендовать:

— устанавливать спутниковые противоугонные системы. Подключенные к пульту централизованного наблюдения оператора безопасности они позволяют контролировать состояние и местоположение автомобилей и в городе, и за его пределами, отправляют тревожные сигналы в случае попытки угона или иного неправомерного воздействия на транспортное средство. Мгновенное дублирование информации в службы реагирования обеспечивает предотвращение противоправных действий и повышает оперативность оказания помощи людям в экстренных ситуациях;

— не оставлять транспортное средство на длительное время на плохо освещенных участках улиц и дорог, пустырях, не оборудованных системами видеонаблюдения и неохранных парковках, стоянках, в местах с густой растительностью;

— оборудовать автомобили противоугонными системами, в том числе механическими устройствами для блокирования рулевого колеса, коробки передач, педалей и других механизмов управления транспортным средством;

— при оставлении автотранспортного средства ставить его вплотную к стене дома или ближе к другому автомобилю, чтобы затруднить преступнику проникновение в него;

— разместить на лобовом стекле автомобиля наклейку, говорящую о том, что он защищен противоугонным устройством (но без названия) или детали автомобиля промаркированы. Это может заставить преступника искать другой объект для преступного посягательства.

Кроме того, можно снять аккумулятор или поменять местами провода на распределителе за-

жигания, отсоединить несколько проводов высокого напряжения от свечей, отключить массу.

В последнее годы наиболее распространенным и надежным средством охраны стало видеонаблюдение. Его можно совместить с пожарной и охранной сигнализациями, контролем доступа на территорию стоянки, частного домовладения, жилого комплекса и т. д. Данные системы выступают эффективными гарантами сохранности автомобиля, являются именно профилактическим средством, отпугивающим потенциальных угонщиков. Бесспорно, желание совершать противоправные действия резко уменьшается, если злоумышленник видит, что за ним наблюдают. С «электронным охранником» нельзя договориться, его нереально ввести в заблуждение или обмануть. Таким образом, установка систем видеонаблюдения не прихоть и не веяние моды, а эффективный способ предотвращения неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством. Статистика свидетельствует о том, что количество преступлений и правонарушений, совершаемых в местах, оборудованных камерами видеонаблюдения, и где имеется охрана, постоянно снижается.

2. Отсутствие или недостаточное количество охраняемых паркингов, автостоянок, гаражей, а также завышенная стоимость их услуг. В настоящее время в крупных городах России, таких как Москва, стоимость услуг автопарковки составляет: 100 руб. — час, 1 500 руб. — сутки, 15 000 руб. — месяц. В Волгограде цены варьируются от 1 500 до 3 500 руб. в месяц, однако найти парковочное место в большинстве случаев крайне затруднительно, поэтому автомобилистам приходится оставлять свои автотранспортные средства вне охраняемых стоянок или парковок, что является одной из причин неправомерного завладения ими. По нашему мнению, в больших городах нужно строить охраняемые паркинги, соответствующие требованиям безопасности, или выделять под них дополнительные места. Кроме того, государству надлежит контролировать стоимость их услуг.

Часто неправомерное завладение автотранспортным средством происходит путем взлома индивидуальных гаражей, расположенных в образованных гаражных кооперативах. Обычно преступники проникают через ворота путем их перепиливания, срыва навесных замков, подбора ключей и т. д. Иногда используются портативные газорезущие устройства. Как показывает практика, во многих случаях сами потерпевшие по своей неосторож-

ности становятся жертвами преступлений, в том числе рассматриваемой категории. Наши рекомендации здесь сводятся к следующему:

— при проведении каких-либо работ в гараже необходимо поставить автомобиль так, чтобы он находился под постоянным присмотром, однако при этом было бы невозможно определить, из какого гаража его выгнали;

— в случае кратковременного посещения гаража не открывать ворота настежь. Лучше, если за ними будет висеть штора, которая не позволит увидеть, есть автомобиль в гараже, какой он марки;

— если нет возможности оставить автомобиль на ночь на охраняемой парковке или в гараже, его следует расположить в хорошо освещенном, просматриваемом, людном месте.

3. Отсутствие или незначительное число пропагандистских роликов в средствах массовой информации, предупреждающих автомобилистов о способах неправомерного завладения автотранспортными средствами, рассказывающих об алгоритме их действий в случае совершения преступления; недостаточное количество проводимых правоохранительными органами мероприятий, которые направлены на предупреждение преступлений, связанных с неправомерным завладением автотранспортным средством; неукомплектованность штата сотрудников правоохранительных органов; низкий уровень профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел; неэффективная профилактическая работа сотрудников ГИБДД, отделов по делам несовершеннолетних, следственных подразделений с обучающимися образовательных организаций.

Чтобы исключить хотя бы некоторые из указанных причин, необходимо в средствах массовой информации и сети «Интернет» регулярно размещать материалы, рассказывающие об уголовной ответственности, наступающей за неправомерное завладение автомобилем или иным автотранспортным средством; демонстрирующие алгоритм действий автовладельцев в случае совершения преступлений рассматриваемой категории, который может выглядеть следующим образом:

1. Убедиться, что автотранспортное средство не было эвакуировано на штрафную стоянку.

2. Убедившись в том, что автомобилем неправомерно завладели, незамедлительно позвонить в полицию и сообщить о происшествии.

3. При обращении в полицию сообщить как можно больше информации об угнанном авто-

транспортном средстве (особые приметы, дефекты и т. д.).

4. Постараться найти свидетелей (если машина была припаркована во дворе дома, возле магазина и т. п.), которые могут сообщить информацию, записать их контактные данные, если это возможно, обратиться к сотрудникам службы безопасности магазина, торгового центра для просмотра видеозаписи.

Кроме того, в целях недопущения совершения преступлений, связанных с неправомерным завладением автотранспортным средством, несовершеннолетними, сотрудникам ГИБДД, отделов по делам несовершеннолетних, следственных подразделений нужно постоянно проводить плановые занятия в образовательных организациях, где разъяснять обучающимся, какие последствия

влечет за собой совершение указанного преступления [11].

С учетом изложенного считаем, что предупреждение преступлений, связанных с неправомерным завладением автомобилем или иным автотранспортным средством, — это комплексная деятельность, которая должна быть направлена на охрану прав граждан от преступных посягательств. Конечно же, перечень обозначенных нами причин и условий, способствующих совершению указанных преступлений, не является исчерпывающим. Однако предложенные нами меры могут способствовать предупреждению и снижению числа преступлений, связанных с неправомерным завладением автомобилем или иным автотранспортным средством, на территории Российской Федерации.

1. Отчет о состоянии парка легковых автомобилей в России, представленный Russian Automotive Market Research. URL: <https://www.napinfo.ru> (дата обращения 01.10.2018).

2. Пресс-релиз RAMR «Продажи новых легковых автомобилей и LCV по итогам 9 месяцев 2018 года». URL: <https://www.napinfo.ru> (дата обращения 01.10.2018).

3. Официальный сайт Госавтоинспекции. URL: <http://www.gibdd.ru> (дата обращения: 12.04.2019)

4. Официальный сайт Главного управления МВД России по Волгоградской области. URL: <https://34.mvd.rf> (дата обращения: 15.05.2019).

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). Доступ с информ.-правового портала «Гарант».

6. Бахарев А. В. Криминологическая характеристика и предупреждение краж и угонов автотранспорта органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 30 с.

7. Статистику об автомобилях, которые были угнаны и объявлены в розыск в 2018 году, обнародовала компания «Цезарь-Сателлит». URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 15.05.2019).

8. Семенов Г. М. Предупреждение преступлений органами внутренних дел Российской Федерации: учеб. пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2016.

9. Семенов Г. М., Чхвимиани Э. Ж. Применение инновационных технологий в целях предупреждения дорожно-транспортных происшествий на территории Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). С. 62—69

10. Новости Волгограда и Волгоградской области. URL: <https://volg.mk.ru> (дата обращения: 16.05.2019).

1. Report on the state of the car fleet in Russia submitted by Russian Automotive Market Research. Available from: <https://www.napinfo.ru>. Accessed: 1 October 2018.

2. RAMR press release "Sales of new cars and LCVs for the first 9 months of 2018 ". Available from: <https://www.napinfo.ru>. Accessed: 1 October 2018.

3. The official website of the traffic police. Available from: <http://www.gibdd.ru>. Accessed: 12 April 2019.

4. The official website of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Volgograd Region. Available from: <https://34.mvd.rf>. Accessed: 15 May 2019.

5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 of December 1993). Available from: legal information portal "Garant ".

6. Bakharev A. V. Criminological characteristics and the prevention of thefts and thefts of motor vehicles by internal affairs bodies. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow, 2008: 30.

7. Statistics on cars that were stolen and put on the wanted list in 2018 were published by the Caesar Satellite company. Available from: <https://rg.ru>. Accessed 15 May 2019.

8. Semenenko G. M. Prevention of crime by the internal affairs bodies of the Russian Federation. Textbook. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2016.

9. Semenenko G. M., Chkhvimiani E. Zh. The use of innovative technologies to prevent traffic accidents in the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2018; 47 (4): 62—69.

11. Семенов Г. М. Некоторые направления повышения эффективности сотрудничества полиции с добровольными народными дружинами (на примере Волгоградской области) // Криминологическая ситуация и реагирование на нее / под ред. А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2014. С. 249–254.

© Бугера М. А., Ялов А. М.,
Чхвимиани Э. Ж., 2019

Бугера Михаил Александрович,

доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Ялов Александр Михайлович,

преподаватель кафедры огневой
и физической подготовки
Волгодонского филиала
Ростовского юридического института
МВД России;

Чхвимиани Эдуард Жюльенович,

доцент кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: Eduard-1981@yandex.ru

10. News of Volgograd and the Volgograd region. Available from: <https://volg.mk.ru>. Accessed date: 16 May 2019.

11. Semenenko G. M. Some directions of increasing the effectiveness of police cooperation with voluntary people's squads (on the example of the Volgograd region). In: Criminological situation and response to it. Ed. by A. I. Dolgovoy. Moscow: Russian Criminological Association; 2014: 249—254.

© Bougera M. A., Yalov A. M.,
Chkhvimiani E. Zh., 2019

Bougera Mikhail Alexandrovich,

associate professor
at the criminal law department
of the educational and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Yalov Alexander Mikhailovich,

lecturer at the department
of fire and physical training
of Volgodonsk branch
of the Rostov law institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Chkhvimiani Eduard Zhulenovich,

associate professor
at the department of special disciplines
of the Krasnodar University
of the of the Ministry
of the Interior of Russian Federation,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: Eduard-1981@yandex.ru

* * *

УДК 343.237
ББК 67.408.131

DOI 10.25724/VAMVD.JFGH

С. С. Жукова

СТРУКТУРИРОВАННОСТЬ КАК ПРИЗНАК ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ)

Статья посвящена анализу признака структурированности, используемого при законодательном определении понятия «преступное сообщество (преступная организация)». В действующем уголовном законодательстве Российской Федерации и материалах судебной практики термин «структурированная организованная группа» рассматривается как один из основных признаков преступного сообщества (преступной организации) (ч. 4 ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации). Как правило, структурированная организованная группа содержит в себе как минимум два структурных подразделения, осуществляющих преступную деятельность под единым руководством. Особый интерес вызывает соотношение данного термина с некоторыми признаками организованной группы, предусмотренными ч. 3 ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Неоднозначность при определении понятий групповых формирований приводит к проблемам при решении вопросов их отграничения друг от друга. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что основой при характеристике структурированной организованной группы выступают признаки формы соучастия, предусмотренной ч. 3 ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации. Соответственно, преступное сообщество (преступная организация) представляет собой устойчивую группу лиц с дополнительными качественными признаками, в том числе структурированностью.

Ключевые слова: организованная группа, преступная организация, преступное сообщество, структурированность, структурное подразделение, территориально обособленное подразделение, функционально обособленное подразделение.

S. S. Zhukova

STRUCTURED SPECIFICS AS A FEATURE OF CRIMINAL COMMUNITY (CRIMINAL ORGANIZATION)

The article deals with the analysis of a feature of structured specifics used in the legislative definition of the concept "criminal community (criminal organization)". In the acting criminal legislation of the Russian Federation and judicial practice materials the term «structured organized group» is considered to be one of the main features of a criminal community (criminal organization) (Part 4 of Article 35 of the Criminal Code of the Russian Federation). As a rule, a structured organized group contains at least two structural units engaged in criminal activities under a (mono) unique leadership. The correlation of this term with some features of an organized group provided for by Part 3 of Art. 35 of the Criminal Code are of great importance.

Some ambiguity related to the definition of the concepts of group formations leads to problems when solving the issues of their separation. Analysis of the judicial practice allows concluding that while characterizing a structured organized group the basis is the features of the form of complicity provided for by Part 3 of Art. 35 of the Criminal Code of the Russian Federation. So, the criminal community (criminal organization) is a stable group of persons having additional qualitative features, including structured specifics.

Key words: organized group, criminal organization, criminal community, structured specifics, structural unit, unit fixed on the definite territory, unit charged with special functions.

Преступное сообщество (преступная организация) как форма соучастия обладает наибольшей степенью общественной опасностью. Статистические данные за 2018 г. свидетельствуют о том, что по сравнению с аналогичным периодом прошлого года количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 210 Уголовного кодекса Рос-

сийской Федерации (далее — УК РФ), возросло на 41,9 % (рис. 1). Существенная разница между показателями указывает, что одной из опасных тенденций современного криминального мира является повышение уровня его организованности.

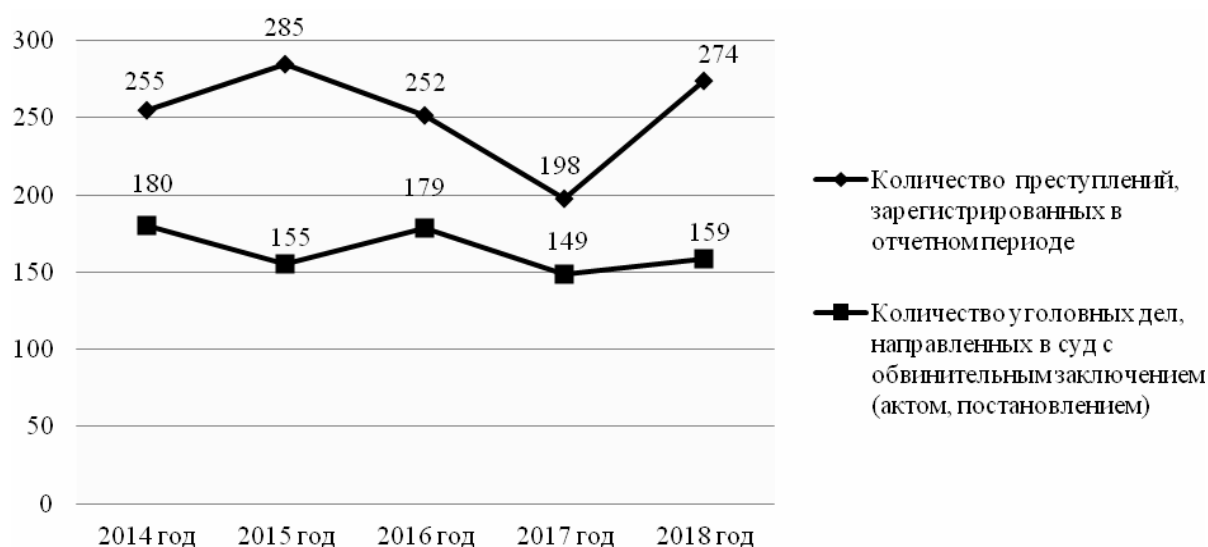

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ

Преступное сообщество (преступная организация) закреплена в ст. 35 УК РФ как самостоятельная форма соучастия и в ст. 210 УК РФ как составообразующий признак. В целях разграничения указанной формы соучастия с иными (смежными) групповыми формированиями Федеральным законом от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ внесены изменения в ч. 4 ст. 35 УК РФ и ст. 210 УК РФ. В соответствии с ними преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения финансовой или иной материальной выгоды. Согласно пояснительной записке к проекту Федерального закона № 245-ФЗ внесенные изменения более четко разграничивают преступное сообщество (преступную организацию) и организованную группу. Однако вопросы применения ст. 210 УК РФ по-прежнему остаются актуальными, а ответы на них — неоднозначными. Наибольший интерес вызывает признак «структурированность», указанный в определении преступного сообщества (преступной организации).

Под структурированной организованной группой понимается группа лиц, заранее объединившаяся для совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, состоящая из подразделений (подгрупп, звеньев и т. п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий [1, п. 3]. В соответствии с определением соучастия (ст. 32 УК РФ), данная группа состоит из двух и более лиц.

При этом структурированная организованная группа обладает согласованностью, стабильностью, наличием организатора (руководителя) и распределения функций между членами. Отметим, что это свойственно и организованной группе. Следовательно можно сделать вывод, что преступное сообщество (преступная организация) представляет собой устойчивую группу лиц с дополнительными качественными признаками. В то же время организованную группу законодатель определяет как устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ). В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации к критериям устойчивости относятся: согласованность действий участников группы; тесная взаимосвязь между участниками и стабильность его состава, постоянство форм и методов преступной деятельности, большой или длительный временной промежуток существования группового формирования, неоднократность совершения преступлений, тщательное планирование и длительная подготовка, распределение ролей между соучастниками, наличие организатора и (или) руководителя, техническая оснащенность группы.

Отметим, что выделение организатора (руководителя) в организованной группе при распределении ролей позволяет говорить о наличии некой структуры. Так, в доктрине уголовного права авторы к признакам организованной группы относят иерархичность связей, систему подчинения и жесткую дисциплину [2, с. 35]. Кроме того, анализ судебной практики дает возможность заключить, что к признакам организованной группы можно отнести иерархичные взаимоотношения между ее членами.

Так, согласно приговору Владимирского областного суда № 2-6/2017 от 17 февраля 2017 г. созданная А. организованная группа характеризовалась устойчивостью, стабильностью, сплоченностью, наличием тесных взаимосвязей между членами, авторитетностью лидера группы, **организованностью и структурированностью**, в том числе наличием **организационно-иерархических связей**, тщательной подготовкой к преступлениям, строгим следованием групповым правилам [3]. Анализ 100 судебных решений, отражающих квалификацию преступлений, совершенных организованными группами, показал, что в 29 % указывалось на наличие системы подчинения, в 39 % — на структуру или иерархию в группе. С учетом изложенного заслуживает внимания проблема соотношения одной из разновидностей преступного сообщества (преступной организации) — структурированной организованной группы — с признаками другой формы соучастия — организованной группы.

Наибольший интерес вызывает тот факт, что при квалификации деяний, предусмотренных ст. 210 УК РФ, правоприменители характеризуют преступное сообщество (преступную организацию) через признаки организованной группы. Для сравнения рассмотрим особенности квалификации деяний в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенных организованной группой и преступным сообществом (преступной организацией). Так, согласно приговору Центрального районного суда г. Волгограда № 1-25/17 от 9 февраля 2017 г. В. В. Филипенко и Д. В. Мартынюк участвовали в организованной группе, деятельность которой направлена на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере. Созданная неустановленным лицом организованная группа обладала **устойчивостью, стабильностью** состава, **длительностью** осуществления преступной деятельности, **тесной взаимосвязью** между участниками, **согласованностью, сплоченностью**, наличием общей цели — **систематическим получением максимальной материальной выгоды** от незаконного оборота наркотических средств. Кроме того, организованная группа, в которой участвовали В. В. Филипенко и Д. В. Мартынюк, характеризовалась **организованностью**, наличием лидера, **распределением преступных ролей и обязанностей** между участниками, **постоянством форм и методов преступной деятельности, наличием общего денежного фонда** в целях создания благоприятных условий для совершения преступлений [4]. В то же время приговором Рудничного районного суда г. Кемерово № 1-327/2018 от 18 сентября 2018 г. Г. А. Берило признана виновной в участии преступного сообщества (преступной организации), деятельность которого направлена на незаконный сбыт наркотических средств в крупном и особо крупном размерах. Согласно указанному при-

говору созданное неустановленными лицами преступное сообщество (преступная организация) действовало в форме структурированной организованной группы. Она характеризовалась **устойчивостью, стабильностью и постоянством** состава со стойкими связями между членами, **сплоченностью**, наличием у членов сообщества **общих преступных целей**, направленных на совершение тяжких и особо тяжких преступлений, **длительным периодом существования**, доверительными отношениями между участниками, **внутренней дисциплиной**, взаимозаменяемостью членов сообщества, **постоянством форм и методов совершения преступлений, тщательным планированием и подготовкой преступной деятельности, согласованностью, наличием организационно-иерархических связей, распределением ролей** между участниками и др. [5].

Анализ судебной практики подтверждает отсутствие четкой границы между формами соучастия на законодательном и правоприменительном уровнях. В соответствии с положениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 12 от 10 июня 2010 г. преступное сообщество (преступная организация) обладает более сложной внутренней структурой. Вместе с тем ряд ученых подчеркивает, что судебное толкование не отрицает возможности наличия подразделений (групп) в организованной группе, предусмотренной ч. 3 ст. 35 УК РФ [6]; [7]. На основании этого в доктрине уголовного права высказывались критические замечания в связи с анализируемыми изменениями в законодательстве; структурированность как признак преступного сообщества (преступной организации) практически аналогичен признаку, характеризующему организованную группу. Поскольку одним из обязательных признаков выступает организованность, попытка законодателя определить преступное сообщество (преступную организацию) через организованную группу, которая имеет собственную иерархию, не выдерживает критики [7].

Анализ судебных приговоров показал, что в 60 % случаев преступное сообщество (преступная организация) совершает преступления в качестве структурированной организованной группы. Как правило, структурированная организованная группа содержит в себе как минимум два подразделения, осуществляющих преступную деятельность под единым руководством [8, с. 73]. Деятельность каждого подразделения находится в причинной связи с деятельностью сообщества (организации) в целом. При квалификации преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией), правоприменители акцентируют внимание на наличии структурированности в преступном подразделении. Так, Ново-Савиновский районный суд г. Казани в приговоре № 1-332/2017 от 13 ноября 2017 г. указал, что в ходе судебного

заседания не установлено, что подсудимые действовали в составе устойчивой группы лиц, а тем более в составе структурированной организованной группы. Соучастники не зависели друг от друга и в подчинении между собой не находились. В связи с чем подсудимые оправданы по ст. 210 УК РФ из-за отсутствия в их действиях состава указанного преступления [9]. Аналогичное решение было вынесено Московским районным судом г. Казани. Согласно приговору № 1-6\17 от 3 февраля 2017 г. суду не представлены доказательства, подтверждающие **признаки более сложной внутренней структуры**, повышенной сплоченности, устойчивости, стабильности и согласованности действий соучастников, какими должно обладать преступное сообщество (преступная организация) [10].

Сегодня в доктрине уголовного права вопросы, связанные с пониманием содержания сложной структуры, которая характеризуется наличием структурных подразделений в составе исследуемого группового формирования, не исчерпаны. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 12 от 10 июня 2010 г. под структурным подразделением преступного сообщества (преступной организации) понимается функционально и (или) территориально обособленная группа, состоящая из двух или более лиц (включая руководителя группы) [1]. Анализ судебных приговоров позволяет сделать вывод, что функционально обособленная группа — группа, имеющая свой набор функций (обязанностей), выполнение которых связано с обеспечением деятельности преступного сообщества (преступной организации) в целом и достижением единого преступного результата. Так, согласно приговору Сарапульского городского суда Удмуртской Республики № 1-69-18 от 20 июня 2018 г. преступное сообщество, созданное неустановленными лицами, включало в себя следующие структурные подразделения, деятельность которых была направлена на сбыт наркотических средств: 1) организационно-контрольное подразделение (координаторы и операторы); 2) оптовые закладчики; 3) розничные закладчики; 4) курьеры; 5) вербовщики; 6) финансисты. Кроме того, организатор (руководитель) преступного сообщества (преступной организации) определял роль каждого участника структурного подразделения [11].

При рассмотрении территориального признака обособленной группы согласимся с мнением Ю. А. Цветкова, указавшего на наличие неких «филиалов» преступного сообщества (преступной организации), осуществляющих возложенные на них функции [12, с. 78]. Вместе с тем К. А. Сердюкова задается вопросом «На каком расстоянии должно находиться подразделение, чтобы признать его территориально обособленным?» [13]. Анализ правоприменительной практики показал, что территориально обособленные группы преступного

сообщества (преступной организации) расположены либо в территориальной границе руководящего подразделения сообщества (организации), либо вне его места. Акцентирование внимания на самом расстоянии, на наш взгляд, лишь усложнит практическую деятельность. Обязательным критерием выступает объективное существование подразделений в разных местах. Так, согласно приговору Ленинского районного суда г. Смоленска № 1-161/2018 от 18 июля 2018 г. К. Е. А. совместно с Р. Н. А. на территории Республики Беларусь создали организованную группу, деятельность которой была направлена на совершение преступлений, предусмотренных пп. «а, б» ч. 2 ст. 172 УК РФ, ч. 2 ст. 187 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ. Осуществляя указанную преступную деятельность, лица, прибыв в г. Смоленск, приняли решение о создании второй организованной группы в этом городе, откуда руководили деятельностью первой преступной группы. Для получения максимального преступного дохода, указанные лица организовали преступную деятельность на территории иных городов России: Санкт-Петербурга и Москвы. Тем самым К. Е. А. и Р. А. Н. создали преступное сообщество (преступную организацию), состоящее из структурных подразделений, осуществляющих преступную деятельность в различных регионах России и Содружества Независимых Государств [14].

В доктрине уголовного права отмечается, что структурным подразделением преступного сообщества (преступной организации) выступает только организованная группа [15]; [16]. Т. В. Досюкова при определении структурного подразделения группового формирования применительно к группе лиц добавляет слово «организованная» [17, с. 23]. Правоприменительная практика также признает устойчивую группу лиц структурным подразделением. Например, согласно приговору № 2-11/2017 Архангельского областного суда от 28 апреля 2017 г. созданное лицом преступное сообщество имело внутреннюю организационную структуру и состояло из следующих подразделений: две устойчивые организованные вооруженные преступные группы (выступающие в качестве альтернативных друг другу самостоятельных силовых звеньев преступного сообщества); устойчивая организованная группа (осуществляющая переговоры с потерпевшими); организованная группа (осуществляющая финансирование членов сообщества, в том числе его руководителя); устойчивая организованная вооруженная преступная группа (осуществляющая вымогательство, вооруженное нападение на граждан и организации, уничтожение и повреждение чужого имущества) [18]. Возможно, такая утвердительная позиция вытекает из самого судебного толкования. Напомним, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 12 от 10 июня 2010 г. в определении

структурных подразделений закрепил признаки, характеризующие устойчивость организованной группы, предусмотренной ч. 3 ст. 35 УК РФ.

Очевидно, что организованной группе и преступному сообществу (преступной организации) априори свойственна организованность. Слово «организация» было заимствовано из французского языка — *organisation* (организация, организованная структура) — от глагола *organizer* — организовать. Организованность включает в себя деятельность по созданию внутренней структуры, систему коммуникации с распределением статусов (ролей) и формированием условий деятельности [19, с. 193]. Кроме того, В. Н. Зибцев отмечает, что структура включает в себя совокупность взаимосвязанных ролей и упорядоченных взаимоотношений между членами [20, с. 44]. Формирование такой организационной структуры (иерархии) необходимо для достижения поставленных целей. Выделяют два вида взаимоотношений между лицами организации: 1) горизонтальные (указывающие на степень разделения функций); 2) вертикальные (отображающие глубину организованной иерархии (количество уровней в управлении)). Тем самым совокупность взаимосвязанных ролей членов группы, которые выражаются через вертикальное подчинение, дисциплину и горизонтальную взаимозависимость говорит о наличии сложной структуры в групповом формировании.

Опираясь на анализ судебной практики, отметим, что организованной группе как форме соучастия в большинстве случаев свойственна лишь вертикальная иерархия связей. Например, согласно приговору Центрального районного суда г. Оренбурга № 1-150/18 от 24 мая 2018 г. организатор (руководитель) преступной группы для успешного и быстрого выполнения поставленных задач в сфере незаконного оборота наркотических средств распределил между участниками следующие обязанности [21]:

1. Оператор получал от организатора указания и контролировал соблюдение участниками требований к работе.

2. Кураторы, получая указания от оператора, руководили действиями «работника склада» и контролировали соблюдение ими требований, предъявляемых к работе.

3. «Работник склада» согласно указаниям куратора осуществлял аренду жилых помещений для хранения и расфасовки наркотических средств и помещений их для последующей передачи «закладчику».

4. «Закладчик», получая указания от куратора, извлекал наркотические средства из тайников (закладок), оборудованных «работником склада», после чего помещал их в иные тайники (закладки) для дальнейшего сбыта наркозависимым клиентам.

Анализ преступного сообщества (преступной организации) позволяет сделать вывод о более сложной внутренней структуре с наличием не только вертикальных, но и горизонтальных связей. Например, согласно приговору Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) № 1-1258-2017 от 14 ноября 2017 г. созданное неустановленными лицами (организаторами) преступное сообщество (преступная организация), созданное для совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, являлось структурированной организованной группой и характеризовалась наличием следующих вертикальных связей [22]:

1. Руководитель выполнял общие организационно-распорядительные функции по обеспечению деятельности преступного сообщества (преступной организации), а также непосредственно контролировал деятельность «старших кураторов» и «кассира».

1.1. «Кассир» ежедневно информировался старшими кураторами о денежных суммах, получаемых от незаконной реализации наркотических средств, и после согласования с руководителем преступного формирования занимался начислением вознаграждений участникам.

1.2. «Старший куратор» координировал «младших кураторов» и находящиеся под их контролем структурные подразделения преступного сообщества, а также получал ежедневные отчеты о денежных средствах от продажи наркотических средств, от младших кураторов, которым устанавливали размер «заработной платы».

1.2.1. «Младший куратор» координировал действия отдельных структурных подразделений преступного сообщества, контролировал деятельность «закладчиков», «складов», «курьера», «оператора», а также получал отчеты от них о результативности деятельности на «обслуживаемой» территории с указанием размера их прибыли.

1.2.1.1. «Оператор» формировал списки, полученные от «младшего куратора», с тайниками, оборудованными закладчиками для дальнейшей реализации наркотических средств, поддерживал контакт с потребителями наркотических средств; получал от последних денежные средства в качестве оплаты приобретаемого наркотика и зачислял их на виртуальные счета АО «КИВИ-Банк».

1.2.1.2. «Склад» по согласованию с «младшим куратором» обеспечивал получение и расфасовку наркотических средств для дальнейшего их размещения в тайниках закладчиком, уведомлял кураторов о получении партии наркотических средств и месте нахождения тайников (закладок).

1.2.1.3. «Курьер» по указанию вышестоящих звеньев преступного сообщества обеспечивал поставку наркотических средств.

1.2.1.4. «Закладчик» получал наркотические средства и размещал их в тайниках. Заработная

плата определялась организаторами преступного сообщества (преступной организации) в зависимости от его деятельности.

1.2.2. «Кивиделы» оформляли на третьих лиц, не осведомленных о преступном характере совершаемых действий, платежные карты, сим-карты.

2. «Одел кадров» привлекал и подбирал кандидатов на «должность» закладчиков и работников склада и занимался обучением вновь принятых лиц.

3. «Программист-администратор» оказывал услуги по оптимизации и использованию программ-

ного обеспечения и персональных компьютеров в целях соблюдения требований конспирации системы интернет-магазина и руководил деятельностью администратора сайта.

3.1. «Администратор сайта» обеспечивал нормальное функционирование интернет-магазина на форуме.

Указанные вертикальные связи преступного сообщества (преступной организации), действовавшего в г. Якутске Республики Саха (Якутия), схематично выглядят следующим образом (рис. 2).

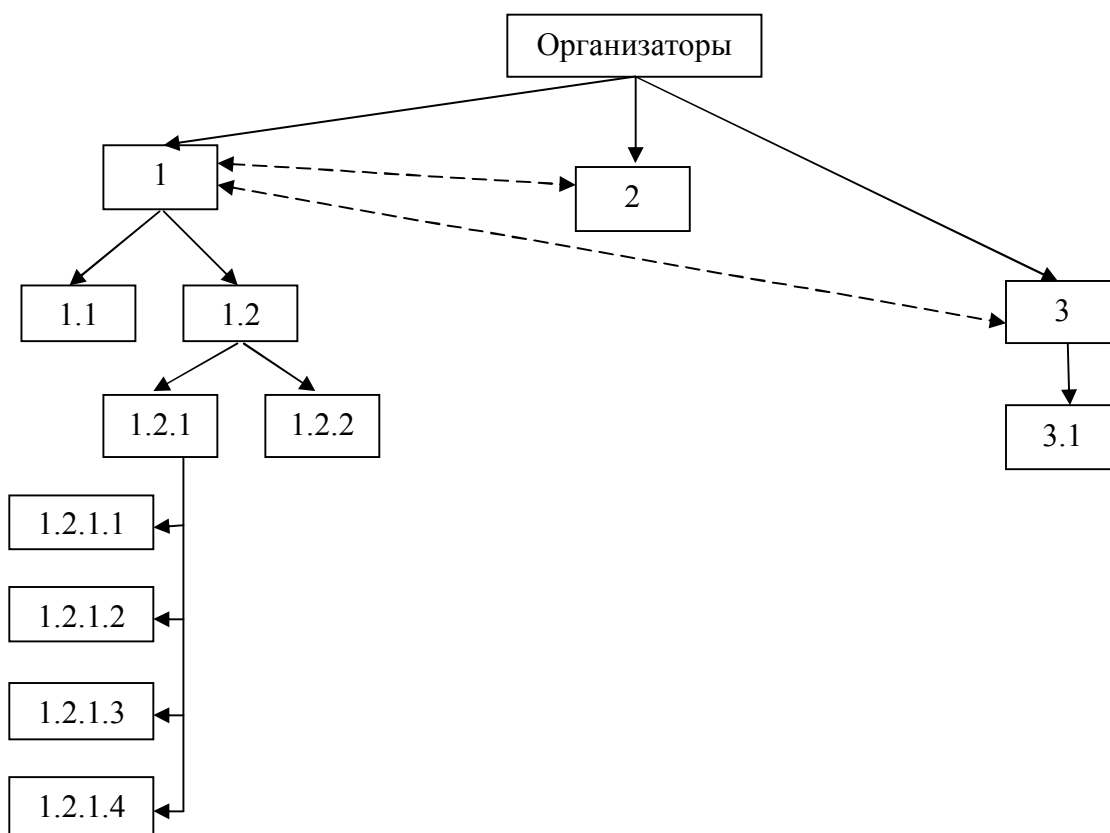

Рис. 2. Вертикальные связи преступного сообщества

Горизонтальные связи между участниками преступного сообщества (преступной организации) выстраивались таким образом (согласно приговору суда):

1. «Курьер» взаимодействовал с работниками «склада» в целях передачи последнему партии наркотических средств.

2. «Склад» взаимодействовал с «закладчиком» для передачи последнему закладки с партией наркотических средств.

3. «Програмист-администратор» взаимодействовал с «руководителями», «старшими кураторами», «младшими кураторами», «операторами» в целях разработки для них аккаунтов и ников в различных программах.

4. «Администратор сайта» совместно с «оператором» разрешал проблемы по недовольствам и жалобам потребителей наркотических средств.

При сравнении организованной группы с преступным сообществом (преступной организацией)

наблюдается качественное отличие. Преступное сообщество (преступная организация) признается таким не потому, что организованная группа стала обладать структурой, а в силу **качественного изменения ее структуры** (формирование двух или более территориальных и (или) обособленных подразделений, наличие вертикальных и горизонтальных связей между участниками). Данное разнообразие связей между членами объединения определяет сложную структуру системы. Вертикальное подчинение выстраивается между лидером и членами входящих в сообщество преступных групп. Горизонтальные связи представляют собой взаимодействие между участниками преступных объединений [23, с. 53]. Важен тот факт, что преступное сообщество (преступная организация) всегда будет обладать основными признаками организованной группы (с дополнительными качественными признаками — структурированность, объединение групп, специальная цель), поскольку первое является разновидностью второй. Как верно подметила Е. В. Топильская, в российском уголовном праве существует понятие сложных форм соучастия, к которым относится организованная преступная деятельность. Она может отражаться

в специальных составах преступления, предусмотренных ст. 209, 210, 282.1 УК РФ [23, с. 5].

Таким образом, преступное сообщество (преступная организация) есть разновидность организованной группы с дополнительными качественными признаками, а не самостоятельная форма соучастия (так же, как незаконное вооруженное формирование, банда, террористическая организация и т. д.). В этом случае рекомендация Пленума Верховного Суда Российской Федерации о том, что при совершении участником преступного сообщества (преступной организации) тяжкого или особо тяжкого преступления его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210 УК РФ и соответствующей частью (пунктом) статьи УК РФ, с учетом квалифицирующего признака «организованная группа» [1] является логичной и обоснованной. Данное понимание исследуемого группового формирования позволит устранить проблемные вопросы применения ст. 35 УК РФ и ст. 210 УК РФ, связанные с отграничением преступного сообщества (преступной организации) от организованной группы.

1. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Вопросы квалификации преступлений, совершенных в соучастии: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. В. В. Намнясева. Тамбов: Першина Р. В., 2017. 193 с.

3. Приговор Владимирского областного суда №2-6/2017 (2-14/2016) от 17 февраля 2017 г. // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 25.06.2019).

4. Приговор Центрального районного суда г. Волгограда № 1-25/17 от 9 февраля 2017 г. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 14.06.2019).

5. Приговор Рудничного районного суда г. Кемерово № 1-327/2018 от 18 сентября 2018 г. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 14.06.2019).

6. Петров С. В. Проблемы определения понятия преступного сообщества в уголовном законодательстве России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 149—152.

7. Быков В. Организация преступного сообщества (преступной организации) // Законность. 2010. № 2. С. 18—21.

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 12 of 10 June 2010. On Judicial Criminal Cases Practice in Regard to Organization of Criminal Community (Criminal Organization) or Participation in it. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Problems Related to Qualification of Crimes Committed in Complicity. Textbook. Ed. by V. V. Namnyaseva. Tambov: Pershina R. V.; 2017: 193.

3. Verdict of the Vladimir Regional Court No. 2-6/2017 (2-14/2016) of 17 February 2017. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/M6faSHO1jlxv>. Accessed: 25 June 2019.

4. Verdict of the Central District Court of Volgograd No. 1-25/17 of 9 February 2017. Available from: Mode: <https://sudact.ru>. Accessed: 14 June 2019.

5. Verdict of the Rudnichny District Court of Kemerovo No. 1-327/2018 of 18 September 2018. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 14 June 2019.

6. Petrov S. V. Problems Related to Definition of the Concept of Criminal Community in the Criminal Legislation of Russia. Legal Science and Practice: Vestnik of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Interior of Russia. 2013; 24: 149—152.

8. Якушева Т. В. Законодательная регламентация практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 219 с.
9. Приговор Ново-Савиновского районного суда г. Казани № 1-332/2017 от 13 ноября 2017 г. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 14.06.2019).
10. Приговор Московского районного суда г. Казани № 1-6/17 от 3 февраля 2017 г. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 14.06.2019).
11. Приговор Сарapulьского городского суда Удмуртской Республики № 1-69-18 от 20 июня 2018 г. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 14.06.2019).
12. Цветков Ю. А. Преступное сообщество (преступная организация): уголовно-правовой и криминологический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 226 с.
13. Сердюкова К. А. Структурированность как признак преступного сообщества (преступной организации) // Уголовное право. 2016. № 6.
14. Приговор Ленинского районного суда г. Смоленска № 1-161/2018 от 18 июля 2018 г. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 14.06.2019).
15. Мондохонов А. Н. Преступное сообщество и преступная организация как самостоятельные формы соучастия // Уголовное право. 2018. № 4.
16. Генев Е. В. Проблема разграничения понятий «организованная группа» и «преступное сообщество» // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 4 (117). С. 176—183.
17. Досюкова Т. В. Применение уголовно-правовой нормы об ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): рекомендации для практ. работников. Саратов: СЮИ МВД России, 2000. 42 с.
18. Приговор Архангельского областного суда № 2-11/2017 от 28 апреля 2017 г. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 14.06.2019).
19. Фролов С. С. Общая социология: учебник. М.: Проспект, 2016. 384 с.
20. Зибцев В. Н. Социология организаций: учеб. пособие. Донецк: НОРД — ПРЕСС, 2007. 241 с.
21. Приговор Центрального районного суда г. Оренбурга № 1-150/18 от 24 мая 2018 г. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 27.06.2019).
22. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) № 1-1258/2017 от 14 ноября 2017 г. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения 27.06.2019).
7. Bykov V. Organization of Criminal Community (Criminal Organization). Legality. 2010; 2: 18—21.
8. Yakusheva T. V. Legislative Regulation of Practice of Bringing to Justice for Organizing Criminal Community (Criminal Organization). Dissertation of Candidate of Juridical Sciences. Moscow; 2016: 219.
9. Verdict of the Novo-Savinovsky District Court of Kazan No. 1-332/2017 of 13 November 2017. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 14 June 2019.
10. Verdict of the Moscow District Court of Kazan No. 1-6/17 of 3 February 2017 Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 14 June 2019.
11. Verdict of the Sarapul City Court of the Republic of Udmurtiya No. 1-69-18 of 20 June 2018. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 14 June 2019.
12. Tsvetkov Yu. A. Criminal Community (Criminal Organization): Criminal Law and Criminological Analysis. Dissertation of Candidate of Juridical Sciences. Moscow; 2004: 226.
13. Serdyukova K. A. Structured Specifics as a Feature of Criminal Community (Criminal Organization). Criminal Law. 2016; 6.
14. Verdict of the Leninsky District Court of Smolensk No. 1-161/2018 of 18 July 2018. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 14 June 2019.
15. Mondokhonov A. N. Criminal Community and Criminal Organization as Independent Forms of Complicity. Criminal Law. 2018; 4.
16. Genov E. V. Problem of Distinguishing between Concepts of "Organized Group" and "Criminal Community". Vestnik of the Saratov State Law Academy. 2017; 117 (4): 176—183.
17. Dosiukova T. V. Application of the Criminal Law on Liability for Organizing Criminal Community (Criminal Organization). Recommendations for Practical Workers. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Interior of Russia; 2000: 42.
18. Verdict of the Arkhangelsk Regional Court No. 2-11/2017 of 28 April 2017. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 14 June 2019.
19. Frolov S. S. General Sociology. Textbook. Moscow: Prospect; 2016: 384.
20. Zibtsev V. N. Sociology of Organization. Textbook. Donetsk: NORD—PRESS; 2007: 241.
21. Verdict of the Central District Court of Orenburg No. 1-150/18 of 24 May 2018. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 27 June 2019.
22. Verdict of the Yakutsk City Court of the Republic of Sakha (Yakutiya) No. 1-1258/2017 of 14 November 2017. Available from: <https://sudact.ru>. Accessed: 27 June 2019.

23. Топильская Е.В. Криминология организованной преступности: в 2 т. Т. 1. Части Общая и Особенная: моногр. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 288 с.

© Жукова С. С., 2019

Жукова София Сергеевна,
адъюнкт Волгоградской академии МВД России;
e-mail: Sofija-zhukova@rambler.ru

23. Topilskaya E. V. Criminology of Organized Crime. In 2 Volumes. Volume 1. Parts: General and Special. Monograph. Saint-Petersburg: Alef-Press; 2015: 288.

© Zhukova S. S., 2019

Zhukova Sophia Sergeevna;
associated postgraduate
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
e-mail: Sofija-zhukova@rambler.ru

* * *

*Ю. И. Казаренко***НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ПРИ НАЛИЧИИ СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ**

В представленной статье подробно рассматриваются обстоятельства, смягчающие наказание. Автор приведен краткий обзор истории их развития в российском уголовном законодательстве и исследованы особенности. В настоящее время перечень обстоятельств, смягчающих наказание, не предусматривает ограничений, что дает возможность суду признать любое иное обстоятельство в качестве смягчающего. В этом аспекте исследованы материалы судебной практики, в которых упоминаются иные обстоятельства, признаваемые судами как смягчающие. Автор обращает внимание на тот факт, что отсутствие установленного в законе порядка учета всех смягчающих обстоятельств приводит к тому, что суд учитывает наряду с ними отягчающие наказание обстоятельства, а применение ч. 1 ст. 62 Уголовного кодекса Российской Федерации при назначении наказания не оказывает влияния на его индивидуализацию. Вместе с тем основная проблема заключается в том, что названные обстоятельства учитываются судами при отсутствии взаимосвязи с совершенным лицом преступлением.

Ключевые слова: назначение наказания, уголовная ответственность, обстоятельства, смягчающие наказание, преступление, гуманизм, явка с повинной, случайное стечение обстоятельств, активное способствование, правосудие.

*Yu. I. Kozarenko***PUNISHMENT IMPOSITION TAKING INTO ACCOUNT MITIGATING CIRCUMSTANCES**

The given article deals with the circumstances mitigating punishment. The author of the article made a brief analysis of their development in the Russian criminal law as well as examined the existing features of the circumstances mitigating punishment. At present the list of circumstances mitigating punishment does not have any restrictions and it allows the court to accept any other circumstances as mentioned above. In this aspect the author studied materials of the judicial practice which include other circumstances that are considered as mitigating ones by the courts. The author of the article pays attention to the fact the absence of fixed order of all mitigating circumstances established by law results in the situation that the court takes into account aggravating circumstances as well as mitigating ones, whereas applying Part 1 of Art. 62 of the Criminal Code of the Russian Federation do not affect the individualization of punishment while imposing the latter. At the same time the author considers that the main problem is that the circumstances mentioned above are taken into account by the courts in terms of absence of correlation with the crime committed by the person.

Key words: punishment imposition, criminal liability, circumstances mitigating punishment, crime, humanism, voluntary surrender, random circumstances confluence, active assistance, justice.

В России защита конституционных прав человека и гражданина является обязанностью государства, а установление уголовной ответственности за совершенные преступные деяния выступает способом защиты этих прав.

В правоприменительной деятельности часто допускаются ошибки в связи с применением обстоятельств, смягчающих наказание, которые влекут за собой нарушение принципа справедливости, а неправильное судебное решение, в свою очередь,

ведет к отмене наказания или его изменению. В уголовном законе определены обстоятельства, смягчающие наказание, и их учет в правоприменительной деятельности выступает гарантией реализации принципа законности и справедливости.

Современное понимание сущности обстоятельств, смягчающих наказание, невозможно без уяснения истории развития данного института в российском уголовном праве.

Основные уголовно-правовые источники отечественного права в различных вариациях содержали нормы, где описывались обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Так, первый правовой памятник — Русская правда — устанавливал предписания, в которых рассматривались наиболее типичные обстоятельства, имевшие определенное влияние на ответственность и относящиеся к личности виновного и потерпевшего. Древнерусский законодатель при назначении наказания считал состояние опьянения преступника обстоятельством, смягчающим наказание.

В Артикуле Воинском 1715 г. были закреплены смягчающие обстоятельства, позволившие дифференцировать ответственность лиц, совершивших преступления. К ним относились «состояние аффекта, малолетство преступника, „непривычка к службе“ и служебное рвение, в пылу которого было совершено преступление, а также неведение и давность» [1, с. 283]. Отметим, что в российском законодательстве XVIII в. крайняя необходимость являлась обстоятельством, смягчающим наказание. Например, Артикул 180 позволял причинение вреда в виде повреждения или уничтожения дворов, заборов, бревен, посевов на полях при необходимости.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. различало обстоятельства, уменьшающие вину, и обстоятельства, смягчающие наказание. Последними признавались: чистосердечное признание в преступлении и раскаяние, выдача соучастников, крайняя необходимость, вознаграждение причиненного зла и т. д. (ст. 140) [2, с. 130].

Октябрьская революция 1917 г. привела к изменению социального строя, формы правления, а также уголовного законодательства. В статье 12 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. (далее — Руководящие начала) был приведен примерный перечень смягчающих обстоятельств, которые должен учитывать суд при назначении наказания: «Совершено ли деяние в сознании причиненного вреда или по невежеству и неосознанности, обнаружено ли совершающим деяние заранее обдуманное намерение... или деяние совершено в состоянии запальчивости, по легкомыслию и небрежности» [3, с. 15].

В Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. законодатель включил перечень смягчающих обстоятельств, сформулированных в ст. 12 Руководящих начал. Они были уже конкретными критериями, которые учитывал суд при назначении меры наказания.

Перечень смягчающих обстоятельств Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. (ст. 48) имел закрытую тек-

стуальную форму. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. он, напротив, был открыт: в ч. 2 ст. 38 указывалось, что суд может признать и другие обстоятельства в качестве смягчающих.

Таким образом, в российском уголовном праве вопрос об обстоятельствах, смягчающих наказание, решался по-разному, основные различия проявлялись в их организации и содержании.

Часть 3 ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее — УК РФ) устанавливает, что при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Перечень обстоятельств, смягчающих наказание, приведен в ст. 61 УК РФ. Так, согласно п. «а» ч. 1 данной статьи совершение впервые преступного деяния небольшой либо средней тяжести в результате случайного стечения обстоятельств является составным смягчающим обстоятельством и имеет значение только при наличии всех трех условий: преступление относится к категории небольшой тяжести (ч. 2 ст. 15 УК РФ), совершено виновным впервые, случайное стечение обстоятельств.

Раскрывая значение термина «лицо, впервые совершившее преступление», Е. В. Благов замечает, что в уголовном законе речь идет не о фактическом, а «юридическом содержании этого термина» [4, с. 83]. Однако единой трактовки данного понятия нет. Необходимо подчеркнуть, что в числе лиц, впервые совершивших преступление, можно назвать не только тех, кто фактически ранее не совершал преступлений, не был привлечен к уголовной ответственности, но и тех, кто ранее привлекался к уголовной ответственности, имеет снятую или погашенную судимость или освобожден от уголовной ответственности и наказания.

Понятие «случайное стечение обстоятельств» законодателем не раскрывается. В юридической литературе оно определяется как «совокупность обстоятельств, не характерной как для предыдущего образа жизни виновного, так и для его окружения» [5, с. 106]. Нужно отметить, что случайное стечение обстоятельств охватывает жизненные ситуации, когда преступление совершается в результате какого-то конфликта, виновный заблуждался относительно опасности совершенного им деяния и др. Таким образом, случайное стечение обстоятельств — это условия, которые не выражают обычного поведения виновного, но побуждают к совершению преступления.

Следующее смягчающее наказание обстоятельство, установленное в п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ, —

несовершеннолетний возраст виновного. Согласно ч. 1 ст. 87 УК РФ несовершеннолетним признается лицо, которому к моменту совершения преступления исполнилось 14 лет, но нет 18 лет. В этом случае позицию законодателя считаем правильной и понятной: нельзя ставить на один уровень поступки несовершеннолетнего и взрослого, поскольку особенности психофизиологического развития первого влияют на принятие решения о совершении преступления, не позволяя ему в полной мере предвидеть последствий своих действий.

Исходя из принципа гуманизма, беременность также признается смягчающим обстоятельством, причем и после совершения женщиной преступления на момент рассмотрения уголовного дела судом.

Закрепление в перечне рассматриваемых обстоятельств наличия у виновного малолетних детей обусловлено обеспечением его обязательств по их воспитанию и содержанию.

В качестве смягчающего наказание обстоятельства п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ устанавливает тяжелые жизненные обстоятельства либо мотив сострадания. Под первыми понимаются события личного характера, например, тяжелое заболевание виновного или его родственников, смерть близких, потеря работы, жилищные трудности, материальные проблемы, конфликты в быту или на работе. Стечение тяжелых жизненных обстоятельств, чтобы стать смягчающим наказание обстоятельством, должно быть связано с совершенным преступлением. Мотив сострадания заключается в том, что преступник, совершая уголовно наказуемое деяние, стремится достичь положительного результата — облегчения страданий и мучений потерпевшего (по его просьбе), которые могут быть связаны с болезнью.

В соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ к смягчающим обстоятельствам законодатель причисляет совершение преступления в результате физического или психического принуждения, т. е. здесь принимается во внимание обстановка, в которой виновный вынужденно действует, хотя при этом у него есть возможность противостоять ей. В рассматриваемом пункте также упоминается, что преступление может быть совершено в силу определенной зависимости. Материальная зависимость потерпевшего предполагает его нахождение на иждивении у виновного или существование долговых обязательств. Служебная зависимость — подчинение виновного вышестоящему должностному лицу, от которого зависит заработная плата, профессиональный рост и др. (например, начальник цеха и ди-

ректор завода). «Иная зависимость» охватывает различные ситуации. В юридической литературе это понятие не раскрывается, а лишь приводятся примеры. По мнению М. П. Журавлева, А. И. Ророга, А. В. Наумова, иная зависимость также может включать «зависимость ученика и студента от преподавателя, свидетеля от следователя» [6, с. 211].

Пункт «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ предусматривает в качестве смягчающего обстоятельства совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения. Считаем, что первые два обстоятельства нужно исключить из перечня смягчающих, в связи с тем что они не обладают такими признаками, как типичность и непроизводность от других обстоятельств. Следует согласиться с О. А. Мясниковым, замечаящим по поводу совершения преступления при превышении пределов необходимой обороны, что «закон специально предусматривает для данных случаев привилегированные составы преступлений, поэтому нецелесообразно сохранять в законодательстве ссылки на данное смягчающее обстоятельство» [7, с. 60].

Согласно п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ к смягчающим обстоятельствам относится противоправность или аморальность поведения потерпевшего, ставшая поводом для преступления. В этом случае под противоправностью поведения можно понимать действия, выраженные в побоях, издевательствах, оскорблении и т. д., под аморальностью — действия, противоречащие принятым в обществе принципам морали и нравственности.

Пункт «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ включает в число смягчающих обстоятельств явку с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления. Явка с повинной означает добровольное личное обращение лица, совершившего преступление, с заявлением в правоохранительные органы. Ее обязательное условие — добровольный характер. При этом такой может быть признано объяснение, полученное до возбуждения уголовного дела. Активное содействие раскрытию и расследованию преступления заключается в том, что виновный представляет органам дознания или следствия информацию, до того им не известную. В пункте 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного на-

казания» от 22 декабря 2015 г. № 58 [8] официально закреплено понятие «активное содействие раскрытию и расследованию преступления». Указание в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ на отдельные разновидности такого активного содействия излишне, поэтому, по нашему мнению, целесообразно исключить их из данной нормы и изложить ее в следующей редакции:

«и) явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления.».

Под «оказанием медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления» (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ) необходимо понимать активные действия виновного по оказанию помощи (например, вызов бригады скорой помощи, перевязка раны потерпевшему и др.), а под иной помощью — вызов родственников потерпевшего и т. д. В судебной практике встречаются случаи, когда судом не учитывается данное обстоятельство. Например, по приговору Красноармейского районного суда г. Волгограда от 26 декабря 2017 г. М. осужден по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. Из показаний М. и потерпевшей Б. следовало, что осужденный пытался после совершения преступления остановить кровотечение, а затем вызвал скорую помощь, помог перенести потерпевшую на носилках в машину скорой помощи. Таким образом, перечисленные обстоятельства подлежали учету в соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Однако суд первой инстанции не сделал этого. В свою очередь, суд апелляционной инстанции приговор в отношении М. изменил, признав смягчающим обстоятельством оказание медицинской и иной помощи потерпевшей после совершения преступления [9].

Кроме того, п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ устанавливает в качестве смягчающих обстоятельств добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему. Обязательными признаками здесь являются добровольность и возмещение вреда в полном объеме.

Суд должен зафиксировать имеющиеся в деле обстоятельства и учесть их именно в качестве смягчающих при назначении наказания. Такая возможность предусмотрена ч. 2 ст. 61 УК РФ, однако часто суд учитывает обстоятельства, которые не могут быть признаны смягчающими, исходя из их содержания.

Перечень смягчающих обстоятельств не является исчерпывающим, поэтому суды принимают во внимание иные обстоятельства, например, частичное возмещение ущерба; признание вины подсу-

димым; раскаяние в содеянном; состояние здоровья; молодой возраст; принятие мер к примирению с потерпевшим; наличие инвалидности; отсутствие судимости; участие в боевых действиях; тот факт, что подсудимый не состоит на специализированном учете; наличие на иждивении несовершеннолетнего ребенка, близкого родственника (бабушки, матери, супруги) и др. Так, Ж. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ. Суд не установил смягчающих обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 61 УК РФ, однако учел участие Ж. в боевых действиях на территории Демократической Республики Афганистан, его возраст и наличие у него заболевания [10].

Приведем еще несколько примеров. По приговору Котовского районного суда Волгоградской области от 18 декабря 2017 г. П. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ. П. предоставил документы участника боевых действий на территории Северо-Кавказского региона. Суд апелляционной инстанции учел данное обстоятельство в качестве смягчающего и изменил приговор [11].

С. совершила семь умышленных преступлений коррупционной направленности. Обстоятельствами, смягчающими наказание, в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ суд признал совершение преступлений небольшой тяжести впервые и наличие у С. хронических заболеваний [12].

По приговору Еланского районного суда Волгоградской области от 30 ноября 2017 г. Т. был осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Суд первой инстанции, хотя и приобщил к материалам дела справку о состоянии здоровья осужденного (наличие тяжелого заболевания в виде туберкулеза легких), но не исследовал ее и не дал оценки данному обстоятельству, назначив наказание без полного учета данных о личности В. Суд апелляционной инстанции приговор в отношении В. изменил, признав обстоятельством, смягчающим наказание, наличие тяжелого заболевания [13].

В некоторых случаях конкретные смягчающие обстоятельства, учтенные судами, практически не оказывают влияния на назначаемое наказание, или же суд не принимает во внимание иные смягчающие обстоятельства и назначает максимально возможное наказание. Такие нарушения были допущены судами Волгоградской области в первом квартале 2018 г. по уголовному делу в отношении К. (постановление президиума № 44у-23/2018 от 14 марта 2018 г), уголовному делу в отношении А. (постановление президиума № 44у-45/2018 от 18 апреля 2018 г), уголовному делу в отношении М. (постановление президиума № 44у-31/2018 от 28 марта

2018 г.), уголовному делу в отношении Ю. (постановление президиума № 44у-49/2018 от 25 апреля 2018 г.). При этом в последнем случае кроме смягчающих обстоятельств судом были учтены и отягчающие. Однако позже суд указал на отсутствие отягчающих обстоятельств, что свидетельствует о противоречиях в его выводах [14].

Таким образом, анализ судебной практики показал, что часть приговоров изменялась в связи с неполным учетом всех имеющихся по делу обстоятельств, смягчающих наказание. Отсутствие в законе порядка учета всех смягчающих обстоятельств приводит к тому, что суды наряду с ними

учитывают и отягчающие, а применение ч. 1 ст. 62 УК РФ при назначении наказания не влияет на его индивидуализацию. Основная проблема состоит в том, что обстоятельства учитываются судами при отсутствии взаимосвязи с совершенным преступлением. Поскольку в большинстве случаев причинами нарушений стали невнимательность судей, формальный подход к рассмотрению обстоятельств дела, изменения должны быть направлены на повышение эффективности деятельности судебных органов в целях всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела по существу.

1. Исаев И. А. История государства и права России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.

2. Бытко Ю. И., Бытко С. Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X—XX веков. Саратов, 2006.

3. Мишунин М. Г. Очерки по истории советского уголовного права. М., 1954.

4. Благов Е. В. Наказание и иные меры уголовно-правового характера: лекции. М., 2011.

5. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: науч.-практ. пособие / под ред. А. В. Галаховой. М., 2014.

6. Уголовное право России: части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2010.

7. Мясников О. А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике. М., 2002.

8. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 58 от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 22 марта 2018 г. по делу № 22-1059/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения 04.04.2019).

10. Приговор мирового судьи судебного участка № 2 Советского района г. Астрахани от 2 апреля 2018 г. по делу 1-14/2018. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.04.2019).

11. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 26 февраля 2018 г. по делу № 22-686/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.04.2019).

12. Приговор Советского районного суда г. Волгограда от 22 июля 2016 г. по делу № 1-142/2016 //

1. Isayev I. A. History of State and Law of Russia. Textbook. 2nd ed., amend. and add. Moscow; 2003.

2. Bytko Yu. I., Bytko S. Yu. Collection of Normative Acts on the Criminal Law of Russia of the Xth — XXth centuries. Saratov; 2006.

3. Mishunin M. G. Essays on the History of the Soviet Criminal Law. Moscow; 1954.

4. Blagov E. V. Punishment and Other Measures of Criminal Law Nature: Lectures. Moscow; 2011.

5. Estimated Features in the Criminal Code of the Russian Federation: Scientific and Judicial Interpretation: Scientific and Practical Textbook. Ed. by A. V. Galakhova. Moscow; 2014.

6. Criminal Law of Russia: Parts: General and Special. Ed. by A. I. Raroga. 6th ed., amend. and add. Moscow; 2010.

7. Myasnikov O. A. Mitigating and Aggravating Circumstances in Theory, Legislation and Judicial Practice. Moscow; 2002.

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 of 22 December 2015. On Practice of Criminal Punishment Imposed by the Courts of the Russian Federation (ed. 18/12/2018). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

9. Appeal Definition of the Volgograd Regional Court of 22 March 2018 on Case No 22-1059/2018. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. Available from: <http://sudact.ru>. Accessed: 4 April 2019.

10. Verdict of the Justice of the Peace of the Judicial District No. 2 of the Sovetskiy District of Astrakhan of 2 April 2018 on Case No.1-14/2018. Available from: <http://sudact.ru>. Accessed: 4 April 2019.

11. Appeal Definition of the Volgograd Regional Court of 26 February 2018 on Case No. 22-686/2018. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federa-

Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.04.2019).

13. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 22 февраля 2018 г. по делу №22-628/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 04.04.2019).

14. Обзор апелляционной и кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Волгоградского областного суда за 1 полугодие 2018 г. (утв. постановлением президиума Волгоградского областного суда от 29 августа 2018 г.). URL: <http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?id=965&> (дата обращения: 04.04.2019).

© Козаренко Ю. И., 2019

Козаренко Юлия Игоревна,

старший преподаватель
кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: 4ernika87@mail.ru

tion. Available from: <http://sudact.ru>. Accessed: 4 April 2019.

12. Verdict of the Soviet District Court of Volgograd of 22 July 2016 on Case No. 1-142/2016. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. Available from: <http://sudact.ru>. Accessed: 4 April 2019.

13. Appeal Definition of the Volgograd Regional Court of 22 February 2018 on Case No. 22-628/2018. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. Available from: <http://sudact.ru>. Accessed: 4 April 2019.

14. Review of Appeal and Cassation Practice of Judicial Division on Criminal Cases of the Volgograd Regional Court for the 1-st half of 2018 (Approved by Decision of the Presidium of the Volgograd Regional Court of 29 August 2018). Available from: <http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?id=965&>. Accessed: 4 April 2019.

© Kozarenko Yu. I., 2019

Kozarenko Yulia Igorevna,

senior lecturer at the criminal law department
of the educational and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: 4ernika87@mail.ru

* * *

В. А. Овчинников, Ю. Н. Москвичев

**ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ**

Статья посвящена исследованию в рамках науки «спортивной криминологии» возможностей физического воспитания человека для криминологической профилактики его отклоняющегося поведения. Авторами показан вклад одного из основателей международного олимпийского движения — А. Д. Бутовского — в осмысление исторических, социальных, экономических и культурологических основ физической культуры и спорта как социально-культурного феномена, используемого в современности для криминологической профилактики. Авторы приходят к выводу о том, что физическая культура и спорт являются эффективным механизмом для гармоничного развития личности. В процессе занятий физическими упражнениями и спортом возможно не только воспитание положительных качеств личности, но и перевоспитание уже имеющихся качеств отрицательной направленности; а при умелом педагогическом руководстве можно взамен негативных свойств выработать физическую работоспособность, волевою стойкость и положительную целеустремленность, выдержку и самообладание, решительность и смелость, настойчивость и упорство, инициативность и самостоятельность, мужество и трудолюбие, уверенность в своих силах, волю к победе и другие позитивные качества.

Ключевые слова: криминологическая профилактика отклоняющегося поведения, физическое воспитание, физическая культура, спорт, социально-культурный феномен, спортивная криминология.

V. A. Ovchinnikov, Yu. N. Moskvichev

**PHYSICAL EDUCATION OF A PERSON AS ONE OF THE DIRECTIONS
OF CRIMINOLOGICAL PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR**

The article is devoted to the study of science "sports criminology" possibilities of physical training of a person for criminological prevention of his deviant behavior. The authors show the contribution of one of the founders of the International Olympic movement — A. D. Butovsky — to the understanding of historical, social, economic and cultural foundations of physical culture and sport as a socio-cultural phenomenon used in modern times for criminological prevention. The authors come to the conclusion that physical culture and sport are an effective mechanism for the harmonious development of personality. In the process of physical exercise and sports is possible not only the education of positive qualities of the individual, but also the reeducation of existing qualities of negative orientation; and with skillful pedagogical guidance can instead of negative properties to develop: physical fitness, a strong-willed persistence and a positive sense of purpose, restraint and self-control, determination and courage and perseverance, initiative and independence, courage and hard work, confidence, will to win and other positive qualities.

Key words: criminological prevention of deviant behavior, physical education, physical culture, sport, socio-cultural phenomenon, sports criminology.

Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [1] определяет физическое воспитание как «процесс, направленный на воспитание личности, развитие физических возможностей человека, приобретение им умений и знаний в области физической культуры

и спорта в целях формирования всесторонне развитого и физически здорового человека с высоким уровнем физической культуры». Под физической культурой, в свою очередь, понимается «часть культуры, представляющая собой совокупность ценностей, норм и знаний, создаваемых и используемых

обществом в целях физического и интеллектуального развития способностей человека, совершенствования его двигательной активности и формирования здорового образа жизни, социальной адаптации путем физического воспитания, физической подготовки и физического развития». Отсюда можно сделать вывод о том, что правильная реализация программ физического воспитания помогает не только физическому, но и интеллектуальному становлению личности, воплощению ее способностей.

Другой Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [2] исходит из того, что профилактика правонарушений — это «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения». Правонарушениями здесь признаются «преступление или административное правонарушение, представляющие собой противоправное деяние (действие, бездействие), влекущее уголовную или административную ответственность», а антиобщественным поведением — «не влекущие за собой административную или уголовную ответственность действия физического лица, нарушающие общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц».

В теории криминологии «антиобщественное поведение» относят к вариантам «отклоняющегося поведения», которое определяется как «сложное и многогранное явление социальной жизни, формирующееся и проявляющееся в социальной среде, в социальных отношениях, выражающееся в устойчивых формах человеческой деятельности, не соответствующих нормам и ожиданиям, сложившимся в обществе» [3, с. 13]. При этом ученые говорят о том, что отклоняющееся поведение может иметь и позитивное (отклонения, служащие прогрессу общества), и негативное (отклонения, препятствующие развитию общества) значение. Для криминологии наибольший интерес представляет, конечно, отрицательное проявление такого отклонения в связи с возможностью его коррекции различными средствами.

Итак, отклонение поведения ранжируется по характеру тяжести социальных последствий на девиантное, делинквентное и криминальное.

Девиантное поведение — это стереотип поведенческого реагирования, который связан с нарушениями соответствующих возрасту социальных норм и правил поведения, характерных для микросоциальных отношений (семейных, трудовых) и малых половозрастных социальных групп.

Делинквентное поведение — это повторяющиеся, асоциальные поступки людей, которые складываются в определенный устойчивый стереотип действий, нарушающих морально-нравственные и правовые нормы, не влекущие уголовной ответственности вследствие их ограниченной общественной опасности.

Криминальное или преступное поведение — это противоправные, умышленные действия, которые (при условии соответствующего психического состояния) по достижении соответствующего возраста служат основанием для привлечения к уголовной ответственности и квалифицируются по конкретным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации.

Средствами коррекции всех видов отклоняющегося поведения выступают меры воспитательного характера, способствующие повышению культурного уровня населения, накоплению знаний о морально-нравственных и правовых нормах, охраняющих права и законные интересы человека и гарантирующих наказание за посягательство на них.

Культура в различных ее смыслах (социально-правовая, физическая, духовная и т. д.) рассматривается нами как важнейшее средство формирования норм поведения у людей с отрицательным отклоняющимся поведением. Под культурой мы понимаем исторически развивающуюся, многослойную систему созданных человечеством материальных и духовных ценностей, социокультурных норм и способов их распространения, а также процесс нравственного выбора в различных сферах жизни. Показателями сформированности культуры выступают правосознание, способность защищать свои права законными методами, физическая и интеллектуальная развитость, правомерность деятельности, знания о здоровом образе жизни и т. д. Взаимосвязь и взаимопроникновение компонентов культуры способствуют нравственному закаливанию, формированию гражданской позиции человека, осознанию не только своих прав, но и обязанностей, гражданского долга.

Вопросы необходимости всестороннего развития личности затрагивали многие ученые и современности, и прошлого. Первым на эту проблему в России обратил свое внимание А. Д. Бутовский, который положил начало разработке социально-гуманитарного аспекта в системе научных знаний о физической культуре и спорте. Толкование сути физической культуры и спорта не просто как специфических занятий «телесными упражнениями», изменений в человеческом организме, а как особого социального явления, социально-культурного феномена, социального института и системы отношений между людьми впервые встречается именно в его произведениях.

Как историк А. Д. Бутовский использовал сравнительно-исторический метод в изучении социальных и экономических аспектов организации, функционирования и развития физической культуры и спорта. Осмысление опыта применения людьми средств физической культуры и спорта в прошлом было ему необходимо для выявления закономерностей функционирования и развития этого социально-культурного феномена и нахождения наиболее эффективных средств и рациональных методов физического воспитания и обучения населения. А. Д. Бутовский сумел глубже других специалистов разобраться в природе спорта, увидеть, понять его позитивные и негативные стороны. Он выделял, рассматривал и оценивал спорт как важный социально-культурный фактор, который только одним своим существованием привлекает к себе людей, побуждает их быть не только зрителями, но и участниками спортивной борьбы. Вполне понятными и убедительными являются доводы и аргументы А. Д. Бутовского относительно воспитательной ценности занятий спортом и спортивными играми. Для А. Д. Бутовского спорт и спортивные игры — это формы проявления более широкого социально-культурного фактора — состязательности, которая при правильной ее организации «...развивает очень ценные для жизни душевные качества: настойчивость, упорство в достижении цели, мужество, находчивость, уверенность в своих силах и умение ими пользоваться» [4, с. 332]. Благодаря спортивным соревнованиям, по мысли А. Д. Бутовского, успешно решаются не только педагогические, но и общие социальные задачи. Так, он одним из первых обратил внимание на то обстоятельство, что спортивные соревнования способствуют объединению людей в социальную группу, корпорацию, фор-

мируют их привязанность друг к другу, социальным институтам и учреждениям [4, с. 332—333].

Однако ученый выделял и слабые места спорта и спортивных игр. «Мне приходилось уже говорить в предыдущих моих беседах, к каким последствиям ведут вообще всякие чрезмерные усилия; что же касается собственно спортивных упражнений, то я указывал, вместе с тем, что спортсмен, по большей части, не имеет возможности упражняться в разнообразной работе, могущей дать ему многостороннее физическое развитие; готовясь к состязанию, он по необходимости отдает все свои силы одному избранному и излюбленному им роду работы» [4, с. 333]. А. Д. Бутовский прекрасно понимал, что одним спортом и спортивными играми нельзя решить всех задач физического воспитания человека, четко осознавал, что при условии самоорганизации населения спортивные игры и спортивные состязания смогут привлечь к регулярным занятиям физическими упражнениями гораздо больше людей, чем гимнастические занятия. Для А. Д. Бутовского было наиболее важно получить в ходе серьезного научного исследования достоверное знание не столько о том, как влияют физические нагрузки на организм человека, сколько о том, какой социальный эффект, духовные и профилактические итоги имеет практика применения людьми физической культуры и спорта. Однако здесь автор обращал внимание не просто на факт занятий физическими упражнениями, а на то, к каким последствиям это привело и общество в целом, и его отдельные сферы и социальные группы, и индивидов. Общественные последствия использования людьми физической культуры и спорта выражаются в социально-экономическом, политико-правовом, духовно-нравственном эффектах, изменениях систем ценностей, норм, идеалов, убеждений и предубеждений, традиций и обычаев, интересов, потребностей и привычек отдельного человека, т. е. выступают социально-культурным феноменом.

А. Д. Бутовский стремился выявить влияние физической культуры и спорта как института гражданского общества на успешное функционирование и развитие общества и человека, продуктивную эволюцию сознания, мировоззрение человека, его убеждения и верования. А. Д. Бутовского как государственного служащего и общественного деятеля интересовала закономерность, наблюдающаяся в линии «физические упражнения — социальные группы людей (молодое поколение, военнослужащие, народные массы)». Он понимал, что свой-

ственные спорту чрезмерные физические нагрузки, преобладание эмоций над разумом, мешающее рациональному управлению воздействием физических упражнений на организм человека, оказывают негативное влияние на здоровье человека, приводят его к болезням и травмам, поэтому ученый видел в физическом воспитании в качестве основной цели и конечного продукта формирование и развитие у человека потребности и интереса к занятиям физическими упражнениями, а не победу в состязаниях. Тем не менее использование спортивных игр, спортивной гимнастики, спортивных соревнований А. Д. Бутовский не отрицал, считая их существенными моментами своей системы физического образования и физической подготовки, тогда как использование простых гимнастических упражнений он не признавал доминирующим фактором, хотя и сохранял за ними статус необходимых для здоровья средств.

А. Д. Бутовский был и остается первым исследователем в нашей стране, кто стал понимать физическую культуру и спорт как социально-культурный феномен, социальный институт и особую систему человеческих отношений, оказывающую положительное воздействие на личность человека, его внутренние качества, которая может использоваться как мощное средство профилактики отклоняющегося поведения. Данный социальный институт влияет

не только на тех, кто занимается физическими упражнениями, но и на тех, кто участвует в спортивных и физкультурных мероприятиях в качестве зрителей, болельщиков, организаторов, руководителей, учителей и тренеров, обслуживающего персонала и т. п. Осмысление спорта, физической культуры в широком философском аспекте, культурологическое понимание роли и значения занятий «телесными упражнениями», совершенствующими и тело, и психику, сознание, мировоззрение человека — это, бесспорно, заслуга А. Д. Бутовского, создавшего в России наряду с П. Ф. Лесгафтом первые образовательные учреждения в сфере физической культуры и спорта, внесшего существенный вклад в теорию физической культуры и спорта как средства воспитательного воздействия на личность. Для развития отечественной теории и практики физического воспитания и физической культуры в целом научно-теоретическое наследие А. Д. Бутовского, несомненно, имеет большое значение, помогает совершенствовать физические и интеллектуальные способности человека, его двигательную активность, формировать здоровый образ жизни и высокий уровень культуры. Эти идеи активно используются для создания современной системы противодействия преступности в сфере спорта в рамках спортивной криминологии [5]; [6].

1. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федер. закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (в ред. от 02.08.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2016 г. №182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Гаврилов С. Т. Предупреждение отклоняющегося поведения несовершеннолетних: правовой, педагогический и организационный аспекты: моногр. / под науч. ред. А. В. Волохова. Воронеж: МОУ ВЭПИ, 2001.

4. Бутовский А. Д. Воспитание и телесные упражнения в английских школах // Собр. соч.: в 4 т. Киев: Олимпийская литература, 2009. Т. 1. С. 277—334.

5. Алексеева А. П. Спортивная криминология: моногр. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2014.

1. Federal law No. 329-FZ of 4 December 2007. On physical culture and sport in the Russian Federation (ed. 02/08/2019). Available from: reference and legalsystem "ConsultantPlus".

2. Federal law No. 182- FZ of 23 June 2016. About the basics of crime prevention system in the Russian Federation. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

3. Gavrilov S. T. Prevention of deviant behavior of minors: legal, pedagogical and organizational aspects. Monograph. Ed. by A. V. Volokhov. Voronezh; 2001.

4. Butovsky A. D. Upbringing and Bodily Exercise in English Schools // collected works in 4 volumes. Kyiv: Olympic literature; 2009; 1: 277—334.

5. Alekseeva A. P. Sports criminology. Monograph. Volgograd: Volgograd Academy of the Russian interior Ministry; 2014.

6. Алексеева А. П. Спортивная криминология: моногр. 2-е изд, перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2017.

© Овчинников В. А., Москвичев Ю. Н., 2019

Овчинников Владимир Александрович,
начальник кафедры физической подготовки
Волгоградской академии МВД России,
доктор педагогических наук, профессор;
e-mail: gymnast-69@yandex.ru

Москвичев Юрий Николаевич,
заведующий кафедрой
социально-гуманитарных дисциплин
и иностранных языков
Волгоградской государственной
академии физической культуры,
кандидат философских наук, профессор;
e-mail: gymnast-69@yandex.ru

6. Alekseeva A. P. Sports criminology. Mono-
graph. Second edition, revised and supplemented.
Moscow: INFRA-M; 2017.

© Ovchinnikov V. A., Moskvichev Yu. N., 2019

Ovchinnikov Vladimir Alexandrovich,
head of the department of physical training
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of pedagogical sciences, professor;
e-mail: gymnast-69@yandex.ru

Moskvichev Yury Nikolaevich,
head at the department
of social and humanitarian disciplines
and foreign languages
of the Volgograd State Physical
Education Academy,
candidate of philosophical sciences, professor;
e-mail: gymnast-69@yandex.ru

* * *

*М. Н. Урда***КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ КАК СРЕДСТВО ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ**

Цель исследования состоит в изучении квалифицирующих признаков организации незаконной миграции на предмет их способности адекватно отображать повышенную общественную опасность деяния, а также в выявлении социально-политической необходимости расширения их перечня. На основе формально-логического, статистического, сравнительно-правового и других методов автор приходит к выводу о недостаточном уровне и объеме дифференциации организации незаконной миграции. Доказывается целесообразность формулирования различных по степени общественной опасности признаков, относящихся к одному смысловому блоку «групповые формы соучастия», в разных частях нормы: их уравнивание в рамках одного квалифицированного состава противоречит принципу справедливости. Обосновывается необходимость дифференциации ответственности за организацию незаконной миграции посредством включения в норму квалифицирующих признаков: «с использованием служебного положения», «из корыстных побуждений», «в отношении двух и более иностранных граждан и лиц без гражданства», «иностранного гражданина или лица без гражданства, въезд которым в Российскую Федерацию заведомо для виновного не разрешен по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации», «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет)» — особо квалифицирующего признака «двух и более иностранных граждан и лиц без гражданства, въезд которым в Российскую Федерацию заведомо для виновного не разрешен по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации». Сделан вывод о необходимости реформирования системы дифференцирующих признаков организации незаконной миграции, приведения ее в соответствие с криминологически значимыми обстоятельствами, объективно повышающими уровень общественной опасности деяния. Сформулированы предложения по изменению и дополнению с этой целью ст. 322¹ Уголовного кодекса Российской Федерации. Результаты исследования могут быть использованы в правотворчестве.

Ключевые слова: незаконная миграция, дифференциация ответственности, квалифицирующие признаки, иностранные граждане, лица без гражданства.

*М. N. Urda***QUALIFICATING SIGNS AS A MEANS OF DIFFERENTIATION
OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR THE ORGANIZATION
OF ILLEGAL MIGRATION**

The purpose of the study is to study the qualifying features of the organization of illegal migration for their ability to adequately reflect the increased social danger of an act, as well as to identify the socio-political need to expand their list. Based on the formal logical, statistical, comparative legal and other methods, the author comes to the conclusion that there is an insufficient level and volume of differentiation of the organization of illegal migration. The expediency of formulating the attributes of various degrees of social danger related to the same semantic block “group forms of complicity” in different parts of the norm is proved: their equalization within the framework of one qualified composition is contrary to the principle of justice. The necessity of differentiating responsibility for organizing illegal migration is justified by including qualifying features in the norm: “using official position”, “for mercenary motives”, “regarding two or more foreign citizens and stateless persons”, “foreign citizen or stateless person, the entry of which into the Russian Federation is obviously not permitted for the guilty, on the grounds provided for by the legislation of the Russian Federation, “using the media or information

telecommunication networks (including the Internet)”; a particularly qualifying attribute “of two or more foreign citizens and stateless persons whose entry into the Russian Federation is obviously not allowed for the guilty on the grounds stipulated by the legislation of the Russian Federation”. It is concluded that it is necessary to reform the system of differentiating features of the organization of illegal migration, bring it into line with criminologically significant circumstances that objectively increase the level of social danger of the act. Suggestions are formulated to amend and supplement for this purpose article 3221 of the Criminal Code of the Russian Federation. The results of the study can be used in lawmaking.

Key words: illegal migration, differentiation of responsibility, qualifying characteristics, foreign citizens, stateless persons.

Проблема уголовного противодействия незаконной миграции является важной составляющей современной стратегии национальной безопасности. Она требует разрешения многих вопросов, влияющих на эффективность этого направления уголовной политики. Среди них одно из ключевых значений имеет качество дифференциации уголовной ответственности за организацию незаконной миграции посредством использования квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков. В настоящей статье предпринята попытка изучения этих признаков на предмет способности адекватно отображать повышенную общественную опасность деяния, а также выявления социально-политической необходимости расширения их перечня.

Организация незаконной миграции — абсолютная новация уголовного права России. Ее появление стало следствием имплементации положений Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, принятого 15 октября 2000 г., дополняющего Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, которая была ратифицирована Российской Федерацией 25 июня 2004 г. [1]. Поспешное принятие нормы и отсутствие прогностических исследований неизбежно привели к правотворческим ошибкам в части определения признаков, дифференцирующих ответственность за совершение организации незаконной миграции.

В первоначальной редакции ч. 2 ст. 322¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) предусматривала два квалифицирующих признака: совершение организации незаконной миграции «организованной группой» (а) и «в целях совершения преступления на территории Российской Федерации» (б). Отсутствие в квалифицированном составе признака «группой лиц по предварительному сговору» на фоне использования более опасной формы группового совершения преступления «организованной группой» вызвало жесткую

критику со стороны научной общественности [2, с. 68]; [3, с. 187].

Ошибка законодатель попытался исправить в 2016 г. Федеральным законом № 375-ФЗ [4] за счет включения в ч. 2 ст. 322¹ УК РФ признака «группой лиц по предварительному сговору».

Внимание законодателя к квалифицированному составу организации незаконной миграции нельзя оценить однозначно положительно. Само по себе оно свидетельствует об активизации поиска новых инструментов дифференциации ответственности, что заслуживает одобрения. В то же время неразумным, противоречащим принципу справедливости является уравнивание различных по степени общественной опасностиотягающих ответственность обстоятельств, относящихся к одному смысловому блоку «групповые формы соучастия».

Как отмечает Н. А. Лопашенко, количество санкций и количество частей — позитивное явление, означающее степень дифференциации уголовной ответственности за конкретное преступное деяние. Основное правило здесь: чем больше частей в статье, предусматривающей ответственность за конкретное деяние, тем выше уровень дифференциации уголовной ответственности, тем более норма отвечает принципу справедливости [5, с. 7].

Целесообразно развести указанные признаки по разным частям нормы: *сохранить* местоположение «группой лиц по предварительному сговору» в ч. 2, *выделить* совершение данного преступления «организованной группой» в качестве *особо квалифицирующего признака* в ч. 3 статьи.

Анализ практики выявил неостребованность квалифицирующего признака «в целях совершения преступления на территории Российской Федерации». Казалось бы, он, как никакой другой, характеризует наиболее опасные последствия незаконной миграции, учитывая известную криминальную активность мигрантов [6, с. 62]; [7, с. 82—109], включая торговлю людьми. В то же время функция этого признака процессуально

неосуществима в виду невозможности доказать сформулированную законодателем цель. Это объясняет отсутствие его применения в следственно-судебной практике. Целесообразно от него отказаться. Если организация незаконной миграции обнаруживает связь с другими преступлениями, например, террористическими или против личности, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности соответствующих составов.

Вполне обоснованными являются предложения многих ученых о дополнении квалифицированного состава организации незаконной миграции признаком «с использованием служебного положения» [8, с. 153]; [7, с. 27—28]; [9, с. 92—95] и др. В качестве отягчающего ответственность обстоятельства за совершение аналогичного или схожего преступления он предусмотрен в уголовных законах республик Беларусь [10], Казахстан [11], Молдова [12], Украина [13], Латвийской Республики [14]. Как показывает анализ судебной практики, эти нарушения часто сопровождают организацию незаконной миграции в России, облегчая ее совершение. Вместе с тем вызывают возражение позиции некоторых авторов, которые ограничивают использование служебного положения признаками должностного лица [15, с. 126]; [16, с. 12]; [17, с. 122].

Довольно распространены случаи участия в совершении рассматриваемого преступления служащих органов государственного контроля (надзора) в сфере миграции, не обладающих организационно-распорядительными или административно-хозяйственными полномочиями, а также лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях, например, руководителей лжефирм, по месту нахождения которых осуществляется фиктивная постановка на учет иностранных граждан (лиц без гражданства) [18].

С учетом того что организация незаконной миграции часто является высокодоходным преступным бизнесом, обеспечивающим воспроизводство миграционных нарушений, целесообразно ч. 2 ст. 322¹ УК РФ дополнить квалифицирующим признаком «из корыстных побуждений». В результате обобщения практики по данной категории дел этот мотив был выявлен более чем в 67 % случаев*. Дополнительным аргументом в пользу включения указанного признака в число квалифицирующих служит его использование в формулировании схожей нормы в Уголовном кодексе Украины [13].

Исходя из буквального толкования диспозиции ч. 1 ст. 322¹ УК РФ, под ее действие попадает

организация незаконной миграции нескольких мигрантов. Однако, как показал анализ судебной практики, суды усматривают признаки состава и в случае организации незаконной миграции одного лица. Московский городской суд в апелляционном постановлении от 18 июня 2014 г №10-7421/2-14, объясняя такое толкование нормы, указал, что действующее законодательство не содержит никаких количественных ограничений и независимо от числа иностранных граждан действия виновного не перестают быть общественно опасными [19]. В то же время уровень общественной опасности организации незаконной миграции нескольких лиц гораздо выше. Это должно находить отражение в дифференциации ответственности. В связи с этим целесообразно в диспозиции ч. 1 ст. 322¹ УК РФ словосочетание «иностранных граждан или лиц без гражданства» заменить фразой «иностранного гражданина или лица без гражданства», слово «их» — на «его»; дополнить ч. 2 нормы квалифицирующим признаком «в отношении двух и более лиц». Повышенная ответственность за аналогичные или схожие деяния в отношении нескольких лиц установлена в уголовном законодательстве США [20], Германии [21], Китая [22], Молдовы [12], Грузии [23], Латвии [14], Украины [13].

Видится необходимым установление повышенной ответственности за организацию незаконной миграции иностранных граждан и лиц, въезд которым в Российскую Федерацию заведомо для виновного не разрешен по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации. В этом случае обстоятельством, повышающим общественную опасность деяния, выступает личность лица, пребывание которого на территории государства является нежелательным (вредным). Организация незаконной миграции таких лиц фактически нивелирует деятельность соответствующих органов и служб, признавших их пребывание на территории государства недопустимым. Неслучайно незаконное пересечение этими лицами Государственной границы Российской Федерации при въезде обладает повышенной общественной опасностью и получает самостоятельную оценку в ч. 2 ст. 322 УК РФ, что находит отражение в более строгой санкции по сравнению с ч. 1 ст. 322 УК РФ. В целях обеспечения плавной дифференциации особо повышающим общественную опасность обстоятельством в ч. 3 нормы должно стать количество (двух и более) иностранных граждан (лиц без гражданства), обладающих дополнительными признаками, указывающими

на недопустимость их нахождения на территории государства. Такое законодательное решение поможет преодолению коллизии норм. Она возникла ввиду невозможности разграничения действий организатора незаконного пересечения Государственной границы Российской Федерации иностранным гражданином (лицом без гражданства), въезд которому на территорию государства не разрешен (ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 322 УК РФ), и организации незаконной миграции (ст. 322¹). Так, при сопоставлении общей и специальной нормы специальной будет ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 322 УК РФ, поскольку она содержит дополнительные признаки, характеризующие иностранных граждан (лиц без гражданства) как лиц «...въезд которым в Российскую Федерацию заведомо для виновного не разрешен...». Если же соотнести рассматриваемые составы как часть и целое, то предпочтение должно отдаваться другой норме — целому (ст. 322¹ УК РФ): помимо организации въезда ст. 322¹ УК РФ предусматривает ответственность за организацию их пребывания и транзита. Невозможность разрешения ситуации по существующим правилам квалификации привела к коллизии норм, преодоление которой возможно только законодательным путем.

Целесообразно также *дополнить ч. 2 ст. 322¹ УК РФ квалифицирующим признаком «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть „Интернет“)*». Информатизация общества привела к тому, что информационно-телекоммуникационные технологии стали активно использоваться и при организации незаконной миграции. К сожалению, криминологическая наука, призванная выявлять криминальную сопряженность явлений, не связывает совершение этого преступления с использованием сети «Интернет». Между тем, как показало исследование виртуального пространства и изучение практики применения нормы, такая зависимость существует, и она требует адекватной реакции со стороны государства.

При совершении организации незаконной миграции интернет-ресурсы используются в качестве средств продвижения «услуг» по организации незаконного въезда, пребывания или транзита иностранных граждан и лиц без гражданства, а также в целях передачи данных внутри преступной группы и координации ее деятельности, для совершения подготовительных действий и др. Так, из приговора Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 12 ноября 2018 г. по делу № 1-341/2018 усматривается, что Ковтун А. В. посредством теле-

коммуникационной сети «Интернет» приобрел у неустановленных лиц учредительные и уставные документы и печати коммерческих структур. В последующем они были использованы в организации незаконного въезда иностранных граждан в Россию. Интернет-ресурсы им применялись для передачи данных внутри организованной группы, а также в целях распространения среди иностранных граждан информации о возможности оформления документов, разрешающих законный въезд иностранных граждан в Российскую Федерацию, и получения посредством сети от них необходимых документов (сканкопий паспортов, анкетных данных) для их оформления. В общей сложности преступная группа, возглавляемая А. В. Ковтуном, организовала незаконный въезд в Россию 495 иностранных граждан [18].

Возможности виртуального пространства при совершении рассматриваемого преступления, с одной стороны, способствуют увеличению масштабов незаконной миграции, с другой — препятствуют обнаружению противоправных действий в киберпространстве, не имеющем границ, повышая таким образом общественную опасность данного преступления.

В завершение сделаем несколько выводов.

1. Изучение квалифицирующих признаков организации незаконной миграции показало недостаточный уровень дифференциации ответственности за совершение этого преступления, выявило необходимость реформирования системы таких признаков посредством приведения ее в соответствие с криминологически значимыми обстоятельствами, объективно повышающими уровень общественной опасности деяния.

2. Доказывается целесообразность формулирования различных по степени общественной опасности признаков, относящихся к одному смысловому блоку «групповые формы соучастия», в разных частях нормы. Уравнивание признаков совершения деяния «группой лиц по предварительному сговору» и «организованной группой» в рамках одного квалифицированного состава противоречит принципу справедливости.

3. Обосновывается необходимость дифференциации ответственности за организацию незаконной миграции посредством использования в качестве квалифицирующих следующих признаков: «из корыстных побуждений», «в отношении двух и более иностранных граждан и лиц без гражданства», «с использованием служебного положения», «ино-

странного гражданина или лица без гражданства, въезд которым в Российскую Федерацию заведомо для виновного не разрешен по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации», «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть „Интернет“)».

В целях обеспечения плавной дифференциации ответственности за организацию незаконной мигра-

Примечание

* Репрезентативная выборка судебных актов по делам этой категории осуществлялась по данным сайта <http://sudact.ru>.

1. О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее: федер. закон от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 18. Ст. 1684.

2. Михаль О. А., Череминова Н. А. Квалифицирующие признаки организации незаконной миграции // Юридическая техника и практика. 2016. № 4 (38). С. 66—73.

3. Акименко П. А. Анализ предложений по совершенствованию квалифицирующих признаков ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (организация незаконной миграции) // Вестник ТГУ. 2015. № 10. С. 186—192.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

5. Лопашенко Н. А. Пенализация преступлений против собственности: состояние и проблемы // Библиотека криминалиста. 2011. № 1. С. 6—23.

6. Антонов-Романовский Г. В., Литвинов А. А. Преступность мигрантов-иностранцев в России и противодействие ей. Криминологическое исследование. М., 2012. 99 с.

7. Магеррамов М. А. Незаконная миграция: понятие, общественная опасность, уголовно-правовое и криминологическое противодействие (по материалам России и Азербайджана): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 202 с.

ции признаки «организованной группой» и «в отношении двух и более иностранных граждан и лиц, въезд которым в Российскую Федерацию заведомо для виновного не разрешен по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации» целесообразно определить в качестве особо квалифицирующих в ч. 3 статьи.

1. Federal Law No. 26-FZ of 26 April 2004. On ratification of the United Nations Convention against Transnational Organized Crime and its Supplementary Protocol against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air and the Protocol to Prevent, Combat and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children. Collection of legislation of Russian Federation; 2004; 18; 1684.

2. Michal O. A., Chereminova N. A. Qualifying signs of the organization of illegal migration. Legal Technique and Practice. 2016; 38 (4): 66—73.

3. Akimenko P. A. Analysis of proposals for improving the qualifying features of Art. 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (organization of illegal migration). Bulletin of TSU. 2015; 10: 186—192.

4. Federal Law No. 375-FZ of 6 July 2016. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding the establishment of additional counter-terrorism measures and ensuring public safety. Collection of legislation of Russian Federation; 2016; 28; 4559.

5. Lopashenko N. A. Penalization of crimes against property: state and problems. The criminologist library. 2011; 1: 6—23.

6. Antonov-Romanovsky G. V., Litvinov A. A. Crime of foreign migrants in Russia and counteraction to it. Criminological research. Moscow; 2012: 99.

7. Maharramov M. A. Illegal migration: concept, public danger, criminal law and criminological resistance (based on materials from Russia and Azerbaijan). Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2008: 202.

8. Samoylyuk N. V. Criminal law and criminological measures to combat illegal migration (based on materials from the Far Eastern Federal

8. Самойлюк Н. В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия незаконной миграции (по материалам Дальневосточного федерального округа России): дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2013. 198 с.
9. Исхаков А. М. Уголовно-правовые и криминологические аспекты организации незаконной миграции: дис. ... канд. юрид. наук, Казань, 2018. 207 с.
10. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: <http://etalonline.by> (дата обращения: 02.09.2019).
11. Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 02.09.2019).
12. Уголовный закон Республики Молдова. URL: lex.justice.md/ru/331268/ (дата обращения: 02.09.2019).
13. Уголовный кодекс Украины. URL: meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/ (дата обращения: 02.09.2019).
14. Уголовный кодекс Латвийской Республики. URL: www.law.edu.ru/norm/norm.asp?nomID=1243424 (дата обращения: 02.09.2019).
15. Сухарникова А. В. Методика расследования преступлений, совершаемых в сфере организации незаконной миграции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 296 с.
16. Кахбулаева Э. Х. Уголовно-правовые и криминологические аспекты организации незаконной миграции: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. 214 с.
17. Байбурина Э. Р. Организация незаконной миграции: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 208 с.
18. Приговор Фрунзенского районного суда г. Владивостока № 1-341/2018 от 12 ноября 2018 г. по делу № 1-341/2018. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 02.09.2019).
19. Апелляционное постановление Московского городского суда от 18 июня 2014 г. №10-7421/2-14. Доступ с информ.-правового портала «Гарант».
20. U.S. Code. Title 8. Chapter 12. Subchapter II. Part VIII. § 1324a — Bringing in and harboring certain aliens. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/8/1324>. (дата обращения: 02.09.2019).
21. SchwarzArbG URL: https://www.gesetze-im-internet.de/schwarzarbg_2004 (дата обращения: 02.09.2019).
- District of Russia). Dissertation of the candidate of juridical sciences. Khabarovsk; 2013: 198.
9. Iskhakov A. M. Criminally-legal and criminological aspects of the organization of illegal migration. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Kazan; 2018: 207.
10. The Criminal Code of the Republic of Belarus. Available from: <http://etalonline.by>. Accessed: 2 September 2019.
11. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. Available from: online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252. Accessed: 2 September 2019.
12. The Criminal law of the Republic of Moldova. Available from: lex.justice.md/ru/331268. Accessed: 2 September 2019.
13. The Criminal Code of Ukraine. Available from: meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks. Accessed: 2 September 2019.
14. The Criminal Code of the Republic of Latvia. Available from: www.law.edu.ru/norm/norm.asp?nomID=1243424. Accessed: 2 September 2019.
15. Sukharnikova A. V. Century Methods of investigation of crimes committed in the field of organizing illegal migration. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 2010: 296.
16. Kakhbulaeva E. Kh. Criminal law and criminological aspects of the organization of illegal migration. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Rostov on Don; 2011: 214.
17. Bayburina E. R. Organization of illegal migration: criminal law and criminological aspects. Chelyabinsk; 2010: 208.
18. Sentence of the Frunze District Court of Vladivostok No. 1-341 / 2018 of 12 November 2018 in the case No. 1-341 / 2018. Available from: <http://sudact.ru>. Accessed: 2 September 2019.
19. Appeal ruling of the Moscow City Court of 06/18/2014. No. 10-7421 / 2-14. Available from: legal information portal "Garant".
20. U.S. Code Title 8. Chapter 12. Subchapter II. Part VIII. § 1324a — Bringing in and harboring certain aliens. Available from: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/8/1324> Accessed: 2 September 2019.
21. SchwarzArbG Available from: https://www.gesetze-im-internet.de/schwarzarbg_2004. Accessed: 2 September 2019.
22. The Criminal Code of the People's Republic of China. Available from: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk>. Accessed: 2 September 2019.

22. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. URL: <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk> (дата обращения: 02.09.2019).

23. Уголовный кодекс Грузии. URL: <http://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf> (дата обращения: 02.09.2019).

23. The Criminal Code of Georgia. Available from: <http://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/en/pdf>. Accessed: 2 September 2019.

© Urda M. N., 2019

© Урда М. Н., 2019

Урда Маргарита Николаевна,
доцент кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного
университета,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: urda.ru@rambler.ru

Urda Margarita Nikolaevna,
associate professor
at the criminal law department
of the Southwest State University,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: urda.ru@rambler.ru

* * *

М. Т. Аширбекова

**ПРИГОВОР: ПРАВОРЕАЛИЗАЦИОННЫЕ КАЧЕСТВА
И СУЩНОСТНЫЕ СВОЙСТВА**

В статье обосновывается, что выделяемые в науке уголовно-процессуального права внутренние и внешние свойства приговора характеризуются разной правовой природой. Черты приговора, определяемые как внутренние (законность, обоснованность, мотивированность и справедливость), — результат исполнения судом-правоприменителем требований уголовно-процессуального закона и следования нормам уголовного закона. Соответственно, они являют собой правореализационные качества приговора, которыми указанный акт правосудия наделяется судом по итогам рассмотрения и разрешения конкретного уголовного дела. Свойства приговора, именуемые внешними (обязательность, неотменимость, непровержимость, преюдициальность и др.), выступают его сущностными свойствами как правоприменительного акта, участвующего в механизме уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования. Они имманентны, по этой причине их возникновение не зависит от правоприменителя. Обосновывается, что черты, определяемые в настоящей статье как сущностные свойства приговора (а в науке уголовно-процессуального права — как внешние), характеризуют не только его. Они присущи и иным итоговым судебным решениям. Кроме того, законодатель стремится наделить, например, свойством неизменности и выносимое на предварительном расследовании постановление о прекращении уголовного дела, предусмотрев пресекательный срок для его отмены.

Ключевые слова: приговор, законность, обоснованность, неизменность приговора, преюдиция, прекращение уголовного дела.

М. Т. Ashirbekova

**SENTENCE OF THE COURT: THE QUALITY OF APPLICATION OF LAWS
AND THE ESSENTIAL PROPERTIES**

The article substantiates that the internal and external properties of the sentence allocated in the science of criminal procedure law are characterized by different legal nature. Features of the sentence, defined as internal (legality, validity, motivation and justice) are the result of the execution of the court-law enforcement requirements of criminal procedure law and compliance with criminal law. Accordingly, they are the legal qualities of the sentence, which the said act of justice is endowed by the court on the basis of consideration and resolution of a particular criminal case. The properties of the sentence, referred to as external (mandatory, irrevocable, irrefutable, prejudicial, etc.), are its essential properties as a law enforcement act involved in the mechanism of criminal law regulation and the mechanism of criminal procedural regulation. These features are inherent in the sentence and for this reason their occurrence does not depend on the law enforcement officer. It is proved that the features defined in this article as the essential properties of the sentence (and in the science of criminal procedure law – as external), characterize not only the sentence. They are inherent in other final court decisions. In addition, the legislator strives to endow, for example, with the property of immutability and the decision to terminate the criminal case issued at the preliminary investigation, setting a preventive period for its cancellation.

Key words: sentence, legality, validity, immutability of sentence, prejudicial power, termination of the criminal case.

Как известно, приговор является видом решения, в котором формулируется вывод суда первой и (или) второй инстанции о невиновности или виновности подсудимого, назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания (п. 28 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)). Значимость приговора среди иных судебных решений и его же отличие от них законодатель подчеркивает многими нормативными положениями, главным образом нормами главы 39 УПК РФ, устанавливающими порядок постановления приговора, а также требования, которым он должен соответствовать.

В науке уголовно-процессуального права приговор выделяется учеными посредством определения его характеристик, выражаемых в чертах, называемых внутренними и внешними свойствами приговора [1, с. 13]. При этом к первым исследователи единодушно относят законность, обоснованность, мотивированность и справедливость [2]; [3]; [4]. В числе вторых (в нарастающем порядке) указывают законную силу, исключительность, обязательность [1, с. 13], исполнимость [2, с. 81], стабильность [5], неизменность, [4, с. 56], истинность [6, с. 15], преюдициальность [7]. Как видим, спектр таких свойств широк, поскольку некоторые из них, как думается, терминологически по-разному обозначают одно и то же, например, неизменность, неопровержимость, стабильность и неотменимость.

Если по поводу дифференциации свойств приговора на внутренние и внешние в науке уголовно-процессуального права особых разногласий нет, то их наименование и содержание некоторых из них вызывают дискуссии. В частности, отмечается, что при характеристике приговора имеет место смешение понятий «требование» и «свойство» [8]. По мнению М. А. Чайковской, оно беспочвенно. «Свойства — качества, которыми объект уже обладает... требование — это желаемый результат, а свойство — реально существующий» [9, с. 260]. С данной трактовкой нужно согласиться: исполненное требование закона, например, об обоснованности приговора сообщает последнему соответствующее качество — реально обеспеченную обоснованность. Это вытекает из содержания ст. 297 УПК РФ, указывающей, что приговор *должен быть* законным, обоснованным и справедливым и *признается* таким, если отвечает требованиям уголовно-процессуального закона и базируется на правильном применении уголовного за-

кона. Иными словами, требования предъявляются не к приговору (это было бы нелогично), а к правоприменителю, значит, законность, обоснованность и справедливость — результат правореализационной деятельности суда, следующего нормам процессуального и материального закона. По этой причине обретения приговором указанных качеств из-за тех или иных судебных ошибок при рассмотрении и разрешении конкретного уголовного дела может и не случиться.

Однако свойства приговора, называемые внешними (законная сила, исключительность, обязательность, исполнимость, неотменимость, неизменность, истинность, неопровержимость и преюдициальность), вряд ли можно определить как качества, сообщаемые ему правоприменителем. Дело в том, что они проявляют его правовую природу, по нашему мнению, на абстрактном уровне, т. е. как элемента механизма правового регулирования. Данные свойства сущностные, поскольку приговор — правоприменительный акт, участвующий в правовом регулировании на поднормативном уровне [10, с. 319]. Они не обозначаются в законе прямо, а «вычисляются» исходя из того, что приговор как акт правоприменения априори призван доводить уголовно-правовое и уголовно-процессуальное регулирование в спорных случаях до логического конца. Соответственно, внешние свойства приговора позволяют адресовать его, образно говоря, «городу и миру» — всем субъектам права, в том числе на международном уровне. Отсюда — названные группы свойств приговора (внутренние и внешние) имеют разную природу, что вряд ли позволяет говорить о них как об элементах одной классификации. Те, что названы внешними, — сущностные свойства, те же, что сообщаются конкретному приговору в силу требований закона правоприменителем-судом, — правореализационные качества. Однако они находятся в особой системной связи, суть которой требует пояснения.

Не каждый приговор является законным, обоснованным и справедливым. Но такой приговор, если он вступил в законную силу и не был отменен (это все же случается, поскольку обжалование — диспозитивное право сторон), автоматически сохраняет свои имманентные свойства, например, общеобязательность и преюдициальность. В данном случае он порождает скрытое «тектоническое» противоречие, взрывающее суть правосудия и смысл приговора. Он не только не завершает

должным образом уголовно-правовое и уголовно-процессуальное регулирование в конкретной ситуации, но и задает неверные параметры для иных возможных правовых споров, связанных по фактическим обстоятельствам с делом, которое такой приговор якобы разрешил по существу. Другими словами, будет иметь место объективное противоречие между ошибочными правореализационными качествами приговора и сущностными свойствами приговора как правоприменительного акта.

Кроме того, проблемы возникают с перечнем и трактовкой сущностных свойств приговора, поскольку не все они выступают свойствами, характерными только для него. В качестве примера остановим внимание на неизменности (неопровержимости, стабильности). Данная черта основана на том, что суд кассационной и (или) надзорной инстанции может отменить вступивший в законную силу приговор в связи с судебными ошибками только в вопросах права, но не в вопросах факта (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ). Значит, законодатель стремится обеспечить неизменность приговора лишь в части выводов по фактическим обстоятельствам уголовного дела. Однако нормы УПК РФ не исключают пересмотра приговора и собственно уголовного дела по фактическим основаниям, так как суды кассационной и надзорной инстанций вправе вместе с отменой приговора по вопросам права инициировать новое судебное разбирательство судом первой и (или) второй инстанции (ч. 3 ст. 401.14 УПК РФ), что предполагает исследование фактических обстоятельств уголовного дела с необходимым доказыванием, а это само по себе подразумевает корректировку первоначальных выводов по вопросам факта, отраженных в отменном приговоре. Ровно такой же порядок может иметь место при кассационной и надзорной проверке любого иного судебного решения, например, постановления суда первой инстанции о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). В итоге получается, что приговор суда в аспекте его неизменности (неопровержимости, стабильности) немногим отличается от иных судебных решений. В то же время уголовно-процессуальный закон содержит немало инструментов, выборочно нацеленных на обеспечение неизменности приговора. Однако это в большей мере касается условий его отмены по основаниям, ухудшающим положение оправданного или осуж-

денного (правило о запрете поворота к худшему). Например, ст. 401.6 УПК РФ блокирует возможность пересмотра приговора по таким основаниям установлением пресекательного срока, который не должен превышать одного года со дня вступления приговора в законную силу. В итоге по причине чисто процедурных условий, предусматривающих благоприятствование защите, приговор через год с момента вступления в законную силу обретает свойство неизменности (неопровержимости, стабильности) даже в случае его незаконности, необоснованности и несправедливости, если не возникнут новые и вновь открывшиеся обстоятельства как основания для его отмены в порядке норм главы 49 УПК РФ. Иными словами, истечение годичного пресекательного срока (процедурный инструмент) своей силой «гасит» необходимость реакции на обнаруживаемую после этого события фундаментальность нарушения закона, допущенного в ходе производства по уголовному делу.

Установление пресекательного срока как часть правила о запрете поворота к худшему играет свою роль в обеспечении неопровержимости (неизменности, стабильности) в интересах оправданного и осужденного. Это означает, что рассматриваемое качество приговора на деле может проявиться вовне лишь в связи с неактивностью и нерасторопностью стороны обвинения, промедлившей с обжалованием приговора по мотивам, ухудшающим положение осужденного или оправданного, в установленный законом срок. Такую же роль правило о запрете к худшему играет и для сохранения в неопровержимости (неизменности, стабильности) определения, постановления суда о прекращении уголовного дела. Стоит заметить, что подобного рода процедурное обеспечение свойства неопровержимости итогового процессуального решения сейчас распространено не только на приговор и определение (постановление) суда, а также на постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), принятые в досудебном производстве, причем по всем основаниям. Федеральным законом от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ положения ст. 214 УПК РФ были дополнены ч. 1.1, закрепившей пресекательный срок для отмены прокурором постановления о прекращении уголовного дела [11]. В частности, если со дня вынесения следователем или дознавателем постановления о прекращении уголовного

дела истек годичный срок, то прокурор не вправе самостоятельно отменить такое решение. Для этого ему и руководителю следственного органа понадобится согласие суда, к которому им нужно обратиться с соответствующим ходатайством в порядке, установленном новой ст. 214.1 УПК РФ, введенной указанным законом. Примечательно, что в обоснование своего ходатайства названные субъекты должны приводить «конкретные, фактические обстоятельства, в том числе новые сведения, подлежащие дополнительному расследованию» [11], подтверждая их материалами дела.

Изложенное показывает, что процедурное обеспечение неизменности (неопровержимости, стабильности) приговора, пусть даже в плане запрета поворота к худшему, перестало выделять его как в ряду судебных решений, так и среди итоговых процессуальных решений предварительного расследования. Вместе с тем, как видится, законодатель для пересмотра отдельных видов приговора определяет специальные условия, обеспечивающие их неизменность (неопровержимость, стабильности) в части выводов по фактическим обстоятельствам вмененного обвинения. Так, ст. 317 УПК РФ гласит, что приговор, постановленный по результатам особого (сокращенного) судебного разбирательства, не может быть обжалован и, следовательно, пересмотрен в связи с вопросами факта — несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции. По этому же основанию законодатель не допускает отмены или изменения приговора, постановленного с участием коллегии присяжных заседателей (ст. 389. 27 УПК РФ). Иначе говоря, действует презумпция обоснованности подобных приговоров в части выводов по вопросам факта.

Таким образом, неизменность (неопровержимость, стабильность) приговора выражается в законе дискретно, неравномерно. Исходя из этого она не может быть отнесена к числу сущностных, а следовательно, устойчивых свойств.

Свойство неизменности (неопровержимости, стабильности) приговора по определению должно быть связано с его преюдициальностью, которая по смыслу ст. 90 УПК РФ означает, что фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, обоснованы, поэтому признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки, хотя

и не могут предрешать виновности лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле. Именно неопровержимость и неизменность выводов суда, сформулированных в приговоре по вопросам факта, предопределяет смысл преюдициции. Однако преюдициальность присуща не всем приговорам, а только тем, которые постановлены в результате непосредственного доказывания в суде обстоятельств вмененного подсудимому обвинения, т. е. в ординарном (несокращенном) порядке судебного разбирательства [12, с. 75, 78]. Получается, что обеспечиваемая законодателем неизменяемость приговоров, постановленных в особом (сокращенном) судебном разбирательстве, посредством запрета обжалования их по вопросам факта никак не коррелирует с преюдициальностью. Такой запрет имеет иной смысл — обеспечение упрощения процессуальной формы и благоприятствование защите.

Отказывают положения ст. 90 УПК РФ в преюдициальности и иным судебным решениям, в том числе о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). В связи с этим обратим внимание на то, что в арбитражном и гражданском процессе до настоящего времени признавалась обязательность только приговора, означающая его преюдициальную силу при рассмотрении того или иного гражданско-правового спора. Однако Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ для указанных видов цивилистического процесса дополнительно устанавливает обязательность и иных постановлений суда по уголовному делу [13]. Таким образом, для цивилистических процессов обязательны и приговор, и иные судебные решения по уголовному делу, если фактические обстоятельства связаны с обстоятельствами гражданско-правового спора. Для уголовного процесса, как уже отмечалось, преюдициальной силой наделяется только приговор (постановленный в ординарном порядке), но не иные судебные решения, постановленные судом. Думается, что такого рода отраслевые различия оправданы. В противном случае для уголовного процесса особость приговора как акта правосудия была бы безвозвратно размыта.

В завершение отметим, что и для приговора суда, постановленного в общем порядке судебного разбирательства, и для приговора суда, постановленного в особом (сокращенном) порядке, законодатель определяет условия, которые не дают воз-

возможности утверждать, что все выделяемые в науке сущностные свойства приговора (внешние свойства) в правовой ткани коррелируют между собой и тем самым выделяют его в ряду иных судебных решений. Это рельефно выражается в том, что

1. Грошевой Ю. М. Правовые свойства приговора — акта социалистического правосудия: учеб. пособие. Харьков, 1978. 60 с.

2. Бибилло В. Н. Свойства судебного приговора как проявление легитимации правосудия // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2017. № 3. С. 75—82.

3. Бунина А. В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 26 с.

4. Попова И. П. Свойства обвинительного приговора в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 1 (7). С. 50—60.

5. Свиридов М. К. Обеспечение стабильности приговора // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 139—142.

6. Суханова Н. Н. Постановление оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 24 с.

7. Фидельский С. В. Преюдициальность как свойство вступившего в законную силу приговора // Общественные науки. 2011. № 6. С. 256—259.

8. Коровина О. В. Свойства приговора суда и предъявлений в уголовном судопроизводстве (к вопросу о соотношении понятий) // Наука, общество, образование: материалы всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Е. В. Барашевой. Иркутск, 2018. С. 57—59.

9. Чайковская М. А. Характеристика приговора: свойства или требования? // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 256—262.

10. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2-х т. М., 1982. Т. 1. 359 с.

11. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ // Рос. газ. 2018. 14 нояб.

законодатель, оберегая неизменность фактической основы приговора, постановленного в особом (сокращенном) порядке судебного разбирательства, в то же время лишает его свойства преюдициальности.

1. Groshevoy Yu. M. Legal properties of a sentence an act of socialist justice. Tutorial. Kharkov; 1978: 60.

2. Bibilo V. N. Properties of a court sentence as a manifestation of the legitimation of justice. Journal of the Belarusian State University. Right. 2017; 3: 75—82.

3. Bunina A. V. The verdict of the court as an act of justice. Its properties. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Chelyabinsk; 2005: 26.

4. Popova I. P. Properties of a guilty verdict in Russian criminal proceedings. Siberian criminal procedure and forensic readings. 2015; 7 (1): 50—60.

5. Sviridov M. K. Ensuring the stability of the sentence. Bulletin of Tomsk State University. 2012; 357: 139—142.

6. Sukhanova N. N. The decision of the acquittal in the Russian criminal proceedings. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Irkutsk; 2008: 24.

7. Fidelsky S. V. Prejudice as a property of a final sentence. Social Sciences. 2011; 6: 256—259.

8. Korovina O. V. Properties of a court sentence and presentations in criminal proceedings (on the question of the correlation of concepts). In: Science, Society, Education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Under the general ed. E. V. Barasheva. Irkutsk; 2018: 57—59.

9. Tchaikovsky M. A. Sentence Description: Properties or Requirements? Actual problems of Russian law. 2012; 1: 256—262.

10. Alekseev S. S. General theory of law: in 2 volumes. Moscow; 1982; 1: 359.

11. Federal Law No. 411-FZ of 12 November 2018. On amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Rossiyskaya gazeta; 2018; 14th November.

12. Ashirbekova M. T., Kudin F. M. Sentence as an act of justice. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia. 2017; 3: 70—75.

12. Аширбекова М. Т., Кудин Ф. М. Приговор как акт правосудия // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 3. С. 70—75.

13. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ // Рос. газ. 2018. 4 дек.

© Аширбекова М. Т., 2019

Аширбекова Мадина Таукеновна,
профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: madina.55@mail.ru

13. Federal law No. 451-FZ of 28 November 2018. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation. Rossiyskaya gazeta; 2018; 4th December.

© Ashirbekova M. T., 2019

Ashirbekova Madina Taukenovna,
professor at the department
of criminal process and criminalistics
of the Volgograd institute of management
of the Russian Presidential academy
of the national economy
and public administration,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: madina.55@mail.ru

* * *

О. Б. Дронова, Р. А. Мерзликин

**ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ**

В статье рассматриваются возможности формирования типовых и конкретных информационных моделей преступлений в сфере незаконного оборота потребительских товаров на основе выявления, систематизации и сопоставления условно-однозначных и вероятностно-статистических зависимостей, устанавливаемых в процессе аналитической обработки комплекса ключевых источников исходных данных.

Использование современного арсенала программно-аппаратных средств и логико-аналитических методов в процессе обработки данных, содержащихся в ключевых источниках криминалистически значимых сведений, позволяет структурировать имеющиеся исходные данные, производить анализ причинно-следственных и иных связей между элементами преступного события, формировать обоснованные предположения о нем и определять методику, которая может быть применена для раскрытия и расследования.

Ключевые слова: информационная модель, незаконный оборот потребительских товаров, источники информации, криминалистически значимые сведения.

О. В. Dronova, R. A. Merzlikin

**SOURCES OF FORMATION OF THE INFORMATION MODEL OF CRIMES
ASSOCIATED WITH ILLEGAL TRAFFICKING OF CONSUMER GOODS**

The article discusses the possibility of forming typical and specific information models of crimes in the sphere of illicit trafficking in consumer goods, based on identifying, systematizing and comparing conditionally unambiguous and probabilistic-statistical dependencies established in the process of analytical processing of a set of key sources of source data.

The use of a modern arsenal of software and hardware and logical-analytical methods in the processing of data contained in key sources of forensically relevant information allows you to structure the available source data, analyze cause-effect and other relationships between elements of a criminal event, form reasonable assumptions about the event and determine the methodology that can be used to solve and investigate a crime.

Key words: information model, illegal circulation of consumer goods, sources of information, forensic information.

В криминалистических исследованиях неоднократно анализировался вопрос соотношения понятий информационной модели и криминалистической характеристики преступлений. В рамках научных дискуссий предлагались различные аргументированные подходы:

— где установлен приоритет одного и дается критическая оценка другому [1, с. 16—22];

— понятия рассматривались в качестве синонимичных [2, с. 66—73]; [3]; [4];

— понятия разграничивались как взаимозависимые и взаимодополняемые [5].

Приведенные точки зрения на соотношение терминов демонстрируют различие в подходах и методических требованиях к формированию

комплексной системы инструментов криминалистической методологии.

Анализируя познавательную природу изучаемых понятий, а также их функциональную сущность и практическое предназначение, полагаем, что разногласия возникли в связи с тем, что в рамках фундаментальных и прикладных исследований использовались различные типы информационных моделей, дифференцируемых по целям создания, сферам применения и источникам формирования. При этом могут быть выделены:

1) типовые (абстрактные, описательные) информационные модели [6, с. 11—12]; [7, с. 141—168], обеспечивающие получение комплексной системы описаний криминалистически значимых признаков

рода или вида преступлений. Данная категория формирует представление о преступлениях рассматриваемой группы, специфических характеристиках субъекта преступления, механизмах реализации противоправной деятельности, ситуационно-средовой обстановке совершения преступления и иных обстоятельствах, отражающих их закономерные взаимосвязи. Типовая информационная модель, обобщая в процессе аналитической деятельности эмпирическую практику расследования, может рассматриваться в качестве системно-информационной основы криминалистической методики и способствовать построению типовых версий и формированию методики расследования конкретного преступления;

2) конкретные (динамические, вероятностные) информационные модели преступлений, включающие основные структурные элементы, составляющие уголовно-релевантное событие, рассматриваемое как преступное, предполагают необходимость установления функционального и деятельностного предназначения каждого из них и сопровождающиеся выявлением и фиксацией систем их взаимосвязей. При этом могут быть задействованы сведения о ключевых (наиболее характерных) единицах анализа преступной деятельности, составляющих операционную основу выборки данных, которым сопутствует установление системы индивидуальных (парных) и общих зависимостей.

Рассмотренные типы информационных моделей позволяют рассматривать криминалистическую характеристику в качестве элемента информационной модели. Совокупность данных, полученных в ходе информационно-познавательных и поисково-аналитических видов деятельности, осуществляемых субъектами выявления и расследования преступлений, дает возможность выделить структурные элементы криминалистической, оперативно-разыскной, уголовно-правовой, криминологической характеристик, дифференцируемых по целям, содержанию и объему полученных данных, обусловленных их назначением [8, с. 134—135], которые с учетом изучения и анализа существующих статистических закономерностей системы преступной деятельности комплексно формируют информационную модель преступления.

Функциональное предназначение информационной модели преступления рассматривается в научных исследованиях как «инструмент формирования криминалистической методики расследования» [9, с. 170]; «основа формирования следственных версий в процессе трансформации абстрактного

объема разрозненной информации к конкретной совокупности данных, на основе которых формируется суждение, о доказанности состава преступления» [10, с. 36—42], «средства исследования обстоятельств уголовного дела» [11, с. 128—135], «результат отражения фактических данных и построенных на них предположений» [12, с. 608—631]. В общем можно говорить об операциональном значении информационной модели расследуемого преступления как формы реализации криминалистических целей расследования, выступающей в качестве функционального средства структурирования имеющихся исходных данных, анализа причинно-следственных и иных связей между элементами преступного события. Их использование позволяет сформировать обоснованные предположения о произошедшем событии и определить методику для раскрытия и расследования преступления.

К числу ключевых источников формирования информационной модели преступления, подлежащих аналитической обработке посредством современного арсенала программно-аппаратных средств и логико-аналитических методов, могут быть отнесены:

— комплексы фактографической и материально-фиксированной информации, отражающей событие совершения преступления через отображение вещественной (предметной), документальной и образной следовых картин;

— результаты аналитической обработки динамических пространственно-временных данных ведомственных систем объективного контроля, полученных с использованием информационных и телекоммуникационных систем как со стационарных объектов размещения (сетевые территориальные системы видеофиксации «Безопасный город», частные комплексы охранно-контрольного предназначения), так и с GPS-трекеров, размещенных на объектах оперативной заинтересованности;

— архивные сведения, содержащие комплексы зафиксированных показателей систем контрольных точек производственных процессов, информационных банков электронной сертификации подучетной продукции («Меркурий»), автоматизированных информационных систем контроля объема производства, нахождения в обороте маркированных товаров (ЕГАИС, «Проверка маркировки товаров»), систем логистического отслеживания транспорта и груза («МЕГАЛОГИСТ», «ГРУЗОПЕРЕВОЗКИ» и т. д.), мобильных приложений, объединяющих сведения о размещении легальных точек реализации продукции («АНТИКОНТРАФАКТ АЛКО», «Биз-

нес-Навигатор МСП», «Антифальсификат» и т. д.), информационных порталов, содержащих результаты проверки продукции конкретных производителей на предмет соблюдения технических требований и соответствия заявленным показателям (Росконтроль, Роскачество);

— данные мониторинга информации, размещенной в сети «Интернет», позволяющей получить сведения о субъекте совершения преступления с использованием возможностей социальных сетей, а также составить представление о предмете, механизме и способе совершения противоправного деяния, масштабе незаконной экономической деятельности и ориентировочной оценке причиненного ущерба, которые могут быть установлены, в том числе, на основе анализа данных рекламно-информационного сегмента (как крупные поисковые каталоги частных объявлений «Авито», «Юла», так и индивидуальные страницы компаний-продавцов);

— сведения о ранее совершенных преступлениях и лицах, к ним причастных, об используемом ими оборудовании, о технических и транспортных средствах, похищенных и изъятых документах, которые могут быть получены субъектами выявления и расследования преступлений в процессе проверки по интегрированным банкам данных федерального и регионального уровней, автоматизированным информационно-поисковым системам и автоматизированным банкам данных, содержащим информационно-справочные и учетно-регистрационные массивы оперативно-справочных, криминалистических, розыскных и экспертно-криминалистических учетов;

— данные, установочного, объектового и линейного характера, полученные посредством проблемно-ориентированных поисковых и интегрированных автоматизированных информационно-поисковых систем, а также информационных ресурсов, содержащих открытые и закрытые сведения;

— визуализированные модели, воссоздающие обстановку совершения преступлений, динамичный механизм реализации отдельных этапов противоправного деяния («3D Свидетель», «Crime Decoder v. 0.1»), а также условные аналоги изучаемых объектов, рассчитываемые с учетом данных статистик и значения условных вероятностей поисковых признаков преступника, формирующие в комплексе типовые и конкретизированные версии посредством использования программно-аппаратных комплексов («ФОРВЕР») [13, с. 242—246] и т. д.

Полученные данные позволяют произвести развернутый анализ ситуационно-средовой об-

становки выявленного противоправного деяния, оценить следовые и поведенческие модели деятельности, связанные с подготовкой, совершением и сокрытием преступления, а также изучить иные структурные элементы (территориальные и логистические особенности, периоды, коммуникационные аспекты взаимосвязей участников, механизмы отображений технической, экономической, субстанциональной, и иной информации, являющейся закономерной для конкретного вида преступления), информационно связанные с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, и являющиеся наиболее характерными для данного вида расследуемого события [14, с. 22].

Специфика формирования информационной модели незаконного оборота потребительских товаров заключается в необходимости сопоставления ее комплексной системы и отдельных элементов со структурой «идеальной системы» функционирования легитимного товарооборота, предусмотренной международным и российским законодательством, а также межгосударственными и национальными нормативно-техническими требованиями. При этом в легитимной структуре можно выделить модели самого потребительского товара (его внешнего вида, структуры, содержания, функциональных и иных значимых характеристик, индивидуальной и транспортной упаковки, средств индивидуализации, защиты, учета и т. д.), модели последовательного алгоритма формирования комплектов сопроводительно-разрешительной документации, предусмотренной для данного объекта товарооборота, модели прослеживаемости отдельных этапов жизненного цикла товара. Кроме того, при построении легитимной информационной модели должен быть учтен объем и структура легальных рынков определенных товаров, динамика и основные тенденции их развития (соотношение взаимозависимых данных: рост акцизов, увеличение средних потребительских цен, действия основных поставщиков товаров, изменение легальных объемов продаж). Это позволяет выявить этапы и условия формирования структурных и функциональных изменений сущности объекта товарооборота и механизма трансформации надлежащей экономической деятельности в преступную.

Проведенный в рамках исследования анализ уголовных дел и данных статистической отчетности Главного информационно-аналитического центра МВД России 2017—2018 гг., обзоров практик судебных и надзорных инстанций, аналитических данных национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» показал,

что построение информационных моделей преступлений, связанных с незаконным оборотом потребительских товаров, имеющих ряд общих элементов, предусматривает необходимость изучения, сопоставления и анализа:

- криминалистически значимых сведений о предмете преступного посягательства (система свойств, источники и способы получения, формы поступления и присутствия в обороте);
- характеристик отдельных этапов совершения преступления и их содержания;
- сведений об обстановке совершения преступления (вещной обстановке, способов и условий производства, логистики реализации, временных характеристик противоправного деяния);
- характеристик способов и средств, используемых в процессе совершения преступления;
- обобщенных данных, характеризующих субъектов преступной деятельности;
- характеристик ущерба, причиненного производством и поступлением товаров, не соответствующих установленным требованиям, в оборот и иные обстоятельства.

Каждый элемент конкретной информационной модели находится в прямой зависимости с причинной обусловленностью совершенного преступления. В случаях выявления производства и реализации товаров, не соответствующих установленным требованиям, необходимо найти связи и зависимости в социальной системе общества, детерминирующие условия, при которых возникают обстоятельства возникновения и распространения такой продукции.

Совокупность выделенных элементов дает возможность продемонстрировать частоту встречаемости корреляционных связей, существенных для расследования. При этом анализ и сопоставление устойчивых условно-однозначных и вероятно-статистических зависимостей [15], встречающихся в ключевых источниках исходных данных, позволяют определиться с выбором технических, тактических и методических средств поиска необходимой криминалистически значимой информации и доказательств.

1. Бахин В. П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики. 2000. Вып. 1.
2. Лаврухин С. В. Значение криминалистических характеристик преступлений // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 1 (29).
3. Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск, 2001.
4. Криминалистика: учебник: в 2-х т. / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. М., 2014. Т. 1.
5. Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: моногр. / под ред. Н. П. Яблокова. Калининград, 1997.
6. Типовые модели и алгоритмы криминалистического исследования / под ред. В. Я. Колдина. М., 1989.
7. Ищенко Е. П. Алгоритмизация первоначального этапа расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1989.
8. Мальхина Н. И. Криминалистическая характеристика преступления и информационная модель преступления: соотношение понятий // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. Вып. 3 (45).
9. Давыдов В. О. Информационная модель преступления как инструмент формирования криминалистической методики расследования (на примере исследования статистических зави-

1. Bakhin V. P. Forensic characteristics of crimes as an element of the investigation. Bulletin of forensic. 2000: 1.
2. Lavrukhin S. V. The value of the forensic characteristics of crimes. Bulletin of forensics. 2009; 29 (1).
3. Ermolovich V. F. Forensic characteristics of crimes. Minsk; 2001.
4. Forensics. Textbook. In 2 volumes. Under total. ed. A.I. Bastrykin. Moscow; 2014; 1.
5. Volcheckaya T. S. Forensic Situality. Monograph. Ed. by N. P. Yablokov. Kaliningrad; 1997.
6. Typical models and algorithms of forensic research. Ed. by V. Ya. Koldin. Moscow; 1989.
7. Ishchenko E. P. Algorithmization of the initial stage of the investigation of crimes. Dissertation of doctor of juridical sciences. Sverdlovsk; 1989.
8. Malykhina N. I. The forensic characteristics of a crime and the information model of a crime: correlation of concepts. Jurisprudence and law enforcement practice. 2015; 45 (3).
9. Davydov V. O. The information model of the crime as a tool for the formation of the criminalistic investigation methodology (by the example of the study of statistical dependencies between elements of extremist crimes). Bulletin of Tula State University. 2012; 1: 169—176.

симостей между элементами преступлений экстремистской направленности) // Известия Тульского государственного университета. 2012. № 1. С. 169—176.

10. Могутин Р. И. Метод формирования информационной модели преступления (криминалистической характеристики) на основе единой базы данных. // Вестник криминалистики. 2006. Вып. 2 (18).

11. Баянов А. И. Понятие вероятностно-информационной модели расследуемого события // Проблемы уголовного процесса и криминалистики: сб. науч. статей / под ред. Д. С. Карева. М., 1976. С. 128—135.

12. Крестовников О. А. Криминалистическое исследование материальной обстановки и механизма расследуемого события // Криминалистика: информационные технологии доказывания. М., 2007.

13. Толстолицкий В. Ю., Казарян К. С. Использование компьютерной программы «ФОРВЕР» в процессе взаимодействия следователя и сотрудников органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2 (13).

14. Колдин В. Я., Ищенко Е. П., Крестовников О. А. Типовая информационная модель или криминалистическая характеристика преступления? // Академический юридический журнал. 2006. № 4.

15. Видонов Л. Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев. Горький, 1978.

10. Mogutin R. I. The method of forming an information model of crime (forensic characteristics) based on a single database. Bulletin of forensics. 2006; 18 (2).

11. Bayanov A. I. The concept of a probabilistic information model of the investigated event. In: Problems of the criminal process and forensics: collection of scientific articles. Ed. by D. S. Kareev. Moscow; 1976; 128—135.

12. Krestovnikov O. A. Forensic investigation of the material situation and the mechanism of the event under investigation. Forensics: information technology evidence. Moscow; 2007.

13. Tolstolitskiy V. Yu., Kazaryan K. S. Using the computer software "FORVER" in the process of interaction between the investigator and the employees of the body engaged in operational-search activities // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010; 13 (2).

14. Koldin V. Ya., Ishchenko E. P., Krestovnikov O. A. Typical information model or forensic characteristics of a crime? Academic Law Journal. 2006; 4.

15. Vidonov L. G. The criminalistic characteristics of the killings and the system of typical versions of the persons who committed the murder without eyewitnesses. Gorky; 1978.

© Dronova O. B., Merzlikin R. A., 2019

© Дронова О. Б., Мерзликин Р. А., 2019

Дронова Ольга Борисовна,
профессор кафедры
криминалистической техники
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: dronovao1@rambler.ru

Мерзликин Роман Александрович,
начальник кафедры огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России;
8-937-532-91-09

Dronova Olga Borisovna,
professor at the department
of criminalistic techniques
of the training and scientific complex
of expert criminalistic activities
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: dronovao1@rambler.ru

Merzlikin Roman Alexandrovich,
head at the department of fire training
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
8-937-532-91-09

* * *

С. Г. Еремин, А. А. Кондуков, В. С. Хоршева

**СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) ЗАКУПОК.
ОСОБЕННОСТИ ОБЫСКА И ВЫЕМКИ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ**

В статье раскрывается сущность криминалистической характеристики преступления, называются имена авторов, которые первыми пришли к выводу о необходимости ее использования. Приведен перечень и содержание элементов криминалистической характеристики преступлений, совершаемых в сфере государственных и муниципальных закупок, куда включены: способ совершения и сокрытия преступления; обстановка преступления (место, время); данные о личности преступника; типичные следы — признаки преступления и вероятные места их обнаружения; предмет преступного посягательства; орудия и средства совершения преступления. Возможно, предложенный перечень вызовет некоторые споры по причине смешения элементов криминалистического значения с категориями уголовного и уголовно-процессуального права, однако, по мнению авторов статьи, иным способом невозможно эффективно связать воедино требования закона, положения криминалистики и практические действия оперативных сотрудников и следователей.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступления, государственные и муниципальные закупки, сущность, содержание, элементы криминалистической характеристики.

S. G. Eremin, A.A. Kondukov, V. S. Khorsheva

**THE ESSENCE AND CONTENT OF SOME ELEMENTS
OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED
IN THE FIELD OF STATE (MUNICIPAL) PROCUREMENT.
FEATURES OF THE SEARCH AND SEIZURE AT THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION**

The article reveals the essence of the criminalistic characteristics of the crime, the names of the authors who are the first to conclude that it is necessary to be used are called. The list and content of the elements, the forensic characteristics of crimes committed in the field of state and municipal procurement, which include: the method of committing and concealing the crime; crime situation (place, time); information about the identity of the offender; typical traces — signs of a crime and probable places of their detection; subject of criminal assault; tools and means of committing a crime. Perhaps the proposed list will cause some controversy due to the mixing of elements of criminalistic significance with the categories of criminal and criminal procedure law, however, according to the authors of the article, it is not possible in another way to effectively combine the requirements of the law, the provisions of forensic science and the practical actions of operational officers and investigators.

Key words: forensic characteristics of a crime, state and municipal procurement, essence, content, elements of forensic characteristics.

Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1], принятый Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 22 апреля 2013 г., направлен на упорядочение

отношений в указанной сфере, призван с помощью информационных технологий сделать процесс закупок более прозрачным для стороннего наблюдателя. Однако статистика свидетельствует о том, что после принятия названного нормативного акта количество административных правонарушений

и преступлений в данной отрасли с каждым годом увеличивается. Таким образом, назрела потребность в повышении качества работы правоохранительных органов в части выявления, раскрытия и расследования соответствующих преступлений. Для этого на основе общих положений криминалистики, следственной и судебной практики необходимо разработать комплекс научно-практических рекомендаций по расследованию преступлений указанного вида (частной криминалистической методики — системы научно обоснованных рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращению отдельных видов преступлений [2, с. 680]).

Разработка любой частной методики по расследованию преступлений опирается на конкретный массив практической информации, выделенный из общей массы посредством обобщения и анализа по специально разработанной системе, что представляется оправданным и логичным. В криминалистической науке описание этого базиса представляет собой такую научную криминалистическую категорию, как криминалистическая характеристика преступления. В результате изучения ряда диссертационных исследований, посвященных методике раскрытия и расследования преступлений различных видов, можно уверенно утверждать, что большая часть из них включает в себя описание научных подходов к содержанию рассматриваемого понятия. Считается, что первыми учеными, пришедшими к выводу о необходимости использования криминалистической характеристики преступления и сформулировавшими ее понятие, были Р. С. Белкин, Л. А. Сергеев и А. Н. Колесниченко. Так, в 1966 г. Л. А. Сергеев определил ее как «...обстоятельства, характеризующие преступление, и взаимосвязи между их группами» [3, с. 24]. Под содержанием криминалистической характеристики преступлений ученый понимал «...особенности способов и следов соответствующих видов преступлений, обстоятельства, характеризующие участников преступлений и их преступные связи, объективную сторону, время, место и обстановку совершения преступлений, объект посягательств и прочее, а также взаимосвязь указанных факторов» [5, с. 137].

В 1967 г. А. Н. Колесниченко написал, что наиболее существенным положением для всех частных методик является «...общая криминалистическая характеристика преступления», а «преступления имеют общие черты криминалистического характера». Он считал, что элементами криминалистической характеристики преступлений выступают:

«...предмет преступного посягательства, способ совершения преступления, следы происшествия, особенности личности субъекта преступления, а также классификация преступлений [4, с. 10—14].

Вклад названных ученых в развитие общей теории криминалистики и криминалистической методики сложно переоценить. Независимо друг от друга ими было установлено, что преступления одного вида имеют общие черты, которые к тому же связаны между собой и способны оказать практическую помощь в раскрытии и расследовании преступлений.

В дальнейшем многие авторы давали различные определения криминалистической характеристике. Некоторые представляли ее как «...идеальную модель типичных связей и источников доказательственной информации» [6 с. 688]. Другие видели в ней «...систему данных о преступлении, способствующих раскрытию и расследованию» [7, с. 366]. Третьи полагали, что она есть «...закономерно повторяющиеся признаки преступления, характеризующие его основные стороны, изучение которых используется для достижения задач расследования в рамках уголовного судопроизводства» [8, с. 46], и включали в нее в зависимости от этого те или иные элементы.

Однако не только толкование, но и само наименование категории «криминалистическая характеристика преступлений» с течением времени претерпело изменения, что было вызвано толкованием предмета криминалистики как закономерностей механизма преступления. Сегодня рассматриваемая категория называется «криминалистическая характеристика механизма преступления» [9, с. 60]. На наш взгляд, перечень ее элементов должен быть обусловлен предметом доказывания, которым в любом уголовном деле будет состав преступления, который согласно ст. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) является единственным основанием уголовной ответственности. В связи с этим было бы правильным включать в криминалистическую характеристику механизма преступления сведения, способные помочь следователю установить все признаки состава преступления, указывающие ему на места нахождения доказательств. Лишь обличив криминалистическую характеристику в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, следователь может получить доказательства по уголовному делу.

Полагаем, в криминалистическую характеристику необходимо включить: а) способ совершения и сокрытия преступления; б) обстановку пре-

ступления (место, время); в) данные о личности преступника; г) типичные следы — признаки преступления и вероятные места их нахождения; д) предмет преступного посягательства; е) орудия и средства совершения преступления. Мы намеренно не назвали здесь сведений о потерпевшем, поскольку данный элемент характерен только для материальных составов преступлений, в том числе совершенных в сфере государственных и муниципальных закупок. В таком преступлении потерпевшим будет государство либо орган местного самоуправления, признание же их потерпевшими в каждом конкретном случае зависит от региональной правоприменительной практики.

Возможно, предложенный перечень элементов криминалистической характеристики вызовет некоторые споры по причине смешения элементов криминалистического значения с категориями уголовного и уголовно-процессуального права, но иным способом, по нашему мнению, невозможно эффективно связать воедино требования закона, положения криминалистики и практические действия следователя.

Указанные элементы криминалистической характеристики принципиально не отличаются от элементов криминалистической характеристики механизма подавляющего большинства предусмотренных УК РФ преступлений, однако если речь идет о преступлениях, совершаемых в сфере государственных и муниципальных закупок, отличие кроется именно в их содержании.

Прежде чем рассматривать отдельные элементы криминалистической характеристики механизма преступлений в сфере государственных закупок, необходимо разделить такие уголовно наказуемые деяния на две условные группы: а) совершаемые заказчиком закупки; б) совершаемые исполнителем закупки.

При более детальном рассмотрении первых можно заметить, что их большинство предусмотрено в главе 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Преступления, совершенные заказчиками закупки, как правило, подпадают под ст. 200.4 УК РФ «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд»; ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями», ст. 285.1 УК РФ «Нецелевое расходование бюджетных средств», ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий», ст. 292 УК РФ «Служебный подлог», ст. 293 УК РФ «Халатность».

Преступления второй группы более разнообразны и находят отражение сразу в трех главах УК РФ, которые объединены законодателем в раздел VIII «Преступления в сфере экономики». К перечню таких преступлений относятся: ст. 159 УК РФ «Мошенничество»; ст. 160 УК РФ «Присвоение или растрата»; ст. 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием»; ст. 200.5 УК РФ «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок»; ст. 201 УК РФ «Злоупотребление полномочиями»; ст. 304 УК РФ «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд».

Теперь рассмотрим содержание выделенных нами ранее элементов криминалистической характеристики механизма преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок. Поскольку заказчиком по договору о государственной закупке в конечном счете является государство, то и преступления, которые совершаются лицами, выступающими от имени заказчика, будут являться должностными. Это объясняет тот факт, что для них характерно наличие высшего образования чаще всего в области экономики или менеджмента, компьютерных технологий и др. Большинство из преступников в силу своего должностного положения обладают разнообразными устойчивыми социальными связями, в том числе с представителями различных государственных органов. Что касается преступлений, совершаемых исполнителем закупки, то здесь виновные также часто осуществляют руководство коммерческими организациями, следовательно, имеют не должностные, а служебные полномочия. По данным статистики среди лиц, совершающих указанные преступления, как с одной, так и с другой стороны преобладают лица мужского пола в возрасте от 25 лет и старше.

Среди типичных психологических особенностей личности преступника, если речь идет о материальных составах преступлений, можно выделить: стремление к незаконному обогащению, корысть. В случае формальных составов преобладают завышенная самооценка, желание самоутвердиться любым путем.

При рассмотрении такого элемента криминалистической характеристики, как время совершения преступления, стоит заметить, что в силу продолжительного характера самого процесса государственных закупок, невозможно назвать его конкретно,

поэтому на практике указывают период от подготовки к преступлению до его совершения.

Местом совершения должностных преступлений нужно считать рабочее место подозреваемого лица, поскольку должностное преступление подразумевает использование виновным полномочий, присущих ему в связи с занимаемой должностью. При совершении преступлений лицом со стороны исполнителя местом совершения преступления является как юридический адрес фирмы — участницы государственной закупки, так и место непосредственного исполнения государственного контракта.

Обобщив вышеизложенное, укажем типичные следы — признаки рассматриваемых преступлений и места их нахождения. Так, в целях изъятия документов, подтверждающих должностное или служебное положение лица, совершившего преступление, обязательно надлежит проводить обыск на рабочем месте подозреваемого (при этом не стоит ограничиваться непосредственно рабочим местом). Кроме того, необходимо незамедлительно провести выемку кадровой и бухгалтерской документации, нормативных документов, обосновывающих выделение бюджетных средств, содержащих сведения об источнике финансирования, а также отражающих процесс подготовки и проведения конкурсных процедур, чтобы исключить возможность уничтожения и сокрытия следов преступления. Вместе с тем в ходе обыска и выемки нужно изымать документы, подтверждающие полномочия лиц, ответственных за организа-

цию процедуры закупки, подтверждающие статус и полномочия участников, подавших конкурсные заявки, а также учредительные документы организации — исполнителя контракта.

С учетом того что подозреваемые часто могут скрывать относящиеся к преступной деятельности бухгалтерские, кадровые и иные документы по месту своего жительства, следует произвести обыски в местах их проживания, иных помещениях (дачах, гаражах и т. п.). Изъятию в целях дальнейшего анализа и оценки с точки зрения относимости к исследуемому событию также подлежат блокноты, деловые книжки, персональные компьютеры, флеш-карты и пр.

Таким образом, мы предприняли попытку рассмотрения некоторых наиболее важных элементов криминалистической характеристики, подчеркнули ее значимость именно как источника доказательственной информации, а не доказательств особенно на первоначальных этапах расследования. В условиях дефицита исходной информации правильная криминалистическая характеристика механизма преступления позволит следователю оценить сложившуюся следственную ситуацию, выдвинуть версии, наметить оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия по их проверке, определить общее направление расследования преступлений, совершаемых в сфере государственных (муниципальных) закупок на территории России.

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова [и др.]. М., 1999.

3. Сергеев Л. А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1966,

4. Колесниченко А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967.

5. Сущность и значение криминалистических характеристик преступлений. Руководство для следователей. М.: Юрид лит-ра, 1971.

1. The Federal Law No. 44-FZ of 4 April 2013. On the contract system in the field of procurement of goods, work, services to meet state and municipal needs. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Averyanova T. V., Belkin R. S., Korukhov Yu. G et al. Forensics. Textbook. Moscow; 1999.

3. Sergeev L. A. Investigation and prevention of theft committed in the course of construction work. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Moscow; 1966.

4. Kolesnichenko A. N. Scientific and legal basis for the investigation of certain types of crimes. Abstract of dissertation of the doctor of juridical sciences. Kharkov, 1967.

5. The essence and significance of the criminalistic characteristics of crimes. Guide for investigators. Moscow; 1971.

6. Концептуальные положения криминалистической методики / Т. В. Аверьянова [и др.] // Криминалистика: учебник / под ред. Р. С. Белкина. М., 1999.

7. Криминалистика: учебник / под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. М.: Юрид лит., 1984.

8. Павликов С. Г. К вопросу о значении теории криминалистической характеристики преступлений // Российский судья. 2012. № 10.

9. Чурилов С. Н. Криминалистические характеристики как научно-эмпирическая основа частных методик расследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2.

© Еремин С. Г., Кондуков А. А.,
Хоршева В. С., 2019

Еремин Сергей Германович,

профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
e-mail: sg-eremin@mail.ru

Кондуков Андрей Александрович,

следователь следственной части
Следственного управления МВД России
по г. Ростову-на-Дону;
e-mail: kondykov86@mail.ru

Хоршева Валентина Сергеевна,

доцент кафедры
предварительного расследования
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: Valya3107@bk.ru

6. Conceptual provisions of the forensic technique / T. V. Averyanova, R. S. Belkin, Yu. G. Korukhov et al. Forensics. Textbook. Ed. by R. S. Belkina. Moscow; 1999.

7. Forensics. Textbook. Ed. by I. F. Panteleev, N. A. Selivanov. Moscow; 1984.

8. Pavlikov S. G. To the question of the significance of the theory of the criminalistic characteristics of crimes. Russian judge. 2012; 10.

9. Churilov S. N. Forensic characteristics as the scientific and empirical basis of private investigation techniques. Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences. 2016: 2.

© Eremin S. G., Kondukov A. A.,
Khorsheva V. S., 2019

Eremin Sergey Germanovich,

professor at the criminology department
of the training and scientific complex
of preliminary investigation
in law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
e-mail: sg-eremin@mail.ru

Kondukov Andrey Alexandrovich,

investigator of the investigative department
of the Investigative department of the Ministry
of Internal Affairs of Russian Federation
on Rostov-on-Don;
e-mail: kondykov86@mail.ru

Khorsheva Valentina Sergeevna,

associate professor at the department
of preliminary investigation
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: Valya3107@bk.ru

* * *

П. В. Козловский

ПЛАНИРОВАНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье представлена технология планирования расследования преступления, состоящая из двух этапов (совместной деятельности следователя и органа дознания; деятельности органа дознания на основе задач, поставленных следователем), позволяющая учитывать современное правовое регулирование и эффективно решать задачи по раскрытию преступлений. Автором исследованы применяемая терминология, основания классификации планов расследования и другие вопросы. Принципы планирования предложено именовать требованиями к планированию. Аргументирован вывод о неосновательности выделения наряду с планами производства следственных действий и расследования отдельных преступлений планов работы следователя по нескольким уголовным делам, находящимся в его производстве, в качестве однородной категории. Указано на необходимость планирования наряду со следственными действиями и оперативно-разыскными мероприятиями применения мер административного принуждения и мероприятий организационного характера. Предложены рекомендации по комплексному использованию различных форм планирования в зависимости от складывающейся следственной ситуации.

Ключевые слова: виды планов, требования к планированию, расследование, уголовное дело, этапы планирования.

P. V. Kozlovskiy

PLANNING OF INVESTIGATION OF CRIMES

The article demonstrates the technology of planning the investigation of criminal cases, consisting of two stages: joint activity of the investigator and the body of inquiry; the body of inquiry activity on the basis of the tasks set by the investigator. Such practice allows taking into account modern legal regulation and effectively solving the crime detection problems. The author analyses the applied terminology, bases of investigation plans classification and other issues. The principles of planning are proposed to be called planning requirements. The conclusion about the groundlessness of the allocation of the investigation plans for several criminal cases as a homogeneous category along with plans for investigative proceedings and the investigation of separate criminal cases is justified. The author highlights the need for planning investigative actions as well as operational investigative measures of administrative enforcement and organizational activities. There are also proposed the recommendations on the complex use of various forms of planning depending on the current investigative situation.

Key words: types of plans, planning requirements, investigation, criminal case, planning stage.

Планирование, являющееся одним из обязательных условий эффективного построения расследования, представляет собой сложный мыслительный процесс, заключающийся в определении задач следствия, путей и способов их решения в соответствии с требованиями закона [1, с. 3].

В содержании планирования деятельности по расследованию преступлений необходимо выделить две составляющих. Первая — планирование расследования отдельных уголовных дел. Она включает выявление целей и задач расследова-

ния для каждого этапа, а также выбор наиболее эффективных и экономичных способов их разрешения [1, с. 5—6]. Вторая — общее планирование работы следователя по всем находящимся в производстве уголовным делам. Содержание первого вида деятельности определяется криминалистической характеристикой преступления, складывающейся следственной ситуацией. В основе общего планирования рабочего времени лежат правила самоорганизации (самоменеджмента). В связи с этим представляется неоправданным

выделение наряду с планами производства следственных действий и расследования отдельных преступлений планов работы следователя по нескольким уголовным делам, находящимся в его производстве, в качестве однородной категории [2, с. 39]. Построение последних подчиняется правилам тайм-менеджмента и должно учитывать не только производство расследования, но и иные задачи (дежурства, служебную подготовку, участие в совещаниях, поручения руководства), психологические особенности исполнителя и т. п. [3, с. 63].

Планирование расследования преступлений основывается на организующей роли следователя и самостоятельности органа дознания в выборе средств и методов¹. Принятие мер организационного, оперативно-разыскного, административного характера находится вне компетенции следователя, но при этом базируется на поставленных им задачах. Изложенное позволяет говорить о наличии двух этапов планирования расследования. В рамках *первого* следователь определяет круг процессуальных действий, необходимость привлечения к их осуществлению сотрудников органа дознания, специалистов и иных лиц, а также ставит задачи, которые должны быть решены с использованием полномочий в сфере оперативно-разыскной и административной деятельности. На *втором* на основе задач, поставленных следователем, руководителем органа внутренних дел или его структурного подразделения, осуществляется расчет сил и средств, выбор тактических приемов, позволяющих достичь желаемого результата. Двухэтапная структура планирования имеет место во всех случаях, когда следователь дает поручение органу дознания независимо от его характера. Производство отдельных процессуальных действий может сочетаться с комплексом мероприятий оперативно-го, административного и организационного характера.

Предложенная структура планирования позволяет выделить несколько видов планов:

1) план расследования:

— план процессуальных действий² и оперативно-разыскных мероприятий по уголовному делу;

— план отдельного процессуального действия (включая организационные и оперативно-разыскные мероприятия, а также меры административного принуждения (например, оцепление (блокирование) участка местности, жилых помещений, строений и иных объектов, временное ограничение движения транспортных средств и пешеходов и т. п.), обеспечивающие его проведение);

2) план оперативно-разыскных и организационных мероприятий, мер административного принуждения³.

Только на первом этапе планирование осуществляется субъектами взаимодействия совместно. На втором этапе оно должно вытекать из задач, поставленных на первом, но осуществляться органом дознания самостоятельно. Предметом нашего внимания будут совместные планы следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, а также планы производства отдельных процессуальных действий.

Основой успешного планирования расследования является соблюдение следующих требований⁴.

1. Требование *объективности* состоит в том, что следователь должен учитывать не только общие задачи расследования и рекомендации по их решению, но и особенности конкретного преступления, сложившуюся следственную ситуацию на момент составления плана. Соблюдение данного правила не предполагает отказа от использования типовых методик расследования, а лишь обуславливает необходимость их преломления, адаптации для решения стоящих перед следователем задач [4, с. 42].

2. Требование *своевременности* заключается в принятии решений в оптимальное время, позволяющее их реализовать. Производными из указанного требования являются приведенные далее рекомендации:

— в первую очередь планируются действия, направленные на фиксацию следов преступления, которые могут быть утрачены, установление места нахождения преступника и похищенного имущества (осмотр места происшествия, обыски, допросы свидетелей и потерпевших, задержание, избрание меры пресечения). При недостаточности сил и средств следственные действия, непроведение которых несет меньший риск утраты доказательств и иных негативных последствий, откладываются на более поздний срок;

— во вторую очередь планируются действия, требующие длительного времени и не в полной мере зависящие от следователя: назначение и производство экспертиз, направление запросов и поручений (особенно в другие регионы) и др. К этой же категории нужно отнести процессуальные действия, риск срыва и переноса которых достаточно велик из-за различных причин: противодействия, болезни, сложных жизненных обстоятельств потенциальных участников уголовного судопроизводства и т. п.;

— обеспечивается последовательность производства процессуальных действий, исключая срыв одних в результате проведения других (например, проведение обыска перед вызовом на допрос проживающих в квартире граждан, определение последовательности вызова свидетелей в целях предотвращения преждевременного разглашения информации о ходе расследования и т. п.).

3. Требование *непрерывности* проявляется в том, что планирование осуществляется на всем протяжении расследования. Получение и оценка новых данных требуют от следователя внесения изменений в ход производства по уголовному делу, однако это не означает, что нужно пересоставлять план. Он является внешним выражением деятельности по планированию расследования. Чрезмерно формальное отношение к ведению данного документа способно отвлечь следователя от производства необходимых процессуальных действий. Например, при получении сведений о местонахождении похищенного имущества следователю необходимо провести обыск, допросить лиц, у которых оно хранилось, назначить судебные экспертизы, получить сведения о входящих и исходящих соединениях отдельных лиц. Целесообразность их производства очевидна из представленной информации и займет непродолжительное время (1—2 дня). В этом случае план расследования стоит подвергнуть корректировке по результатам производства указанных процессуальных действий.

4. Требование *конкретности* предполагает четкое формулирование наименований отдельных мероприятий, чтобы они были недвусмысленно поняты исполнителем. Не допускается использование неясных, расплывчатых формулировок, включение задач без указания действий, с помощью которых они могут быть решены. Например, вместо указания цели «установить местонахождение подозреваемого» в план нужно включить конкретные действия: производство обыска по месту жительства подозреваемого, допросы родственников и друзей (с указанием Ф. И. О.), контроль и запись телефонных переговоров и т. п.

5. Требование *реальности* заключается в необходимости учитывать имеющиеся возможности органов расследования: наличие людей, автотранспорта, техническое оснащение экспертных подразделений, общий уровень нагрузки. Далек не всегда в ходе расследования возможно осуществить все необходимые действия, направленные на раскрытие преступления. В этом случае стоит вы-

брать действия с наилучшим ожидаемым результатом и наименьшими затратами сил и средств.

6. План расследования должен соответствовать требованиям *удобства в использовании и простоты в корректировке*, иначе вместо вспомогательного инструмента он может превратиться в препятствие для эффективной работы⁵.

Облечение плана в письменную форму целесообразно после получения первоначальных сведений, позволяющих сделать выводы о характере расследуемого события. Часто план составляется после завершения безотлагательных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Однако по отдельным категориям преступлений, выявляемым в ходе оперативно-разыскной деятельности, подробный план мероприятий может быть составлен до принятия решения о возбуждении уголовного дела.

В зависимости от подходов, которые положены в основу планирования, выделяют следующие разновидности планов следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий:

— план расследования, составляемый по следственным версиям;

— план расследования, составляемый по эпизодам;

— план расследования, составляемый по отдельным обстоятельствам, подлежащим установлению;

— аналитический план расследования.

План расследования, составляемый по следственным версиям. Его положительной стороной является конкретизация различных направлений расследования. Это особенно удобно, когда можно выделить самостоятельные группы мероприятий, связанные с конкретными версиями. Например, при совершении убийства рассматриваются версии его совершения: в целях получения наследства и страховой выплаты или из мести за исполнение общественного долга. Но и в этом случае будут иметь место мероприятия, которые не зависят от выдвинутых версий: производство судебно-медицинской экспертизы, проверка по криминалистическим учетам обнаруженных следов, допросы соседей убитого, получение сведений о входящих и исходящих соединениях с телефона потерпевшего и т. п. Во избежание дублирования такие действия необходимо поместить в отдельный раздел, а применительно к каждой версии указать лишь имеющие отношение только к ней.

Например, по версии об убийстве в целях завладения наследством и получения страховой

суммы — проверить алиби жены, которая является единственным наследником и получателем страховой выплаты, а по второй версии — проверить алиби лица, угрожавшего потерпевшему убийством в связи с участием в общественных слушаниях. Если в ходе расследования появляются новые версии, они вносятся в план. В практической деятельности нередко можно столкнуться с чрезмерным усложнением данного вида планов при выдвижении широкого круга частных версий с одновременным требованием составления перечня следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий по каждой из них. В результате план оказывается громоздким, отдельные его положения дублируют друг друга.

План расследования, составляемый по эпизодам подготавливается по уголовным делам о совершении ряда преступлений одним лицом или преступной группой. Его применение удобно при осуществлении расследования группой следователей, так как позволяет поручить отработку одного или нескольких эпизодов одному сотруднику, не владеющему всей информацией по уголовному делу. При планировании по эпизодам учитываются сформулированные в ходе расследования версии, которые могут быть как общими для всех совершенных преступлений, так и частными (например, имитация почерка преступной группы иными лицами). Эпизоды в плане могут быть сгруппированы с учетом состава соучастников, объектов посягательств или расположены по хронологии. Недостатком данной формы является невозможность учета мероприятий общего характера, которые необходимо поместить в отдельный раздел.

План расследования, составляемый по отдельным обстоятельствам, подлежащим установлению может быть использован как основной по несложным делам или как вспомогательный при необходимости конкретизации плана расследования. В него включаются подлежащие выяснению обстоятельства и следственные действия, направленные на их выяснение. Недостатком здесь является риск неоднократного проведения одних и тех же следственных действий для выяснения разных вопросов (повторный вызов на допрос свидетелей, назначение дополнительных экспертиз и т. п.). С учетом изложенного его основная роль — вспомогательный документ.

Аналитический план расследования предполагает указание на источники доказательств (протоколы следственных действий, показания свидетелей и т. п.), раскрытие их содержания и перечень вытекающих из полученных данных действий.

Он позволяет вырабатывать навыки тщательного анализа информации и облегчает написание постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения.

Следует иметь в виду, что ни один из перечисленных планов не позволяет в полной мере учесть все обстоятельства расследуемого преступления. Нередко планирование расследования носит комплексный характер. Однако по сложным делам и этого бывает недостаточно. Дополнительно составляются схемы, карточки, листы, таблицы и т. п. Рассмотрим комплексное применение различных подходов к планированию (и соответствующих им планов) и вспомогательной документации на примере реализации результатов оперативно-разыскной деятельности и дальнейшего расследования преступлений, совершенных организованной группой в финансово-кредитной сфере.

Преступной группой в составе 12 человек оформлялись потребительские кредиты на подставных лиц в торговых организациях за незначительное вознаграждение, в последующем осуществлялась реализация приобретенных товаров. Полученный преступный доход частично распределялся между членами преступной группы, частично использовался для организации преступной деятельности: покупки и обслуживания автотранспорта, оплаты средств связи, аренды жилых помещений и офисов и т. п.

Первая разновидность плана в условиях, когда известны все лица, совершившие преступления, может быть использована для построения версий о распределении ролей, участии отдельных членов в различных эпизодах преступной деятельности. Планирование по эпизодам преступной деятельности по такому делу выступает одним из основных способов организации работы.

С учетом того что расследование отдельных эпизодов преступной деятельности связано с проведением большого количества однотипных действий, целесообразным является составление таблицы, содержащей сведения о лицах, на имя которых оформлен кредитный договор; его дату, время; номер; адрес торговой организации или иного места, где происходило оформление кредитного договора; информацию о проведении допроса, предъявления для опознания, очной ставки; сведения о лицах, участвовавших в совершении данного преступления. Кроме того, в нее могут быть включены сведения о проживании свидетелей. Плюсами использования табличной формы являются ее простота, наглядность, возможность корректировки и краткого отражения результатов

проведенных следственных действий, что позволяет использовать отдельные элементы аналитического плана. На окончательном этапе расследования такое приложение к плану существенно упрощает подготовку постановления о привлечении в качестве обвиняемого, поскольку содержит сведения о времени, месте и лицах, совершивших преступления, номерах договоров и др. В рамках основного плана остается указать иные следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия. Эпизоды в таблице могут быть сгруппированы по хронологии, торговым организациям, в которых оформлялись кредиты, и районам области, где проживают лица, оформившие кредитные договоры. Табличная форма позволяет изменять основание группировки в электронной версии документа в зависимости от решаемых задач.

Второй план, применимый в данной ситуации, — по отдельным обстоятельствам, подлежащим установлению. При расследовании сложных преступлений им могут быть посвящены отдельные разделы плана [6, с. 155]. В качестве примеров можно привести мероприятия по обеспечению гражданского иска; установлению признаков сплоченности, устойчивости преступной группы; установлению местонахождения похищенных денежных средств, имущества, подлежащего аресту, и др.

Планирование отдельных процессуальных действий также может состоять из двух этапов. На практике их значительная часть может быть организована и проведена следователем самостоятельно без участия органа дознания (например, допрос свидетелей, которые готовы добровольно явиться для участия в следственном действии и не противодействуют расследованию). Однако сложные процессуальные действия в условиях активного противодействия могут потребовать привлечения значительных сил и средств. Например, проведение проверки показаний на месте с участием обвиняемого, который может быть ликвидирован находящимися на свободе членами преступной группы. В этом случае следователь определяет время и место (насколько это возможно с учетом ранее данных показаний); про-

водит подготовительные действия (вызов, уведомление участников и др.); составляет перечень вопросов, подлежащих выяснению; очерчивает круг непосредственных участников следственного действия. Органу дознания будет поставлена задача — оказать содействие в организации следственного действия и обеспечить безопасность. Для ее решения руководителю органа внутренних дел необходимо:

— произвести расчет сил и средств, назначить исполнителей из числа подчиненных ему сотрудников;

— определить перечень организационных (инструктаж личного состава, получение вооружения и спецтехники и др.) и оперативно-разыскных (наблюдение, контроль технических каналов связи и др.) мероприятий, а также мер административного принуждения;

— получить разрешение суда на проведение оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан; принять решение о проведении оперативно-разыскных мероприятий и иных действий, требующих ведомственного санкционирования;

— привлечь другие оперативные службы органа внутренних дел, с которыми следователь не может взаимодействовать непосредственно (оперативно-технические и оперативно-поисковые подразделения, подразделения оперативно-разыскной информации [7]);

— организовать взаимодействие с другими правоохранительными органами (Росгвардией, Федеральной службой исполнения наказания и др.);

— определить тактику проведения оперативно-разыскных мероприятий и мер административного принуждения.

Таким образом, любой процесс планирования предполагает комплексное использование различных форм его организации, которые в зависимости от сложности и количества мероприятий могут в большей или меньшей степени находить формальное выражение в составляемых документах.

Примечания

1. В научной литературе принято говорить о взаимодействии следователя, дознавателя с субъектами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность. Вместе с тем сопровождение части уголовных дел в органах внутренних дел осуществляют службы, не наделенные правом производства оперативно-разыскных мероприятий (участковые уполномоченные полиции, инспекторы по делам несовершеннолетних), которые также самостоятельны в выборе средств и методов решения поставленных задач. С учетом изложенного мы распространяем принцип самостоятельности сотрудников оперативных подразделений

в выборе средств и методов осуществления оперативно-разыскной деятельности на административную деятельность полиции.

2. В нормативных актах и учебной литературе используется термин «план следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий». Он представляется не совсем точным, так как в ходе расследования необходимо планировать применение мер принуждения, ознакомление с материалами уголовного дела и другие действия, которые не являются следственными.

3. Действующими нормативными правовыми актами не предусмотрено составление планов применения мер административного принуждения и организационных мероприятий. Однако фактическое планирование всегда носит комплексный характер и учитывает все необходимые действия, направленные на обеспечение уголовно-процессуальной деятельности следователя.

4. В научной литературе указанные категории называют принципами планирования. Полагаем, что данный термин не вполне приемлем, поскольку под принципом понимается исходное начало, руководящая идея, составляющая методологическую основу теории, предметной области или науки в целом. Планирование нельзя признать самостоятельной предметной областью, это инструментальный способ организации той или иной деятельности. Более уместно говорить о принципах деятельности, от которой производны требования к планированию.

5. Негативным примером является сетевой метод планирования расследования, который не получил распространения на практике в силу высокой сложности и низкой эффективности [5, с. 276—291].

1. Дубровицкая Л. П., Лузгин И. М. Планирование расследования: учеб. пособие. М.: Высшая школа МВД СССР, 1972. 54 с.

2. Теория и практика планирования расследования преступлений / В. В. Бирюков [и др.]. Луганск: РИО ЛАВД, 2002. 90 с.

3. Предварительное следствие в органах внутренних дел: учебник / под ред. М. В. Мешкова. М.: ДГСК МВД России, 2011. Ч. 1. 163 с.

4. Корнелюк В. С., Кулагин Н. И., Носов А. В. Организация следственной работы: учеб. пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2009. 248 с.

5. Белкин Р. С. Курс криминалистика: в 3-х т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юрист, 1997. 480 с.

6. Киселев Е. А., Казачек Е. Ю. К вопросу о планировании расследования как способе оптимизации работы сотрудников следственных органов // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 2.

7. О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России: приказ МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Козловский П. В., 2019

1. Dubrovitskaya L. P., Luzgin I. M. Investigation planning. Textbook. Moscow: Vysshiaia shkola MVD SSSR; 1972; 54.

2. Biryukov V. V., Melnikova O. B., Shekhovtsov R. M. et al. Theory and practice of crime investigation planning. Lugansk: RIO LAVD; 2002: 90.

3. Preliminary investigation in internal Affairs agencies. Textbook. Ed. by M. V. Meshkov. Moscow: DGSK MVD Rossii; 2011; 1: 163.

4. Kornelyuk V. S., Kulagin N. I., Nosov A. V. The organization of investigative work. Textbook. Moscow: SSPW MIA of Russia; 2009; 284.

5. Belkin R. S. Course of criminalistics. In 3 volumes. Volume 3. Criminalistic means, methods and recommendations. Moscow: TsOKR MVD Rossii; 2009; 248.

6. Kiselev E. A., Kazachek E. Yu. On the issue of investigation planning as a way to optimize the work of investigative bodies. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2017; 2.

7. The Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 608 of 19 June 2012. About some questions of the organization of operational search activity in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

© Kozlovskiy P. V., 2019

**УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА
И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Козловский Петр Валерьевич,
ученый секретарь ученого совета
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: kozlovskypv@yandex.ru

Kozlovskiy Petr Valerevich,
academic secretary of the academic council
of the Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical science;
e-mail: kozlovskypv@yandex.ru

* * *

Ю. В. Контемирова

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ МИГРАЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

В статье рассматриваются конкретные направления оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел по противодействию миграционной преступности, выявляются проблемы проведения отдельных оперативно-разыскных мероприятий по документированию противоправной деятельности мигрантов, устанавливаются границы правового регулирования оперативно-разыскного законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: миграционная преступность, правонарушения в сфере миграции, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, оперативно-разыскная информация, нормативно-правовое регулирование в сфере миграции.

Yu. V. Kontemirova

**CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR CRIMINAL INTELLIGENCE ACTIVITIES
OF INTERNAL AFFAIRS AUTHORITIES ON FIGHTING AGAINST MIGRATION CRIMES**

The article is describe the specific areas of criminal intelligence activities performed by internal affairs authorities in terms of fighting against migration crimes, defines issues of concern on conducting particular criminal intelligence actions to record migrants' illegal activities, establishes the boundaries of the legal regulations for the intelligence law in the specified sphere.

Key words: migration crimes, infringement of law in migration sphere, criminal intelligence activities, criminal intelligence actions, intelligence information, statutory regulation in migration sphere.

Многие кризисные явления в экономике России имеют повышенное криминогенное значение и способствуют деформации социальной сферы. В ходе нестабильной государственной политики по проведению социально-экономических реформ увеличилась численность безработных, снизился уровень жизни населения, произошла резкая социально опасная дифференциация доходов населения.

Современный анализ криминализации общества позволяет говорить о неэффективности мер, принимаемых органами государственной власти по противодействию миграционной преступности. Противоправная деятельность мигрантов — одна из актуальных проблем, для решения которой используются силы и средства оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел. Данные обстоятельства требуют от оперативных подразделений принятия адекватных мер, направленных на стабилизацию криминогенной обстановки в стране. В связи с этим Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации» (далее — Кон-

цепция) был направлен на совершенствование государственного управления в сфере миграционной политики [1].

Согласно Концепции одной из задач, стоящей перед оперативными подразделениями органов внутренних дел, является создание благоприятных условий для добровольного возвращения российских граждан, вынужденно покинувших места своего постоянного проживания в России, в места их прежнего проживания. Вместе с тем необходимо последовательно совершенствовать стандарты государственных услуг в сфере миграционной политики, формировать систему миграционных правоотношений в целях создания комфортной среды для законопослушных граждан иностранных государств, которые хотят жить и работать в России, с учетом традиций, культуры и законов Российской Федерации. В то же время первостепенной задачей государства является защита прав и свобод своих граждан по всем направлениям деятельности, связанной с миграцией.

Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации В. А. Колокольцев на расширенном заседании коллегии МВД России отметил, что определенный объем работы выполнен подразделениями по вопросам миграции, однако сотрудникам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, нужно активизировать оперативно-разыскную работу, направленную на борьбу с миграционной преступностью.

В настоящее время в российское законодательство внесены изменения, определяющие введение упрощенного порядка оформления разрешений на временное пребывание на территории Российской Федерации и видов на жительство иностранцам — гражданам иностранных государств, которые владеют русским языком, желают жить и работать в России и готовы соблюдать законодательные принципы и обычаи российского общества.

Квалифицированные специалисты, востребованные в различных отраслях экономики, должны проходить всестороннюю компетентную проверку оперативными подразделениями органов внутренних дел. В связи осуществлением миграционного контроля въезда на территорию страны такая проверка иностранных граждан становится все более актуальной.

Главным управлением по вопросам миграции МВД России во взаимодействии с оперативными подразделениями, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, в соответствии с задачами, поставленными Президентом, Правительством Российской Федерации и руководством МВД России, на постоянной основе проводятся оперативно-профилактические и рейдовые мероприятия, направленные на проверку соблюдения иностранными гражданами и лицами без гражданства установленных условий проживания и временного пребывания на территории Российской Федерации, противодействие незаконной миграции, пресечение правонарушений и преступлений.

Планомерная деятельность правоохранительных органов Волгоградской области в рассматриваемом направлении способствует стабилизации криминогенной обстановки в регионе, но отдельные проблемы преимущественно профилактического характера остаются нерешенными.

Согласно статистическим данным Информационного центра ГУ МВД России по Волгоградской области за 7 месяцев 2019 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 207 преступлений, из них 69 — тяжких и особо тяжких. По статье 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) — 5 преступлений, ст. 111 УК РФ — 4, ст. 131 УК РФ — 2, ст. 158 УК РФ — 79, ст. 159 УК РФ — 12, 161 УК РФ — 5, ст. 162

УК РФ — 3, при этом 0,5 % преступных деяний совершены иностранными лицами, находящимися на территории Российской Федерации нелегально.

Исходя из анализа оперативной обстановки, за совершение преступлений на территории Волгоградской области за 7 месяцев 2019 г. задержаны 159 иностранных граждан (государств — участников Содружества Независимых Государств), из которых больше всего девиантному поведению подвержены граждане Узбекистана — 38, Таджикистана — 30, Азербайджана — 29 и Украины — 24 [2].

Миграционная преступность является дестабилизирующим фактором, влияющим на криминогенную обстановку в стране, предоставляет возможность для совершения тяжких и особо тяжких общеуголовных преступлений, формирования террористических и экстремистских организаций, создающих реальную угрозу безопасности России.

Изучение миграционной ситуации в Российской Федерации в целом и Волгоградской области в частности позволяет сформулировать миграционные риски, дать им криминологическую оценку и предложить меры реагирования, позволяющие своевременно выявлять новые тенденции и угрозы национальной безопасности, повышать эффективность профилактических мер, реализуемых при осуществлении миграционной политики в нашем стране.

В современных условиях становления государства необходимо иметь представление об актуальных и потенциальных угрозах национальной безопасности, исходящих от существующих миграционных потоков, оценить степень влияния миграции на состояние преступности. В связи с этим в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации говорится о том, что «обеспечение национальной безопасности в пограничном пространстве осуществляется путем развертывания на государственной границе Российской Федерации высокотехнологичных и многофункциональных пограничных комплексов и систем, повышения эффективности пограничной деятельности, совершенствования межведомственного взаимодействия и межгосударственного пограничного сотрудничества, активизации процесса международно-правового оформления государственной границы и социально-экономического развития приграничных территорий Российской Федерации» [3].

Анализ практики борьбы с миграционной преступностью дает основание полагать, что в настоящий момент действенные управленческие решения, касающиеся организации и тактики оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел, недостаточно урегулированы, что не позволяет оперативным подразделениям своевременно реагировать на изменение оперативной обстановки,

выявлять и пресекать миграционные преступления, т. е. необходимы изменения приоритетных направлений организации и тактики работы оперативных подразделений органов внутренних дел.

Нейтрализация миграционной преступности, принятие дополнительных мер профилактического и оперативно-разыскного характера по снижению ее активности — первостепенные задачи оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел, выполнение которых существенно влияет на криминогенную обстановку в стране. Для этого, на наш взгляд, нужно активизировать оперативно-разыскную работу, направленную на использование оперативной информации о незаконных мигрантах, их дислокации и сосредоточении, организовать оперативный контроль с помощью комплекса оперативно-разыскных мероприятий с применением всего имеющегося арсенала сил, средств и методов оперативно-разыскной деятельности.

Необходимо усилить работу оперативных подразделений по сбору, накоплению, систематизации и анализу оперативно-разыскной информации о критериях развития, процессах и явлениях, происходящих в миграционной среде.

Таким образом, основополагающую роль в раскрытии и расследовании преступлений рассматриваемой категории должна играть планомерная аналитическая и разведывательная деятельность, направленная на получение оперативной информации об организации незаконной миграции и концентрации незаконных миграционных процессов.

Немаловажное значение имеет и документирование фактов преступной деятельности, в том числе въезда, транзита, пребывания, а также подбор и оперативная работа с источниками получения оперативно-значимой информации. Проведение комплекса оперативно-разыскных, оперативно-поисковых и оперативно-технических мероприятий, направленных на всестороннее документирование противоправной деятельности мигрантов, осуществляется оперативными подразделениями, уполномоченными на то Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» [4]. Результаты оперативно-разыскной деятельности после соответствующих процедур их рассекречивания и представления становятся основными источниками доказательственного значения в рамках расследования уголовного дела [5]; [6].

В целях эффективного противодействия миграционной преступности правоохранительные органы должны предпринимать активные меры по усилению контроля государственной границы, создавая условия по ограничению потока иностранных граждан и лиц без гражданства.

Сущность миграционного контроля заключается в том, чтобы установить незаконных мигрантов и выявить нарушителей миграционных предписаний. Всероссийская электронная база данных о лицах, пересекающих границу или передвигающихся по Российской Федерации, позволит контролировать цели и сроки пребывания их в стране.

Определенную проблему также составляет неучтенная миграционная преступность, т. е. иностранный гражданин, минуя правила миграционного законодательства, въезжает на территорию России, следствием чего может быть совершение противоправного деяния. В связи с этим, по нашему мнению, нужно усилить государственный контроль (надзор) в части, касающейся въезда в Российскую Федерацию, выезда из Российской Федерации, транзитного пересечения ее границы, временной дислокации иностранных граждан при осуществлении ими трудовой деятельности на территории Российской Федерации.

Необходимой мерой для фиксации следообразующей информации о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес, в миграционной среде является процесс расширения и использования современных высокотехнологичных биометрических технологий, способных в любых условиях проводить мероприятия по идентификации личности, в том числе с применением возможностей подразделений оперативно-разыскной информации.

Нельзя забывать и о проведении оперативно-профилактических мероприятий среди лиц, предоставляющих работу мигрантам, для выявления лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, лиц, находящихся в розыске, обнаружения похищенного имущества и иных предметов, запрещенных в гражданском обороте.

Таким образом, приоритетными направлениями деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по ведению миграционной политики в целях повышения эффективности профилактики, предупреждения, выявления и пресечения правонарушений в сфере миграционного законодательства Российской Федерации являются:

— совершенствование нормативно-правового регулирования, направленного на противодействие миграционной преступности, для ужесточения ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации, в том числе представление подложных или имеющих признаки подделки документов, а также заведомо ложных сведений, либо содействие их представлению, а равно совершение фиктивных действий, направленных на получение иностранными гражданами и лицами без гражданства оснований и законных прав для въезда на территорию Российской Федерации,

временного пребывания и нахождения, осуществление трудовой деятельности на территории государства;

— внедрение централизованных оперативно-справочных и криминалистических учетов, способствующих быстрой идентификации лиц и установлению фактов, представляющих оперативный интерес, раскрытию совершенных преступлений.

Для достоверного прогнозирования миграционных процессов и выработки на его основе оптимальных механизмов регулирования требуется проведение соответствующего мониторинга среды иностранных граждан и лиц без гражданства. Именно информационно-аналитическое обеспечение реализации миграционной политики, предусматривающее, в том числе, научно-исследовательские разработки для анализа и прогноза миграционной ситуации, мониторинга и оценки эффективности различных миграционных программ, выделено в один из разделов Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 гг. [1].

В целях дальнейшего миграционного регулирования, оптимального снижения уровня негативного влияния миграционных процессов и явлений на криминогенную обстановку в Российской Федерации необходимо:

1. Проведение профилактической работы, включающей в себя более широкое информирование иностранных граждан об их правах и обязанностях, в том числе с применением мер государственного преследования за совершение правонарушений и преступлений.

2. Обеспечение контроля в сфере оперативно-служебной деятельности правоохранительных ор-

ганов, административно-управленческого влияния организаций, органов государственной власти и местного самоуправления для пресечения злоупотребления своими полномочиями должностных лиц и работников соответствующих учреждений, излишнего бюрократизма при оформлении документов, а также профилактики коррупционных правонарушений.

3. Совершенствование инфраструктуры государственной границы Российской Федерации, а именно: оснащение ее современным техническим оборудованием, позволяющим в положенный срок выявлять и пресекать въезд на территорию страны и выезд за ее пределы мигрантов, находящихся в розыске за совершение преступлений, организовывать получение образцов для сравнительного исследования и их своевременное внесение в базы данных.

Результативность оперативно-разыскной деятельности по выявлению и пресечению преступлений в сфере миграционной преступности, документирование фактов преступной деятельности мигрантов, принятие дополнительных мер профилактического и оперативно-разыскного характера по снижению ее активности, а также установление границ правового регулирования оперативно-разыскного законодательства в данной сфере будут способствовать стабилизации криминогенной обстановки в стране. Именно применение всего комплекса оперативно-разыскных и профилактических мер со стороны правоохранительных органов поможет обеспечить надлежащий контроль и активное противодействие миграционной преступности.

1. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Статистические данные ИЦ ГУ МВД России по Волгоградской области за 7 месяцев 2019 года. URL: 34.мвд.рф (дата обращения: 28.08.2019).

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Decree of the Russian Federation President No. 622 of 31 October 2018. "On concept of the state migration policy of the Russian Federation for the years of 2019-2025". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

2. Statistical data of Information Centre of Main Directorate of Ministry of Internal Affairs of Russia for Volgograd oblast for 7 months of the year of 2019. URL: 34.mvd.pf. Accessed: 28 August 2019.

3. Decree of the Russian Federation President No. 683 of 31 of December 2015. "On the national security strategy of the Russian Federation". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

4. Federal law No. 144-FZ of 12 August 1995. "On criminal intelligence activities". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

5. Инструкция о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: утв. приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/ 42/535/398/68. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Контемирова Ю. В., 2019

Контемирова Юлия Владиславовна,
старший преподаватель
кафедры оперативно-розыскной
деятельности и специальной техники
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: contemirova@yandex.ru

5. Instruction on the procedure for providing an investigative agency, investigator or court with the criminal intelligence activities results, approved by Order No. 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 of 27 of September 2013 issued by the Russian Federation MIA, the Ministry of Defense, the Russian Federal Security Service, Federal Guard Service, Federal Customs Service, Foreign Intelligence Service, Federal Penal Enforcement Service (FSIN), Federal Drug Control Service, Russian Investigative Committee. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

6. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of 18 of December 2001. Available from: reference and legal system "Consultant-Plus".

© Kontemirova Yu. V., 2019

Kontemirova Yulia Vladislavovna,
senior lecturer at the department
of operative-search activity and special equipment
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: contemirova@yandex.ru

* * *

И. В. Макогон, Е. В. Токарева

**ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Статья посвящена исследованию значимости криминалистической характеристики преступлений, совершаемых иностранными гражданами на территории Российской Федерации. Раскрывается понятие «иностранец», рассматривается классификация иностранцев по различным признакам, указывается на сложность раскрытия и расследования преступлений данной категории, которая обусловлена ретроспективным характером их расследования. Его суть состоит в умении следователя на основании имеющейся у него следовой информации восстанавливать механизм совершения преступления. В связи с этим важную роль особенно на первоначальном этапе расследования играет выдвижение версии. Отмечается, что для этого следователю необходима определенная информационная основа, которая складывается из фактических обстоятельств, полученных по конкретному делу, и сведений, содержащихся в криминалистической характеристике преступлений определенного вида или группы. В ее структуре собраны все важные обстоятельства, которые нужно установить по данной категории уголовных дел. Отмечается значимость самой криминалистической характеристики и возрастание требований к ее содержанию.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, территория, иностранные граждане, личность преступника, доказывание, версии, правовой статус, правоохранительные органы, структура, субъект преступления, признаки, преступление, квалификация, гражданство, эффективность.

I. V. Makogon, E. V. Tokareva

**FEATURES OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES MADE BY FOREIGN CITIZENS
ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article deals with examining significance of the criminalistic specification of crimes committed by foreign citizens on the territory of the Russian Federation. The concept of «foreign citizens» is observed as well as their various qualifications that exist in science. Authors of the article also note that it is difficult to solve and investigate crimes of this category. This position is explained by the fact that there is some retrospective nature to investigate such crimes, the main essence of which is in the investigator's ability to reconstruct the mechanism of its commission basing on trace information he possesses. Hence, especially at the initial stage of the investigation, it is very important to develop a lead of the crime to be investigated. Authors of the article also consider that in order to develop a lead the investigator needs some information base which consists of factual circumstances obtained by the investigator while investigating a particular case as well as the information contained in the criminalistic specification of crimes of a certain type or group. Its structure contains all the important circumstances that must be established for this category of criminal cases. So significance of criminalistic specification and increasing requirements for its content are of great importance.

Key words: criminalistic specification, territory, foreign citizens, criminal personality, proving, leads, legal status, law enforcement bodies, structure, subject of the crime, peculiarities, crime, qualification, nationality, efficiency.

В целях повышения эффективности деятельности в сфере выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершенных иностранными гражданами, необходимо учитывать криминалистическую характеристику данных преступлений: ее элементы и особенности структуры.

В течение долгого времени в криминалистической науке содержание характеристики преступлений использовалось в качестве теоретической основы формирования частных криминалистических методик расследования. Криминалистическая характеристика, ее информационный потенциал позволяют правильно квалифицировать преступ-

ления и определить задачи при их расследовании — в этом состоит ее значимость. Органы предварительного расследования при расследовании преступлений, опираясь на криминалистическую характеристику, выстраивают версии, устанавливая круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, планируют порядок производства отдельных следственных и процессуальных действий и расследования в целом.

Криминалистическая характеристика преступлений включает в себя элементы, которые составляют научно обоснованную модель преступлений определенного вида. К числу основных элементов криминалистической характеристики преступлений, совершаемых иностранными гражданами на территории Российской Федерации, относятся сведения, касающиеся особенностей субъекта преступления, т. е. личности преступника; механизма следообразования и способа совершения преступления; обстановки совершения преступления; обстоятельств, способствующих совершению преступления.

Иностранцев граждан, находящихся на территории России, можно классифицировать по различным признакам:

1) по продолжительности нахождения в России:

а) пребывающие кратковременно (туристы, пассажиры транзитного следования, члены экипажей судов, спортсмены, артисты и др.) (21,2 %);

б) находящиеся в стране в течение продолжительного периода и имеющие временную регистрацию по месту нахождения (студенты, представители различных организаций, журналисты, дипломатические лица) (9,2 %);

в) проживающие постоянно (63,6 %).

Кратковременность пребывания иностранца на территории России приводит к необходимости неотложного производства всех следственных действий с его участием уже на первоначальном этапе расследования;

2) факту наличия регистрации:

а) находящиеся на законных основаниях (43,3 %);

б) незаконно проникшие на территорию России (33,5 %).

в) въехавшие на территорию Российской Федерации, но имеющие просроченную визу (18,2 %);

3) цели пребывания:

а) занимающиеся предпринимательской деятельностью (53,5 %);

б) в связи со служебной необходимостью (11,2 %);

в) проездом транзитом (22,3 %);

г) лично заинтересованы в приезде (по приглашению родственников, знакомых, обучающиеся в различных учреждениях) (11,1 %);

4) гражданству:

а) граждане из стран ближнего зарубежья (81,7 %)

б) граждане из стран дальнего зарубежья (10,3 %) [1].

Анализ следственной и судебной практики показывает, что чаще всего иностранцы совершают преступления против собственности (31,7 %); наносят телесные повреждения (19,3 %), совершают изнасилования (13,4 %), участвуют в преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков (15,4 %), совершают убийства (5,3 %).

Иностранцы-мужчины совершают 72 % преступлений, женщины, соответственно, 23,5%. Возраст преступников составляет: от 19 до 23 лет (24,2 %); от 23 до 30 лет (50,3 %); от 30 до 40 лет (22,3 %); свыше 41 года (1,2 %).

Уровень образования иностранцев варьируется следующим образом: высшее (31 %), среднее (42,8 %), не имеющие среднего образования (26,1 %).

Часто преступления совершаются в состоянии алкогольного (31,4 %) и наркотического (21,2 %) опьянения.

Нужно отметить, что в настоящее время преступность иностранных граждан становится организованной. Так, 69,3 % преступлений совершаются группами лиц. В 49,2 % случаев преступные группы создавались заранее как по этническому, национальному, так и по религиозному признаку. В России за последние несколько лет стали формироваться и функционировать этнические преступные группы [2].

Личность преступника является одним из наиболее значимых элементов криминалистической характеристики, так как содержит в себе полную информацию о правовом статусе, роде деятельности, гражданстве, уровне общей культуры, вероисповедании, принадлежности к той или иной криминальной группе, что позволяет определить мотив совершения преступления и объекты, на которых он направлен. При изучении сведений о свойствах личности иностранного преступника необходимо учитывать такие важные факторы, как формирование правового статуса иностранного гражданина в России, наработанную практику борьбы с данным видом преступлений в других странах и иные аспекты.

Одной из важных составляющих криминалистической характеристики преступлений, совершаемых иностранными гражданами, является характеристика иностранца с позиции его криминальных связей. Для качественного, полного, объективного расследования преступлений рассматриваемой категории установление их наличия или отсутствия имеет огромное значение.

При расследовании анализируемых преступлений необходимо сделать акцент на субъекте, обратить внимание на его правоспособность: он находится под юрисдикцией как минимум двух государств (страны своего гражданства и Российской Федерации) [3]. Такая специфика правового статуса иностранного гражданина, в отношении которого ведется судопроизводство, вызывает у следователя необходимость связываться с компетентными органами иностранного государства и решать задачи, касающиеся:

а) обеспечения прав и свобод гражданина со стороны государства его гражданства;

б) собирания неопровержимых доказательств преступной деятельности иностранного гражданина на территории иного государства;

в) в случае необходимости принятия мер, по осуществлению передачи уголовного преследования государству гражданства лица, совершившего преступление;

г) выполнения других процессуальных и следственных действий, если это связано с правоприменением иностранного государства.

Анализ сведений МВД России о миграционной ситуации в стране за 2013—2018 гг. показывает, что увеличилось количество граждан развивающихся стран, которые используют территорию России для транзитного проезда в государства Европы в целях получения там убежища. При этом они чаще всего не имеют средств к существованию, постоянного жилья. Подобные условия толкают иностранцев на совершение уголовно наказуемых деяний. Естественно, что преступность среди незаконных мигрантов имеет высокую степень латентности. Поскольку в момент транзитного проезда рядом с ними находятся их соотечественники, мигранты совершают преступления в отношении них. Далее действия развиваются по следующей схеме: пострадавшие иностранцы — соотечественники из чувства ложно понимаемого «родства», опасаясь мести со стороны преступников-соотечественников, а также депортации из России, не обращаются в правоохранительные органы с заявлением о совершенном в отношении них преступном деянии, а если и обращаются, то в ходе предварительного расследования не оказывают содействия.

Часто иностранные граждане тщательно готовятся к совершению преступления. Как показывает анализ следственной практики, перед совершением преступления иностранные преступники:

а) осуществляли предварительное наблюдение за жертвой или объектом — 51,2 %;

б) проводили беседы со знакомыми жертвами — 16,1 %;

в) вступали в контакт с будущей жертвой преступления — 30,1 %.

Нужно отметить, что, совершив преступления на территории России, иностранцы продолжили свою преступную деятельность в иных государствах.

Анализ следственной и судебной практики показал, что каждый второй иностранный преступник (22,6 %) ранее уже был осужден за совершение аналогичного, как правило, тяжкого преступления в своей стране, либо на территории другого государства [4]. В связи с чем уже на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении сотрудникам органов внутренних дел целесообразно осуществлять взаимодействие с сотрудниками правоохранительных органов других государств в соответствии с порядком, установленным законом, в частности, использовать возможности Национального центрального бюро Интерпола. Исходя из заключенного в 2003 г. соглашения о сотрудничестве между Европейской организацией и Россией [5] представители следственных подразделений России могут быть откомандированы в ту страну, где есть необходимость их личного присутствия для производства следственных действий, а их коллеги могут прибыть в Россию. Данное обстоятельство, конечно же, приводит к расширению сферы международного сотрудничества и положительным образом влияет на качество предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, совершаемых иностранцами.

В ходе изучения материалов уголовных дел установлено, что преступность иностранцев приобретает в настоящее время признак организованности. Следует отметить, что преступные деяния, совершались иностранными гражданами в группе — в 69,3 % случаев, в составе преступного сообщества — в 56,3 %, в 49,3 % случаев данные группы были сформированы до совершения преступления.

За последние несколько лет на территории России стали стремительно появляться этнические преступные группы. Например, вьетнамские и китайские — на территории Хабаровского края, в Свердловской, Иркутской и Челябинской областях, афганские — в Москве и Санкт-Петербурге. Усилилась преступная деятельность на территории России и организованных нигерийских наркогрупп [6].

Потерпевшими в преступлениях, совершаемых этническими преступными группами, являются как российские граждане, так и иностранцы, которые, как уже было отмечено выше, избегают огласки и не обращаются в правоохранительные органы. В случае когда уголовное дело возбуждено в России, они часто оказывают пассивное противодействие расследованию, что выражается в не-

предоставлении документов, удостоверяющих их личность, либо иных необходимых документов, предпринимают попытки не являться по вызовам в органы предварительного расследования, давать заведомо ложные показания, ссылаясь на языковой барьер. Перечисленные аспекты приводят к затягиванию сроков предварительного расследования и снижению его качества.

Если говорить о структуре этнических преступных групп, то, как правило, они состоят из иностранцев и могут иметь организацию, аналогичную преступным группам, действующим в стране их гражданства (например, существует система китайских триад в Китайской республике). Знание данных особенностей необходимо использовать в ходе расследования. Это позволит установить неизвестных участников группы и их связи. В составе таких групп могут входить и россияне: быть исполнителями или пособниками одного или нескольких преступлений — что не дает им возможности располагать информацией обо всей деятельности преступной группы этнического характера и ее связях в целом [7].

Отметим и такой элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых иностранцами, как следы. Их исследование необходимо для успешного решения задач, стоящих перед органами предварительного расследования. Особенно важны следы папиллярных узоров рук и следы-микрообъекты, которые, как правило, определяют индивидуальную и групповую идентификацию личности [8]. В связи с этим при производстве осмотра места происшествия необходимо принимать меры к обнаружению и изъятию следов рук, обуви, орудий и инструментов совершения преступления.

Необходимо помнить главную криминалистическую аксиому — от «способа преступления к личности преступника». Иностранцы обычно совершают общественно опасные деяния различных категорий, которые предусмотрены Особенной частью Уголовного Кодекса Российской Федерации. В 82 % случаев иностранцы совершают преступления в городах федерального значения, значительно реже в провинции. Много иностранных граждан особенно из государств ближнего зарубежья пребывают на территории Московской и Ленинградской областей [9]. Для совершения преступлений иностранцы выбирают различные места. Однако чаще всего это места нахождения иностранных граждан: съемные квартиры, общежития, вещевые или продовольственные рынки, аэропорты, железнодорожные и автовокзалы. Преступления совершаются мигрантами сезонно, когда они прибывают в Россию на работу.

После совершения преступления иностранные граждане находятся на территории России в течение непродолжительного времени, что обуславливает необходимость производства всех следственных действий в кратчайшие сроки.

Если говорить об обстоятельствах, которые способствуют совершению преступлений иностранными гражданами, то к ним можно отнести: кризис экономики; резкое социально-имущественное расслоение; проживание в различных географических условиях; незаконную миграцию; отсутствие специализированных подразделений по расследованию преступлений, совершаемых мигрантами; противоправное поведение иностранных граждан и россиян, которое способствует совершению в отношении них преступлений; незаконное нахождение иностранных граждан на территории России.

В последние годы иностранные граждане активно используют для совершения преступлений компьютерные технологии. Кроме того, увеличивается количество преступлений, совершаемых иностранцами, но с вовлечением граждан России и других стран. Соответственно, для решения указанной проблемы требуется международная помощь со стороны компетентных органов. Это также обусловлено тем, что правоохранительные органы в ходе производства предварительного расследования сталкиваются с дополнительными трудностями, которые возникают в связи с двойной юрисдикцией иностранного гражданина. Все это часто осложняется отсутствием субъекта преступления на территории Российской Федерации, а если преступление совершено группой лиц — их местонахождением в разных странах. Когда иностранный гражданин, подлежащий привлечению к уголовной ответственности, выехал и находится на территории государства своего гражданства, то путем передачи уголовного преследования другому государству, можно решить вопрос о его привлечении к уголовной ответственности. Благодаря этому получают развитие межгосударственные отношения в сфере борьбы с преступностью, в частности, в сфере уголовного судопроизводства.

Как уже отмечалось выше, преступления, совершаемые иностранцами на территории России, характеризуются повышенным уровнем латентности, но в некоторых странах в общей пирамиде преступности их часть достаточно велика. Так, статистические данные свидетельствуют о том, что ежегодно представители третьих стран совершают преступления: в Монако — 87 %, Германии — 27,8 %, Швейцарии — 40,2 %, Люксембурге — 42,4 % [10].

Из-за расширения масштабов незаконной миграции происходит рост числа таких преступлений. В связи с этим сама международная мигра-

ция становится «интересной» для международной или транснациональной преступности. Создаются преступные схемы транзитного перемещения лиц из одной страны в другую, для совершения ими преступлений, что говорит об устойчивой деятельности международной организованной преступности [11]. Соответственно, проблема международной организованной преступности имеет прямую связь с проблемой незаконной международной миграцией. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и Протокол к ней против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху привела к мировой стандартизации законо-

дательства в области противодействия незаконной миграции. Транснациональная организованная преступность проникла в Россию так глубоко, что стала существенным разрушительным фактором, оказывающим влияние на криминальную обстановку в стране и общество, ощущающее свою незащищенность от преступных посягательств со стороны иностранных граждан.

Таким образом, для борьбы с транснациональной организованной преступностью необходимо провести мировую унификацию законодательства для решения проблем международного сотрудничества в борьбе с современной преступностью.

1. Власов И. С., Голованова Н. А. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ: моногр. М., 2012.

2. Иващук В. К. Расследование преступлений, совершенных иностранными гражданами или в их участии: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

3. Хоршева В. С. Отдельные вопросы расследования преступлений, совершенных иностранными гражданами или с их участием. Научный фундамент практической деятельности по расследованию преступлений: сб. статей междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2017.

4. Уголовные дела за 2013—2018 гг. // Архив Кировского районного суда г. Волгограда.

5. Уголовные дела за 2013—2018 гг. // Архив Кировского районного суда г. Волгограда.

6. Макогон И. В., Косарева Л. В., Косарев В. Н. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: учеб.-метод. пособие. Волгоград, 2011.

7. Уголовные дела за 2014—2016 гг. // Архив Ворошиловского областного суда г. Волгограда.

8. Макогон И. В. Теория и практика использования микрообъектов в расследовании преступлений: учеб. пособие. Волгоград, 2012.

9. Сизов А. А. Особенности досудебного производства по делам о преступлениях, совершенных иностранными гражданами: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006.

10. Кобец П. Н. Особенности предупреждения преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России. М., 2006.

11. Лобач Д. В., Смирнова Е. А. Криминогенная детерминация международного терроризма на современном этапе // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2016. № 4. С. 52—55.

© Макогон И. В., Токарева Е. В., 2019

1. Vlasov I. S., Golovanova N. A. Migration and Crime: a Comparative Legal Analysis. Monograph. Moscow; 2012

2. Ivashchuk V. K. Investigation of crimes committed by foreign citizens or in their participation. Dissertation of candidate juridical sciences. Moscow, 2008.

3. Khorsheva V. S. Selected issues of investigating crimes committed by foreign citizens or with their participation. In: The scientific foundation of practical work on the investigation of crimes: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Samara; 2017

4. Criminal cases for 2013—2018. Archive of the Kirovsky District Court of Volgograd.

5. Criminal cases for 2013—2018. Archive of the Kirovsky District Court of Volgograd.

6. Makogon I. V., Kosareva L. V., Kosarev V. N. Methods of investigation of crimes related to the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances. Textbook. Volgograd; 2011.

7. Criminal cases for 2014—2016. Archive of the Voroshilov Regional Court of Volgograd.

8. Makogon I. V. Theory and practice of using micro-objects in the investigation of crimes. Textbook. Volgograd; 2012.

9. Sizov A. A. Features of pre-trial proceedings in cases of crimes committed by foreign nationals. Dissertation of candidate juridical sciences Voronezh; 2006.

10. Kobets P. N. Features of the prevention of crime of foreign citizens and stateless persons in Russia. Moscow; 2006.

11. Lobach D. V., Smirnova E. A. The criminal determination of international terrorism at the present stage. "Black Holes" in the Russian legislation. 2016; 4: 52—55.

© Makogon I. V., Tokareva E. V., 2019

Макогон Ирина Викторовна,

доцент кафедры предварительного
расследования учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Makogon Irina Viktorovna,

associate professor at the department
of preliminary investigation
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Токарева Екатерина Викторовна,

доцент кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: Ekaterina.tokareva.75@mail.ru

Tokareva Ekaterina Viktorovna,

associate professor at the department
of the criminal process
of the Saint-Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: Ekaterina.tokareva.75@mail.ru

* * *

К. В. Муравьев, А. Б. Соколов, Д. С. Мерлаков

**ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА
ОБЫСКА И ВЫЕМКИ В ЛОМБАРДЕ**

Статья посвящена анализу правовых, организационных и тактических вопросов производства обыска и выемки в ломбарде. Авторы акцентируют внимание на изучении понятия тактико-криминалистического обеспечения производства следственных действий, рассматривают наиболее значимые его компоненты. Такой интерес обусловлен отсутствием единообразного понимания исследуемой категории. Предложено авторское видение тактико-криминалистического обеспечения производства следственных действий, проанализирован правовой режим обыска и выемки в ломбарде, определен правовой статус заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, установлены типичные ситуации, при которых альтернативой выемке в ломбарде может служить производство обыска, выражена позиция о целесообразности получения судебного решения на проведение обыска в ломбарде. Уточнены отдельные аспекты организационно-тактической составляющей производства обыска и выемки в ломбарде, связанные с определением участников, обеспечением внезапности проникновения в ломбард, а также применением тактических приемов.

Ключевые слова: тактико-криминалистическое обеспечение, выемка, обыск, ломбард, судебное решение, тактический прием.

K. V. Muravyev, A. B. Sokolov, D. S. Merlakov

**TACTICAL AND CRIMINALISTIC SUPPORT OF PRODUCTION
OF SEARCH AND SEIZURE IN THE PAWNSHOP**

The article is devoted to the consideration of legal, organizational and tactical issues of the search and seizure in a pawnshop. The authors focus on the study of the concept of tactical and criminalistic support for the production of investigative actions, consider its most significant components. This interest is due to the lack of a uniform understanding of the category under study. The author's vision of the tactical and criminalistic support of investigative actions is proposed, the legal regime of the search and seizure at the pawnshop is investigated, the legal status of the things pledged or deposited at the pawnshop is determined, typical situations are established in which the search can be an alternative to seizure at the pawnshop, expressed position on the advisability of obtaining a judicial decision to conduct a search in a pawnshop. Specific aspects of the organizational and tactical component of the search and seizure in the pawnshop are clarified, which are associated with the identification of participants, ensuring the suddenness of penetration into the pawnshop, as well as the use of tactical techniques.

Key words: tactical and criminalistic support, seizure, search, pawnshop, court decision, tactical technique.

Поиск новых и оптимизация имеющихся способов повышения производительности деятельности следователя, дознавателя, в том числе по проведению следственных действий, всегда имеет особую актуальность. Одним из путей достижения указанных целей является совершенствование тактико-криминалистического обеспечения следственных действий. Динамичное развитие уголовно-процессуального законодательства, низкое качество сформированных навыков и умений практического

сотрудника по реализации криминалистических рекомендаций в области тактики производства следственных действий отрицательно сказываются не только на организации, но и на эффективности деятельности по расследованию преступлений.

Понятие «криминалистическое обеспечение» введено В. Г. Коломацким. Он считает, что данная категория охватывает систему внедрения в практическую деятельность должностных лиц, подразделений, служб и органов внутренних дел

по охране общественного порядке и борьбе с преступностью криминалистических знаний, воплощенных в умении использовать научные, методические и тактические рекомендации, технико-криминалистические средства и технологии их применения [1, с. 62].

По мнению Р.С. Белкина, криминалистическое обеспечение представляет собой систему знаний и основанных на них навыков и умений сотрудников использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений [1, с. 64].

Приведенные определения ученых имеют незначительные отличия. В. Г. Коломацкий представляет динамическую модель криминалистического обеспечения — систему внедрения знаний, воплощенных в умения, а Р. С. Белкин — статическую модель — систему знаний и основанных на них навыков и умений.

Исследуемая категория подвергнута анализу в трудах и иных ученых. Так, В. Ю. Сокол считает, что криминалистическое обеспечение — это особая организационно-функциональная система, направленная на формирование и поддержание на определенном уровне постоянной готовности работников правоохранительных органов к систематическому использованию в практической деятельности криминалистического арсенала средств борьбы с преступностью, а также на реализацию этой готовности в каждом случае раскрытия и расследования преступления, обусловленном конкретной оперативно-разыскной или следственной ситуацией [3, с. 57]. Представляется, что указание автором на ситуационный компонент позволяет конкретизировать приемы, средства и методы криминалистического арсенала средств борьбы с преступностью применительно к конкретной складывающейся ситуации.

Интересным представляется мнение А. Ф. Волынского, который под криминалистическим обеспечением понимает комплексную по своему содержанию деятельность, направленную на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций, а также на реализацию такой готовности в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений [4, с. 55].

Анализ приведенных мнений ученых позволяет определить криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как систему,

т. е. нечто целое, представляющее собой единство находящихся во взаимной связи элементов. Одним из них является тактико-криминалистическое обеспечение. Э. К. Горячев и И. В. Тишутина верно, на наш взгляд, указывают на то, что подсистема тактико-криминалистического обеспечения имеет двухуровневую систему деятельности, направленной на создание условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистических методов, средств и рекомендаций (первый уровень) и реализацию таких условий в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений (второй уровень).

Основой создания условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистических методов и средств является научная разработанность тактических приемов и рекомендаций, а эффективность их применения зависит от состояния правового регулирования, организации и тактико-криминалистической подготовки кадров, т. е. тех элементов, которые составляют подсистему тактико-криминалистического обеспечения [5, с. 20—21, 29].

С учетом изложенного полагаем, что тактико-криминалистическое обеспечение представляет собой систему тактических приемов, рекомендаций и криминалистических средств, правовых и организационных составляющих, внедрения их в правоприменительную деятельность в целях быстрого и эффективного раскрытия и расследования преступлений. При этом нужно иметь в виду, что содержание и развитие тактико-криминалистического обеспечения основывается, с одной стороны, на нормах уголовно-процессуального права, с другой — на анализе следственной и судебной практики [6, с. 48].

Одним из распространенных способов получения доказательств по уголовным делам является производство обыска и выемки. Отдельные элементы тактико-криминалистического обеспечения производства данных следственных действий в ломбарде рассмотрены не в полной мере.

Так, Федеральным законом от 3 декабря 2007 г. № 322-ФЗ в ч. 2 ст. 29 и ч. 3 ст. 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) внесены изменения, в соответствии с которыми выемка вещей, заложенных или сданных на хранение в ломбард, производится на основании судебного решения. Полномочиями по вынесению постановления о разрешении выемки в ломбарде обладает судья районного суда.

Получение судебного решения на производство выемки заложенной или сданной на хране-

ние в ломбард вещи происходит в целях обеспечения дополнительных гарантий против незаконного и необоснованного изъятия вещей, имеющих значительную ценность, из распоряжения другими лицами. В ходатайстве следователя (дознавателя) и вынесенном в результате его рассмотрения постановлении суда (в случае удовлетворения) должны быть отражены конкретные сведения, подтверждающие необходимость производства такой выемки и то, что определенные объекты (индивидуальные характеристики предмета — форма, размер, цвет и иные) имеют отношение к расследуемому уголовному делу.

Следует учитывать, что ломбард — это юридическое лицо — специализированная коммерческая организация, основными видами деятельности которой являются предоставление краткосрочных займов гражданам и хранение вещей (ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ «О ломбардах» [7]). Данной организации запрещается заниматься какой-либо иной предпринимательской деятельностью, кроме предоставления краткосрочных займов гражданам, хранения вещей, а также оказания консультационных и информационных услуг (ч. 4 ст. 2). Ломбард не вправе пользоваться и распоряжаться заложенными и сданными на хранение вещами (ч. 4 ст. 5). Вещь считается заложенной с момента получения заемщиком суммы займа и передачи ломбарду вещи, что подтверждается договором займа, который оформляется в виде залогового билета, являющегося бланком строгой отчетности (чч. 2, 3 ст. 7).

Фактическим основанием для обращения в суд с ходатайством о производстве выемки служат данные (доказательства, а равно результаты оперативно-разыскной деятельности, согласующиеся с имеющимися в деле доказательствами), указывающие на то, что искомая вещь в установленном законом порядке заложена или сдана на хранение в ломбард.

В ряде случаев основания для проведения выемки в ломбарде появляются в связи с обнаружением и изъятием в установленном законом порядке залогового билета у подозреваемого, обвиняемого. Важное доказательственное значение имеет информация, изложенная в его графах. Здесь указываются сведения о лице, заложившем в ломбард вещь, дата и время интересующего события, сведения о заемщике. Один экземпляр залогового билета выдается заемщику, другой остается в ломбарде. Сведения в залоговый билет вносятся собственноручно и могут быть использова-

ны в дальнейшем при назначении и производстве судебной почерковедческой экспертизы.

В соответствии с ч. 7 ст. 2 Федерального закона «О ломбардах» в местах хранения заложённых и сданных на хранение вещей не допускается хранение предметов, не являющихся таковыми. Однако практика показывает, что сотрудники ломбарда нередко приобретают вещи у граждан без составления соответствующих документов — залогового билета, так как граждане изначально заявляют об отказе их выкупать в дальнейшем. При расследовании уголовных дел правоприменитель нередко сталкивается с проблемой реализации подозреваемыми или обвиняемыми похищенных вещей в ломбарды, необходимостью их изъятия и противодействием сотрудников ломбарда в виде препятствия проникновению в помещения и сокрытия искомого предмета, относящегося к уголовному делу.

Интерес представляет деятельность следователя (дознавателя) в ситуации, когда вещь, имеющая отношение к уголовному делу, приобретена сотрудником ломбарда без составления соответствующих документов. Такая вещь может быть изъята на основании постановления следователя, поскольку в ч. 3 ст. 183 УПК РФ указывается на необходимость получения судебного решения для проведения выемки именно той вещи, которая заложена или сдана на хранение в ломбард.

Альтернативой выемке служит принятие решения о производстве обыска в ломбарде. Проведение поисковых действий в ломбарде целесообразно, например, в случаях:

а) когда из показаний подозреваемого, обвиняемого следует, что похищенный предмет реализован сотруднику ломбарда, но тот не составлял залогового билета;

б) похищенный предмет заложён в ломбард, однако залоговый билет утрачен (утерян, уничтожен);

в) о нахождении предмета, имеющего значение для уголовного дела, в ломбарде стало известно в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Своевременное и эффективное проведение обыска в ломбарде способствует изъятию предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для уголовного дела, раскрытию преступления, получению дополнительных доказательств, возмещению причиненного ущерба потерпевшим.

Спорным является вопрос о необходимости получения судебного разрешения на проведение

обыска в ломбарде. Закон этот вопрос прямо не регулирует. Большинство опрошенных нами следователей, дознавателей указали, что не считают необходимым в этом случае обращаться в суд. Вместе с тем мы разделяем позицию процессуалистов о том, что производство обыска в ломбарде в целях обнаружения и изъятия заложенной или сданной на хранение вещи, несмотря на отсутствие такого требования в УПК РФ, должно осуществляться на основании судебного решения. Анализ ст. 35 Конституции Российской Федерации позволяет указать, что независимо от вида следственного действия, проводимого в ломбарде, изъятие вещи требует постановления суда [8, с. 60]. При этом в случаях, когда производство обыска в ломбарде для обнаружения и изъятия вещи не терпит отлагательства, рассматриваемое следственное действие может быть осуществлено на основании постановления следователя без получения судебного решения, с уведомлением судьи и прокурора о его проведении и направлением им копии постановления и протокола о производстве обыска в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

Говоря об организационно-тактической составляющей производства обыска и выемки в ломбарде, обратим внимание на наиболее существенные направления:

1. Определение участников следственного действия. Результаты проведенного исследования показали, что, как правило, субъектами обыска (выемки) в ломбарде являются только следователь (дознаватель) и сотрудники оперативных подразделений (78,6 % изученных уголовных дел). Считаем целесообразным в отдельных случаях привлечение специалиста-криминалиста (участвовал в 7,1 % производств), в обязанности которого входит применение технических средств обнаружения, фиксации хода и результатов следственных действий. Он может оказывать помощь в определении средств упаковки искомого предмета с учетом присущих ему характеристик.

При проведении обыска обязательно участие понятых, хотя их приглашение не исключается и при проведении выемки. Кроме того, к производству обыска целесообразно привлечение потерпевших и свидетелей, подозреваемых и обвиняемых, которые могут отождествить искомый предмет из имеющихся в ломбарде (указание на привлечение потерпевших содержалось в 3,6 % изученных протоколов обысков, проведенных в ломбарде).

2. Обеспечение внезапности проникновения в ломбард для производства обыска (выемки).

Неожиданность, скрытность прибытия на место проведения следственного действия может быть обеспечена при соблюдении таких рекомендаций, как:

— средства транспорта оставлять на некотором удалении от ломбарда;

— с момента прибытия к месту производства обыска (выемки) обеспечивать наблюдение за окнами, запасным входом (выходом) с тем, чтобы исключить сокрытие искомого имущества, а также возможность определенных лиц покинуть помещение ломбарда.

В большинстве случаев проблем с проникновением в помещение ломбарда не возникает. Обычно предоставляется свободный вход. Однако в случаях когда сотрудник ломбарда препятствует проникновению к месту производства обыска (выемки), следователь (дознаватель), руководствуясь ч. 6 ст. 182 УПК РФ, вправе использовать принуждение. При необходимости незамедлительно предпринимаются действия по пресечению уничтожения либо сокрытия искомым предметом.

3. Определение тактических приемов обыска в ломбарде. Целесообразно при поиске предмета, имеющего значение для уголовного дела, применять: встречный метод (лица, осуществляющие поисковые действия движутся друг к другу), сплошное или выборочное (частичное) обследование, измерение, простукивание, прощупывание, просматривание закрытых полостей через малые отверстия с применением оптических систем типа эндоскоп, пересыпание сыпучих веществ, переливание жидкостей. Кроме того, эффективным является метод наблюдения за поведением сотрудника ломбарда в помещении, где производится обыск. Он может быть реализован различными способами: «анализ реакций», «словесная разведка» и т. п. Тактические приемы обыска рассмотрены в специальной литературе [9, с. 268]; [10, с. 84]; [11, с. 154—158].

В завершение отметим, что тактико-криминалистическое обеспечение производства обыска и выемки заложенной или сданной на хранение вещи в ломбард продолжает совершенствоваться. Знание сущности, значения и возможностей тактико-криминалистического обеспечения производства рассматриваемых следственных действий позволяет оптимальным образом определить деятельность следователя (дознавателя) по подготовке и производству обыска и выемки заложенной или сданной на хранение вещи в ломбарде.

Примечание

* Изучено 56 уголовных дел, находящихся в производстве следственных подразделений Пермского края, Иркутской и Омской областей.

1. Коломацкий В. Г. Криминалистическое обеспечение деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений // Криминалистика. М., 1994. Т. 1.

2. Белкин Р. С. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. М., 1997.

3. Сокол В. Ю. Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений (методологические и организационные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

4. Волынский А. Ф. Криминалистика: учебник. М., 2009.

5. Горячев Э. К., Тишутина И. В. Тактико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. М., 2006.

6. Богусловский А. В., Ткачук Т. А. Сущность тактико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Вестник Владимирского юридического института № 4 (13). Владимир, 2009.

7. О ломбардах: федер. закон от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Пилюшин И. П. Основания и порядок производства следственных действий в ломбарде // Законодательство и практика. 2014. № 1.

9. Иванов А. Н. Производство обыска: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты: учеб. пособие. Саратов, 2010.

10. Ахмедшин Р. Л. Некоторые психологические аспекты проведения обыска // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 348.

11. Соколов А. Б. Тактические приемы производства обыска в жилище. Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. трудов. Иркутск, 2016. Вып. 7.

© Муравьев К. В., Соколов А. Б.,
Мерлаков Д. С., 2019

1. Kolomatsky V. G. Forensic support for the activities of internal affairs agencies in the investigation of crimes. Criminology. Moscow; 1994; 1.

2. Belkin R. S. Forensic support for the activities of criminal police and preliminary investigation bodies. Moscow; 1997.

3. Falcon V. Yu. Tactical and forensic support for the disclosure and investigation of crimes (methodological and organizational aspects). Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 1998.

4. Volynsky A. F. Forensics. Textbook. Moscow; 2009.

5. Goryachev E. K., Tishutina I. V. Tactical and forensic support for crime investigation. Moscow; 2006.

6. Boguslovsky A. V., Tkachuk T. A. The essence of tactical and criminalistic support for the disclosure and investigation of crimes. Bulletin of the Vladimir Law Institute 2009: 13 (4).

7. Federal law No. 196-ФЗ of 19 July 2007. On pawnshops. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

8. Pilyushin I. P. The grounds and procedure for the production of investigative actions at a pawnshop. Legislation and practice. 2014; 1.

9. Ivanov A. N. Search: criminal procedure and criminal list aspects. Tutorial. Saratov; 2010.

10. Ahmedshin R. L. Some psychological aspects of the search. Bulletin of Tomsk State University. 2011; 348.

11. Sokolov A. B. Tactical search techniques in the home. In: Forensics: yesterday, today, tomorrow: collection of scientific articles. Irkutsk; 2016; 7.

© Muravyev K. V., Sokolov A. B.,
Merlakov D. S., 2019

Муравьев Кирилл Владимирович,
начальник кафедры криминалистики
Омской академии МВД России
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: murki@list.ru

Соколов Андрей Борисович,
доцент кафедры криминалистики
Омской академии МВД России
кандидат юридических наук;
e-mail: Andrey.perm@mail.ru

Мерлаков Данил Сергеевич,
преподаватель кафедры криминалистики
Омской академии МВД России;
e-mail: Merlakov@gmail.com

Muravyev Kirill Vladimirovich,
head of the department of criminalistics
of the Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: murki@list.ru

Sokolov Andrey Borisovich,
associate professor at the department
of criminalistics of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
candidate of juridical sciences;
e-mail: Andrey.perm@mail.ru

Merlakov Danil Sergejevich,
lecturer at the department of criminalistics
of the Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: Merlakov@gmail.com

* * *

С. Д. Назаров, Д. А. Морозова

**ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ,
ОГРАНИЧИВАЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН,
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ**

Ограничение конституционных прав и свобод граждан в нашей стране осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовным кодексом Российской Федерации, а также другими нормативными правовыми актами как федерального, так и ведомственного уровня.

Проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении несовершеннолетних лиц, связанных с ограничением их конституционных прав, осуществляется на основании судебного решения в рамках расследования по уголовному делу или ведения дела оперативного учета.

В большинстве случаев проведение оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением прав и свобод несовершеннолетних, осуществляется в ходе розыска лиц, без вести пропавших, для установления местонахождения лиц, совершивших преступления или причастных к совершению преступлений.

Проведение оперативно-розыскных мероприятий судебного санкционирования предполагает наличие определенных условий и особенностей. В настоящей статье осуществляется анализ данных условий и особенностей проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права несовершеннолетних граждан с дальнейшими предложениями по совершенствованию оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства в данной части.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права и свободы человека и гражданина, ограничение конституционных прав граждан, ограничение прав и свобод несовершеннолетних лиц, судебное решение.

S. D. Nazarov. D. A. Morozova

**THE CONDUCT OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE MEASURES RESTRICTING
THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS IN RELATION TO MINORS**

Restriction of the constitutional rights and freedoms of the citizens in our country is carried out in accordance with the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law "On operational investigative activity", the Criminal Code of the Russian Federation, as well as other regulatory legal acts, both of the federal and departmental level.

The conduct of operational investigative measures against minors related to the limitation of their constitutional rights is carried out on the basis of a court decision in the framework of investigation in a criminal case or conducting a case of operational records.

In most cases, the OIM related to limiting the rights and freedoms of minors is carried out during the search for persons missing, as well as to establish the whereabouts of persons who committed or were involved in commission of crimes.

The conduct of operational investigative measures of judicial authorization implies the availability of certain conditions and features necessary for compliance. This article analyzes these conditions and features of the OIM, restricting the constitutional rights of minors with further proposals to improve the operational investigative and procedural legislation in this part.

Key words: operational investigative measures restricting the constitutional rights and freedoms of the man and citizen, limitation of the constitutional rights of citizens, limitation of the rights and freedoms of minors, a court decision.

Обеспечение прав и свобод гражданина является концептуальной основой деятельности и предназначением полиции [1, с. 34]. Задача предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, защиты детей, их прав и законных интересов является первоочередной для правоохранительных органов.

Ограничение конституционных прав и свобод граждан в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, оперативно-разыскным и уголовно-процессуальным законодательством в рамках как возбужденного уголовного дела, так и заведенного дела оперативного учета (далее — ДОУ). В первом случае инициатором может выступать орган дознания и следствия, во втором — оперативное подразделение, ведущее определенное ДОУ.

Необходимо отметить, что конституционное ограничение прав и свобод граждан осуществляется на общих основаниях, единственным исключением является проведение ОРМ, связанных с ограничением прав и свобод несовершеннолетних лиц. Именно этот вопрос будет рассмотрен более подробно.

В соответствии с законодательством, регулирующим проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права несовершеннолетних, в течение последних нескольких лет для максимального соблюдения их прав и свобод, а также для минимизации воздействия негативных последствий на них был разработан и внесен комплекс дополнений и изменений в нормативные правовые акты: Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, а также в федеральные законы «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», «О средствах массовой информации» и «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [2, с. 29].

Анализ указанных нормативных правовых актов показал, что законодателем был введен запрет на распространение сведений, идентифицирующих личность потерпевшего или свидетеля, не достигшего 16 лет, установлено обязательное участие в ходе ОРМ в отношении несовершеннолетних лиц педагога, психолога или законного представителя, а органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, получили право проводить ОРМ по судебному решению

в отношении несовершеннолетних лиц, пропавших без вести, на основании мотивированного постановления руководителя оперативного подразделения в рамках ведения ДОУ, что ранее являлось проблематичным.

Развитие общества подталкивает к разработке и применению новых методов в различных сферах человеческой деятельности. Наряду с совершенствованием информационных технологий и социальной интеграцией населения возникают явления и процессы, негативным образом влияющие на различные социальные группы, в частности на несовершеннолетних. Подростковый возраст — важный этап социализации личности. По мнению психологов А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского, «социализация — процесс взаимодействия людей, в ходе которого они приобретают знания, взгляды, принципы, усваивают правила поведения, необходимые для успешной жизни в обществе, становятся личностью» [3, с. 43]. Менее полувека назад социализация подросткового поколения заключалась в непосредственном общении и взаимодействии во всех сферах общества. Развитие и распространение всемирной сети «Интернет» оказало как положительное, так и отрицательное влияние на социум, в том числе на формирование понятия норм морали и ценностей несовершеннолетних лиц.

Необходимо отметить, что часто несовершеннолетние лица в силу психологической неустойчивости и возраста покидают свой дом, безвестно отсутствуют определенное время, нередко становясь жертвами или свидетелями совершенных преступлений. Проведение оперативными подразделениями комплекса ОРМ, включая ОРМ ограничивающего характера, способствует быстрому установлению местонахождения несовершеннолетних лиц, без вести пропавших, а также розыску преступников, не достигших 16 лет, или установлению личности неопознанных трупов.

Как показывает практика, в некоторых случаях безвестное исчезновение несовершеннолетних лиц непосредственно связано с тем, насколько активно разыскиваемый использует ресурсы сети «Интернет». Сегодня подавляющее большинство подростков зарегистрированы в социальных сетях, позволяющих им в той или иной мере реализоваться в обществе. В попытке соответствовать модным тенденциям, самоутвердиться и укрепить свой авторитет несовершеннолетние лица совершают побеги из дома или спецучреждения с целью скрыть свое местонахождение и тем самым привлечь внимание к своей личности. Однако не обладающие необходимыми жизненными умениями, навыками и опытом они начинают вести

бродяжнический или антиобщественный образ жизни и нередко становятся жертвами преступлений. Для предупреждения совершения преступлений в отношении несовершеннолетних лиц нужно проведение соответствующей профилактической работы. В настоящее время на территории Волгоградской области действует Закон Волгоградской области «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Волгоградской области» от 31 октября 2002 г. № 748-ОД. Однако он не содержит мер по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, которые должны приниматься органами и учреждениями, осуществляющими профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. С учетом положительного опыта действующего на территории Краснодарского края Закона «О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае» от 21 июля 2008 г. № 1539-КЗ, предусматривающего конкретные меры по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, касающиеся их пребывания в общественных местах в ночное время без сопровождения законных представителей [4] (за 2018 г. в Краснодарском крае установлено около 1,5 тыс. лиц, без вести пропавших [5]), считаем целесообразным внести соответствующие изменения в названный выше Закон Волгоградской области в части, касающейся определения исчерпывающих мер по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [6].

Проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, в части установления местонахождения несовершеннолетних лиц, пропавших без вести или причастных к совершению преступного деяния, производится на основании судебного решения, получаемого сотрудниками оперативных подразделений, а также с учетом разрешения законного представителя либо органа опеки и попечительства.

Проведение ОРМ закон непосредственно связывает с возникновением, изменением и прекращением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений на досудебной стадии уголовного преследования, регламентирование которых осуществляется в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — ФЗ «Об ОРД»).

Поскольку значительная часть преступлений, совершаемых несовершеннолетними, носит латентный характер, оперативно-розыскная деятельность является одним из приоритетных направле-

ний, позволяющих получить наиболее широкий спектр информации. Однако нужно отметить, что сведения, полученные в ходе ОРД, не имеют статус доказательственной информации, для дальнейшего использования в качестве доказательств в рамках уголовного дела их необходимо рассекретить. Решение об этом принимается совместно руководителем оперативного и следственного органов.

Стоит обратить внимание на то, что несовершеннолетнее лицо может выступать в качестве как потерпевшего, так и свидетеля по уголовному делу, при этом иметь одинаково равные права на защиту и соблюдение конституционных прав при проведении ОРМ. В связи с этим на оперативных сотрудников возлагается обязанность обеспечить реализацию права на квалифицированную юридическую помощь путем предоставления возможности свободно выбрать себе защитника или привлечения адвоката по назначению для участия в ОРМ. Однако согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ участие адвоката в осуществлении ОРД не предусмотрено, так как это может повлечь нарушение принципов конспирации и секретности. Данный прецедент был учтен Конституционным Судом Российской Федерации, который предусмотрел возможность ограничения конституционных прав и свобод несовершеннолетних лиц при проведении ОРМ в случаях, не терпящих отлагательства [7, с. 14]. По их окончании несовершеннолетнее лицо, в отношении которого осуществлялось ОРМ, вправе требовать обеспечения квалифицированной юридической помощи с учетом всех условий и особенностей на общих основаниях.

Участие законных представителей, педагогов и психологов в ходе проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, но имеющих конспиративный, закрытый характер, не допускается. Обязательно получение разрешения на проведение ОРМ в отношении несовершеннолетнего лица, являющееся условием, предусмотренным как оперативно-розыскным, так и уголовно-процессуальным законодательством.

В ходе проведения ОРМ, связанных с ограничением конституционных прав и свобод несовершеннолетних лиц, инициаторам и исполнителям необходимо учитывать уровень интеллектуального и физического развития несовершеннолетнего — объекта ОРМ. Подробный анализ его психотипа, особенностей поведения и образа жизни позволяет оценить спектр и направление осуществления розыска безвестно отсутствующего лица, установить лиц, причастных к совершению преступления либо ставших его жертвами.

Среди ряда юридических наук изучением поведенческих особенностей личности жертвы совершенного преступного деяния занимается виктимология. Помимо личности жертвы она изучает факторы и условия, способствующие нарушению прав личности и возникновению данных правовых отношений.

Располагая иногда масштабным и высокотехничным комплексом средств ОРД, сотрудники оперативных подразделений, занимающихся проведением ОРМ, связанных с ограничением прав, не делают акцента на изучении качеств личности несовершеннолетнего, его внутреннего мира, а также жизненных установок и ценностей, что является определяющей стороной в ходе проведения ОРМ в отношении указанной категории лиц. Считаю, что более тщательное изучение психологии поведения несовершеннолетнего лица, взаимодействие с различными официальными подростковыми организациями и неформальными обществами позволит сотрудникам, осуществляющим ОРД, более качественно и оперативно проводить ОРМ, направленные на установление безвестно отсутствующих несовершеннолетних и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших или причастных к совершенным преступлениям.

В заключение считаю важным отметить следующие векторы повышения качества и эффективности проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, в отношении несовершеннолетних лиц, а также предупреждения и раскрытия преступления с их участием:

— проанализировать положительный законодательный опыт Краснодарского края и внести изменения в Закон Волгоградской области «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Волгоградской области» от 31 октября

2002 г. № 748-ОД в части, касающейся определения исчерпывающих мер по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетними. В данном контексте установить ограничения для передвижения несовершеннолетних в ночное время и их нахождения в увеселительных учреждениях без сопровождения законных представителей;

— организовать усиленное взаимодействие оперативных органов, являющихся инициаторами проведения ОРМ в отношении несовершеннолетних, связанных с ограничением их конституционных прав, с различными официальными подростковыми организациями и неформальными сообществами в целях изучения психологии поведения несовершеннолетних лиц;

— активизировать усилия по совершенствованию взаимодействия между розыскными подразделениями и другими службами ОВД, органами внутренних дел и иными правоохранительными органами на основе современных информационно-поисковых систем межслужебного пользования.

В завершение отметим, что, несмотря на наличие достаточного количества нормативных правовых актов, прямо или косвенно регулирующих осуществление ОРД в отношении несовершеннолетних лиц, важными направлениями были и остаются изучение психологии поведения несовершеннолетних, анализ мотивов, побуждающих их к тем или иным действиям. Таким образом, дальнейшее совершенствование сферы законодательства, использование положительного опыта других регионов, усиление взаимодействия между оперативными подразделениями и другими официальными организациями позволят повысить качество проведения ОРМ в отношении несовершеннолетних лиц и улучшить профилактическую работу в сфере безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

1. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Комахин Б. Н. Преступность несовершеннолетних: новые решения и новые проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 4.

2. Кузнецов В. А. Реализация конституционного права несовершеннолетнего на квалифицированную юридическую помощь при проведении оперативно-розыскных мероприятий оперативными подразделениями органов внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40).

3. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология: словарь. М., 1990.

1. Bogdanov A. V., Khazov E. N., Komakhin B. N. Juvenile delinquency: new solutions and new problems. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013; 4.

2. Kuznetsov V. A. The implementation of the constitutional right of a minor to qualified legal assistance during operational-search measures by operational units of the internal affairs bodies. Jurisprudence and law enforcement practice. 2017; 40 (2).

3. Petrovsky A. V., Yaroshevsky M. G. Psychology: Dictionary. Moscow; 1990.

4. О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае: закон Краснодарского края от 21 июля 2008 г. № 1539-КЗ. URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/5101.html> (дата обращения: 02.09.2019).

5. По данным ИЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю за 2018 г. URL: <https://www.kubved.ru> (дата обращения: 02.09.2019).

6. Смагоринский Б. П., Морозова Д. А. Проблемы оперативно-разыскных мероприятий, направленных на розыск лиц, пропавших без вести (по материалам Волгоградской области) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1 (40).

7. Бахта А. С., Вагин О. А., Чечетин А. Е. Вопросы оперативно-розыскной деятельности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: науч.-практ. пособие. Хабаровск, 2012.

© Назаров С. Д., Морозова Д. А., 2019

Назаров Сергей Дмитриевич,
председатель Волгоградского
областного совета ветеранов,
кандидат юридических наук, профессор;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Морозова Дарья Александровна,
преподаватель кафедры огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: Dj_dashutka-007@mail.ru

4. The law of the Krasnodar Territory No. 1539-KZ of 21 July 2008. On measures to prevent neglect and juvenile delinquency in the Krasnodar Territory. Available from: URL: <https://www.yuga.ru/articles/society/5101.html>. Accessed: 2 September 2019.

5. According to the information center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Krasnodar Territory for 2018. Available from: <https://www.kubved.ru>. Accessed: 2 September 2019.

6. Smagorinsky B. P., Morozova D. A. Problems of operational-search measures aimed at searching for missing persons (based on materials from the Volgograd region). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017; 40 (1).

7. Bakhta A. S., Vagin O. A., Chechetin A. E. Issues of operational-search activity in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Textbook. Khabarovsk; 2012.

© Nazarov S. D., Morozova D. A., 2019

Nazarov Sergey Dmitrievich,
head of the Volgograd
regional council of veterans,
candidate of juridical sciences, professor;
e-mail: volakdm@va-mvd.ru

Morozova Daria Alexandrovna,
lecturer at the fire training department
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: Dj_dashutka-007@mail.ru

* * *

О. А. Попова

**НЕГАТИВНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА:
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

В статье исследованы проблемы установления негативных обстоятельств в процессе ретроспективного анализа происшедшего события. Рассмотрены существующие определения негативных обстоятельств. Обращено внимание на то, что среди ученых и правоприменителей нет единого мнения об их сущности, а преобладающее в науке понятие не содержит всех основных признаков данного явления. Подчеркнут объективный характер негативных обстоятельств. Предложено рассматривать их во взаимосвязи с отдельными категориями теории доказательств как доказательственный факт, опровергающий согласующиеся между собой доказательственные факты. Раскрыто криминалистическое и процессуальное значение установления негативных обстоятельств. Отмечено, что факт их выявления не есть безусловное основание для выдвижения версии об инсценировке преступления. Сформулированы предложения по совершенствованию деятельности следователя, направленной на выявление, проверку и оценку негативных обстоятельств, а также на использование полученных данных в организации расследования и процессе доказывания.

Ключевые слова: негативные обстоятельства, доказательственный факт, расследование, версия, инсценировка.

О. А. Popova

NEGATIVE CIRCUMSTANCES: CRIMINALISTICS AND PROCEDURAL ASPECTS

The article touches upon the issues of determining negative circumstances in the process of look-back study of the event that has taken place. The article reviewed existing definitions of negative circumstances. It was also noted, that among law-enforcers, there is no consensus on the concept of negative circumstances, and the prevailing concept, existing in science, does not contain all the key manifestations of this phenomenon. It was underlined, that negative circumstances are objective. It was suggested to consider negative circumstances in conjunction with separate categories of evidence theory as fact of evidence, which disprove consistent fact of evidence. The forensic and procedural importance of setting negative circumstances was explained. It is pointed out that the fact of negative circumstances setting is not an incontestable ground for providing investigative leads of a mock crime. Suggestions were formulated on investigator's activity improvement, aimed at revealing and evaluating negative circumstances, as well as the using in the collected data in the investigation arrangement and in the evidentiary process.

Key words: negative circumstances, evidential circumstances, investigation, version, mock trail.

Перед органами внутренних дел стоят задачи обеспечения своевременного качественного расследования преступлений, использования имеющихся возможностей для повышения его интенсивности. Расследование преступлений представляет собой сложный процесс поиска и анализа следов, взаимодействия с лицами, вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства. Его качество зависит от многих факторов [1]; [2], но прежде всего от профессионализма следователя: стремле-

ния обеспечить полноту собранных сведений, умения оценить полученные данные и принять на их основе правильное решение.

Анализируя собранные по делу доказательства, следователь выдвигает обоснованные предположения относительно события преступления в целом или его отдельных обстоятельств — версии. Мысленно моделируя происшедшее события в соответствии с выдвинутой версией, исходя из знаний о закономерностях возникновения следов

преступления, следователь может сделать обоснованный вывод о том, какие следы должны были образоваться, если его предположение верно. «Отсутствие отдельных фактов, которые обычно имеются, если версия верна», называют негативными обстоятельствами [3]; [4]. Учение о них не является новым в криминалистике, однако имеющиеся определения не раскрывают его сущности. Отдельные авторы иллюстрируют данный термин примерами, при этом не формулируют понятия [5]; [6].

Научные дефиниции негативных обстоятельств можно условно разделить на три группы. В первой они трактуются как *отсутствие* «отдельных фактов» [3]; [4]; [7], «тех следов и признаков, которые в данном случае должны быть в наличии» [8], «фактов, которые должны быть при естественном ходе событий в соответствии с данной версией» [9]. Необходимо отметить, что «факт отсутствия», не согласующийся с другими собранными по делу доказательствами, может одновременно находиться в логической взаимосвязи с «фактом наличия». Так, факт наличия между оконными стеклами нетронутой паутины соответствует факту отсутствия проникновения через данное окно. Отсюда рассматривать негативные обстоятельства исключительно как факты отсутствия нецелесообразно.

Вторая группа авторов обоснованно включает в приведенные выше определения наряду с отсутствием *наличие* «обстоятельств, которых не должно быть» [10]; [11]; [12].

Ученые третьей группы, углубляясь в исследование рассматриваемого феномена, полагают, что негативные обстоятельства представляют собой *противоречие*. При этом объект, которому они противоречат, определен неоднозначно. В разных дефинициях в качестве такого выступают «установленный механизм преступления» [12], «объективные закономерности образования следов» [13], «ход события, о котором сообщил потерпевший» [14], «обычный для подобных ситуаций ход вещей» [14]; [15], «представление об обычном ходе вещей в данной ситуации» [16].

Для уяснения сущности негативных обстоятельств целесообразно обратиться к являющемуся частью теории доказательств понятию доказательственных фактов — «фактов, не имеющих уголовно-правового значения, но служащих для установления главного факта» (главные факты — факты, из которых складывается уголовно наказуемое деяние, содержащее объективные и субъективные элементы состава преступления) [17].

Собирая доказательственные факты, служащие также закрепленной в процессуальном порядке криминалистически значимой информацией, следователь формирует информационное поле, в рамках которого может сравнивать возникающую при этом картину преступления с разработанными криминалистикой типичными для определенных видов преступлений моделями: соизмерять мысленный образ должного с реально имеющимся, на основе чего делать выводы об их соответствии друг другу. Обнаруженное несоответствие представляет собой негативное обстоятельство.

На основе изложенного можно выделить ряд существенных признаков негативных обстоятельств:

— негативные обстоятельства выявляются в познавательной деятельности следователя, направленной на сбор и оценку доказательств;

— негативные обстоятельства представляют собой установленный в ходе этого процесса доказательственный факт;

— данный факт проявляется в виде его противоречия совокупности собранных на определенном этапе расследования доказательственных фактов, позволяющих объяснить событие преступления в целом или его отдельные элементы (выдвигать версии);

— такое противоречие может принимать как форму отсутствия отдельных фактов (материальных и идеальных следов), которые в соответствии с объективными закономерностями следообразования должны быть в наличии, так и форму наличия тех следов, которые по объективным закономерностям следообразования не должны были возникнуть в данных обстоятельствах, а также выражаться в форме несоответствия доказательственных фактов друг другу (например, противоречие в показаниях; несоответствие трупных пятен ложу трупа, несоответствие размеров похищенных предметов величине пролома, через который они предположительно были извлечены из помещения и т. п.).

Таким образом, негативные обстоятельства можно определить как доказательственный факт, выявленный в результате познавательной деятельности следователя по ретроспективному анализу расследуемого события, противоречащий установленным доказательственным фактам, согласующимся между собой.

Несмотря на то что обнаружение негативных обстоятельств — это результат мыслительной деятельности лица, анализирующего криминалистически значимую информацию, нужно признать, что сами они носят объективный характер,

т. е. существуют независимо от субъективной оценки данного лица. Необходимо согласиться с В. Н. Карагодиным, утверждающим, что невозможность возникновения обнаруженных следов так же, как неизбежность возникновения других (в действительности не сформировавшихся), обусловлена наличием закономерных связей, детерминирующих возникновение определенных следов [10], поэтому не сами объективно существующие негативные обстоятельства, а лишь возможность их выявления находится в зависимости от личных и деловых качеств лица, производящего расследование, и его стремления к установлению истины.

Большинство ученых связывают возникновение негативных обстоятельств с инсценировками преступления [5]; [6]; [10]; [12—16]. Не отрицая справедливости данного утверждения, отметим, что негативные обстоятельства могут возникнуть и в результате противодействия расследованию иного вида (уничтожения преступником оставленных им следов или внесения им иных изменений в обстановку места преступления) или образоваться под влиянием природных явлений, животных, случайных лиц. Например, негативное обстоятельство, выразившееся в отсутствии следов на снегу, ведущих к складскому помещению, в котором произошла кража, или от него, может свидетельствовать как об инсценировке, так и о том, что следы были замечены снегом после совершения преступления.

Негативные обстоятельства в форме необнаружения следов могут быть результатом невнимательности следователя или увлечения им одной, наиболее очевидной версией. По данным проведенного нами интервьюирования 120 следователей 19 % опрошенных посчитали возможным в ходе расследования ограничиться проверкой одной наиболее реальной версии. Из 81 % следователей, предпочитающих выдвигать все возможные по обстоятельствам дела версии, лишь 1/3 часть стремиться проверять их одновременно, остальные 66 % проверяют друг за другом, начиная с наиболее вероятной. Реализуя подобный подход к организации расследования, следователи сосредоточиваются, прежде всего, на очевидных обстоятельствах, которые воспринимают как истинные. Определив с первого взгляда, что «им все ясно», они опускают незначительные детали, выходящие за рамки первоначальной версии. Увлеченный одной версией следователь не обращает внимания на негативные обстоятельства, не ищет опровер-

гающих данную версию доказательственных фактов, поэтому не находит их.

Между тем проверка негативных обстоятельств, не укладывающихся в версию следователя и противоречащих имеющимся в деле данным, играет большую роль. Находя подтверждение или опровержение доказательственных фактов, проявившихся в виде негативных обстоятельств, следователь получает сведения, позволяющие сделать окончательные выводы более обоснованными, поскольку доказательственные факты, свидетельствующие о необоснованности одной из выдвинутых версий, могут подтверждать другую. Это означает, что выявление негативных обстоятельств служит основанием для тщательной проверки собранных доказательств и получения новых, поэтому негативные обстоятельства могут выступать в качестве фактических оснований для производства отдельных следственных действий. Так, наличие противоречий в показаниях допрошенных лиц является основанием для производства очной ставки.

Негативные обстоятельства, как правило, ярко выражены в ходе осмотра места происшествия, хотя, как было отмечено выше, могут быть обнаружены и при производстве других следственных действий. Но именно в процессе осмотра места происшествия, являющегося невосполнимым следственным действием ввиду того, что необнаруженное может быть утрачено с течением времени, негативные обстоятельства должны особо тщательно анализироваться и стимулировать деятельность следователя, направленную на отыскание следов, позволяющих объяснить их возникновение или отсутствие.

Для выявления негативных обстоятельств целесообразно руководствоваться приведенной ниже методикой.

Получив сообщение о преступлении, следователь должен его проверить, собрав и сопоставив между собой множество доказательственных фактов, позволяющих сделать выводы о наличии события преступления, причастности к нему определенных лиц и их вины. Прибывая на место происшествия и обнаруживая типичные для данного вида преступления следы, он формирует вероятностное представление о происшедших и будущих событиях, интерпретируя каждое обнаруживаемое при осмотре обстоятельство в качестве определенного звена в логической цепи исследуемых событий как факт, исключаящий или подтверждающий ранее возникшее предположение.

Обнаружив факт, противоречащий возникшему предположению о наиболее вероятном ходе расследуемого события, следователь должен принять меры к его фиксации наряду с другими выявленными обстоятельствами.

В зависимости от вида преступления типичными негативными обстоятельствами, требующими внимания со стороны следователя, являются:

а) при выдвижении версии о краже:

— при обнаружении проникновения в помещение через выпиленное в потолке отверстие — отсутствие опилок внутри помещения; через разбитое окно — наличие осколков стекла снаружи;

— при повреждении запирающих устройств путем распила — отсутствие металлической стружки (опилок) под ними;

— неоправданные, излишние повреждения преград;

— чрезмерный беспорядок [16];

— наличие неоправданно большого количества предметов, указывающих на определенное лицо как на совершившее преступление;

— отсутствие наиболее ценных предметов, места хранения которых известны лишь ограниченному кругу лиц;

б) при выдвижении версии о самоубийстве:

— наличие следов сопротивления;

— несоответствие почерка предсмертной записки почерку потерпевшего;

— отсутствие письменных принадлежностей, с помощью которых была выполнена предсмертная записка;

— отсутствие опоры или несоответствие высоты обнаруженной недалеко от подвешенного трупа опоры той высоте, которая позволила бы данному человеку самостоятельно совершить действия, необходимые для подготовки самоубийства;

— наличие следов удушения руками помимо странгуляционной борозды на шее трупа;

— отсутствие следов близкого выстрела или наличие следов выстрела, хотя и близкого, но совершенного с расстояния, превышающего физические возможности человека по нанесению себе

огнестрельного ранения (данное обстоятельство, как правило, устанавливается путем производства баллистической экспертизы);

— отсутствие физической возможности человека без определенных дополнительных приспособлений нанести себе огнестрельное ранение в данную часть тела (это обстоятельство может быть установлено путем производства следственного эксперимента) [17];

— наличие следов выстрела, произведенного снаружи помещения, в котором обнаружен труп, в обстановке, в целом свидетельствующей о самоубийстве;

— отсутствие огнестрельного оружия вблизи тела или нахождение оружия на значительном расстоянии от тела;

в) при выдвижении версии о неосторожном обращении с огнем:

— наличие нескольких очагов пожара;

— несоответствие образовавшегося пожарного мусора характеру и количеству материальных ценностей, предположительно уничтоженных огнем;

— при обнаружении трупа на месте пожара — отсутствие признаков отравления угарным газом [16];

г) при выдвижении версии о неизвестном отсутствии:

— обнаружение личных вещей, которые лицо, как правило, носит при себе (мобильный телефон, часы, украшения, памятные вещи, амулеты и др.);

— обнаружение сообщений, исходящих от исчезнувшего лица, по форме и стилю не соответствующих выражениям, обычно используемым данным лицом.

Знание типичных негативных обстоятельств и умение их выявлять, фиксировать и анализировать способствуют правильной оценке доказательственных фактов. Собираение дополнительной информации на основе выявления негативных обстоятельств обеспечивает полноту расследования, предупреждает следственные ошибки и повышает качество расследования преступлений.

1. Попова О. А. Факторы, влияющие на возникновение следственных ошибок // Вопросы права и социологии. Межрегиональное научное издание. Волгоград, 2004. Вып. 17. С. 85—89.

2. Попова О. А. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические ошибки: предупреждение, выявление и исправление следователем: учеб. пособие. Волгоград, 2012. 88 с.

1. Popova O. A. Factors influencing the occurrence of investigative errors. Issues of law and sociology. Interregional scientific publication. Volgograd; 2004; 17: 85—89.

2. Popova O. A. Criminally-remedial, organizational and tactical errors: prevention, detection and correction of those by investigator. Textbook. Volgograd; 2012: 88.

3. Кондрат Е. Н. Правонарушения в финансовой сфере России Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия. М., 2014. 928 с.
4. Киселев И. А., Леханова И. С. Расследование отмывания преступных доходов: рекомендации для следователей. М., 2011. 128 с.
5. Топорков А. А. Криминалистика: учебник / А. А. Топорков. М., 2012. 464 с.
6. Колесникова М. М. Особенности проведения осмотра как тактика следственных действий в процессе получения доказательств по делам о таможенных преступлениях // Российский следователь. 2010. № 6. С. 2—5.
7. Безлепкин Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя. М., 2008. 288 с.
8. Старцев В. Г. Особенности первоначального этапа раскрытия и расследования хищений грузов, перевозимых железнодорожным транспортом // Российский следователь. 2008. № 9. С. 3—5.
9. Завидов. Б. Д., Кузнецов Н. П. Проблемы доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Карагодин. В. Н. Расследование умышленных преступлений против жизни, половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних: моногр. М., 2018. 320 с.
11. Порубов А. Н. Ложь и борьба с ней на предварительном следствии / под ред. И. И. Басецкого. Минск, 2002. 176 с.
12. Белых-Силаев Д. В., Аляутдинов Д. Р. Тактика и психология осмотра места происшествия // Юридическая психология. 2009. № 4. С. 8—10.
13. Моисеенко И. Я. Тактические приемы использования инсценировки в следственной и оперативно-розыскной практике // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов: избр. материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М., 2016. 448 с.
14. Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. М., 2011. 504 с.
15. Еникев М. И. Психология следователя и следственной деятельности // Юридическая психология. 2007. № 1. С. 22—30.
16. Криминалистика: учебник / под ред. Р. С. Белкина. М., 2000. 990 с.
17. Строгович М. С. Курс уголовного процесса: в 2-х т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. 470 с.
18. Степанов М. Е. Особенности выявления скрытых инсценировок убийств, совершенных организованными преступными группами // Российский юридический журнал. 2014. № 1. С. 97—102.
3. Condrat E. N. Offences in the financial sphere of Russia Threats to financial security and ways of counteracting. Moscow; 2014: 928.
4. Kiselev I. A., Lekhanova E. S. Investigation of money laundering: recommendations for investigators. Moscow; 2011: 128.
5. Toporkov A. A. Forensics. Textbook. Moscow; 2012: 464.
6. Kolesnikov M. M. Peculiarities of inspection as a tactic of investigative actions in the process of obtaining evidence in cases of customs crimes. Russian investigator. 2010; 6: 2—5.
7. Beslepkin B. T. Table Book of Investigator and Investigator. Moscow; 2008: 288.
8. Startsev V. G. Peculiarities of the initial stage of discovery and investigation of theft of goods transported by rail. Russian investigator. 2008; 9: 3—5.
9. Zavidov. B. D, Kuznetsov N. P. Problems of proofs and proof in criminal proceedings. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".
10. Karagodin. V. N. Investigation of intentional crimes against the life, sexual freedom and inviolability of minors. Monograph. Moscow; 2018: 320.
11. Porubov A. N. Lies and fight against it at the preliminary investigation. Under the ed. I. I. Baset'skiy. Minsk; 2002: 176.
12. Belyh-Silayev D. V., Alayutdinov D. R. Tactics and psychology of scene inspection. Legal psychology. 2009; 4: 8—10.
13. Moiseenko I. Y. Tactical techniques of using staging in investigative and operational-search practice. In: Sixth Perm Congress of Legal Scientists. Selected materials. Ed. by V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsov. Moscow; 2016: 48.
14. Forensics. Textbook. Under ed. E. P. Ishchenko. Moscow; 2011: 504.
15. Enikev M. I. Psychology of Investigator and Investigative Activity. Legal Psychology. 2007; 1: 22—30.
16. Forensics. Textbook. Under the ed. R. S. Belkin. Moscow; 2000: 990.
17. Strogovich M. S. Course of criminal proceedings. In 2 volumes. Volume 1. Basic provisions of science of the Soviet criminal proceedings. Moscow; 1968: 470.
18. Stepanov M. E. Peculiarities of detection of hidden staging of murders committed by organized criminal groups. Russian Law Journal. 2014; 1: 97—102.

© Popova O. A., 2019

© Попова О. А., 2019

Попова Ольга Александровна,
доцент кафедры организации
следственной работы
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: napishiole@rambler.ru

Popova Olga Aleksandrovna,
associate professor
at the investigation work organization department
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation
in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
e-mail: napishiole@rambler.ru

* * *

К. В. Проваторова

**ПРОТОКОЛЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ПРОТОКОЛЫ СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ
КАК ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩИХ УСЛОВИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ
И СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА**

Протоколы следственных действий и протокол судебного разбирательства выступают в современном законодательстве Российской Федерации источниками доказательств и играют важную роль в фиксации значимой информации как в досудебном производстве, так и в судебных стадиях уголовного процесса. На качество указанных протоколов в немалой степени оказывает влияние не только нарабатанная правоприменительная практика, но и уровень законодательной техники, что нашло свое воплощение в ст. 166 и 259 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, который должен обеспечивать безупречное нормативное регулирование соответствующих отношений. В связи с этим автору статьи представляются актуальными для изучения вопросы совершенствования нормативных положений ст. 166 («Протокол следственного действия») и 259 («Протокол судебного заседания») Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, анализ которых указывает на ряд имеющихся в них противоречий, способных привести к проблемам в правоприменительной практике органов предварительного расследования и суда. Автор считает необходимым отнести ст. 166 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации к числу общих условий предварительного расследования, предусмотренных главой 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также отмечает недостатки в ее нормативно-лексическом содержании, требующие корректировки. На основании исторического исследования ведения и оформления протоколов судебного заседания автор также приходит к выводу о целесообразности принятия положений ст. 259 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, изложенных в новой редакции, в части необходимости осуществления аудиопроотолирования в ходе судебного заседания. Тем не менее видится ошибочным в предлагаемой новой конструкции данной статьи отказ от ведения аудиопроотолирования при закрытом судебном заседании в случаях, предусмотренных ст. 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В статье предлагается вариант решения указанной проблемы, предусматривающий ведение аудиопроотола с возможностью предоставления подобной аудиозаписи для ознакомления сторонам процесса по их ходатайству в условиях, исключающих какое-либо дальнейшее распространение этой записи.

Ключевые слова: протокол следственного действия, протокол судебного заседания, аудиопроотолирование, уголовно-процессуальное законодательство, общие условия предварительного расследования, судебное разбирательство.

К. V. Provatorova

**REPORTS OF INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND COURT RECORDS AS ELEMENTS
OF GENERAL CONDITIONS OF PRE-TRIAL INVESTIGATION AND JUDICIAL PROCEEDING**

Reports of investigative activities and court records are understood in current legislation of the Russian Federation as sources of evidence and play an important role in recording relevant information both in pre-trial proceedings and at the trial stage of a criminal procedure. The quality of these records are significantly influenced not only by the existing law enforcement practice in this area, but also by the level of legislative technique reflected in the texts of articles 166 and 259 of the RF Penal Code, which is to ensure perfect statutory regulation of relevant relationships. Therefore, the author of the article considers it pertinent to study the issue of improvement of the provisions contained in article 166 (Report of an investigative activity) and article 259 (Court record) of the RF Penal Procedural Code, as their analysis reveals a number of controversies which can lead to problems in the course of law application by pretrial investigation agencies and courts. The author finds it necessary to classify article 166 of the RF Penal Procedural Code as one of the general conditions of a pretrial investigation, which are specified in chapter 21 of the RF Penal Procedural Code, and points out a number of deficiencies

with respect to its regulatory and lexical content, which are necessary to rectify. Based on the research of the court record keeping history, the author concludes that it is advisable to adopt the provisions of article 259 of the RF Penal Procedural Code as currently amended concerning the requirement to use audio-recording during court sessions. However, it is deemed erroneous that the proposed new design of this article allows for a refusal to make an audio recording in closed court hearings, as provided by article 241 of the RF Penal Procedural Code. The article suggests a solution to this problem by making an audio recording and allowing the parties involved in the court procedure to familiarize themselves with it upon their request in conditions that make it impossible to circulate the recording any further.

Key words: report of investigative activities, court record, audio-recording penal procedural legislation, general conditions of a pretrial investigation, court procedure.

В современном уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации в ст. 5, закрепляющей основные понятия, используемые в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ), отсутствуют легальные определения «протокол следственного действия» и «протокол судебного заседания», однако данные уголовно-процессуальные акты выступают источниками доказательств и имеют первостепенное значение при расследовании уголовного дела, а в дальнейшем для принятия законного и обоснованного решения при рассмотрении уголовного дела по существу судом и при проверке судебных решений вышестоящими инстанциями. Это обусловлено тем, что именно указанные протоколы являются основной процессуальной формой фиксации доказательственной информации, получаемой в ходе следственных и судебных действий; они обеспечивают передачу закрепленной информации и ее сохранение в надлежащем виде для последующих адресатов доказывания. В связи с чем осуществление наиболее точного и полного запечатления результатов соответствующих действий, а также хода и условий их производства в данных процессуальных актах видится одной из приоритетных задач для органов предварительного расследования и суда.

Согласно толковому словарю Д. Н. Ушакова в широком смысле под понятием «протокол» понимают «официальный документ, содержащий запись всего, что было сказано, сделано и решено на собрании, заседании, допросе», «документ, которым удостоверяется какой-нибудь факт, устанавливаемый при участии свидетелей» [1]. В уголовном судопроизводстве протоколом выступает письменный процессуальный акт, наделенный статусом самостоятельного вида доказательств, в котором согласно строгому порядку, установленному уголовно-процессуальным законом, происходит фиксация сведений, подлежащих доказыванию при расследовании уголовного дела и рассмотрении его судом. Немаловажным фактом, на наш взгляд, является то обстоятельство, что зако-

нодатель, закрепляя в нормативных положениях ст. 83 УПК РФ допустимость использования в уголовном процессе протоколов следственных действий и судебных заседаний в числе доказательств, устанавливает в них также необходимость соответствия последних требованиям, установленным действующим УПК РФ. Например, наличие в протоколе как следственного действия, так и судебного заседания нарушений различного характера (в его оформлении, содержательной части, вопросах соответствия изложенных фактов реальным событиям) может повлечь недопустимость их использования в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

Изложенное актуализирует проблему надлежащего составления протоколов следственных действий и протокола судебного заседания и диктует необходимость дальнейшего совершенствования нормативных положений ст. 166 («Протокол следственного действия») и 259 («Протокол судебного заседания») УПК РФ, регламентирующих порядок и условия составления протоколов следственных действий и протокола судебного заседания, и выступающих своего рода «гарантом», что отраженные в них фактические данные достоверны, объективны и зафиксированы в полном объеме.

Анализ содержания ст. 166 УПК РФ в системном единстве с другими нормативными положениями Раздела VIII («Предварительное расследование») УПК РФ дает нам основание для вывода, что данная статья ошибочно отнесена законодателем в главу 22 («Предварительное следствие») УПК РФ. Данная статья отражает единые для предварительного следствия и дознания требования к процессуальным документам, составляемым следователем и дознавателем по итогам проведенных ими следственных действий, общие правила фиксации хода и результатов их познавательной деятельности.

Если обратиться к положениям главы 35 УПК РФ, регулирующим общие условия судебного разбирательства, то можно отметить, что ст. 259, закрепляющая порядок оформления протокола судеб-

ного заседания, является компонентом системы указанных общих условий: она распространяет свое регулятивное воздействие на отношения, возникающие в судах в связи с фиксацией хода и результатов судебных заседаний — независимо от того, на какой судебной стадии происходит заседание. Общий характер данных предписаний обусловил размещение ст. 259 УПК РФ в главе, посвященной общим условиям судебного разбирательства. Прослеживается четкая аналогия с порядком распространения нормативных предписаний ст. 166 УПК РФ на все досудебное производство, что придает ей общий, универсальный для данного производства характер. Это обстоятельство, несомненно, свидетельствует о том, что ст. 166 должна быть включена в число общих условий предварительного расследования (в главу 21 «Общие условия предварительного расследования» УПК РФ). При этом отдельные части указанной статьи, как представляется, нуждаются в определенной корректировке. Так, правила производства следственных действий должны быть едиными для дознавателя (представителя органа дознания) и следователя так же, как и порядок их документального оформления в виде протокола следственного действия. В свою очередь, наличие противоречий в тексте данной правовой нормы может повлечь проблемы в ее правильном понимании и, соответственно, применении в практике. Например, в ч. 7 ст. 166 УПК РФ указано, что протокол следственного действия подписывается следователем и лицами, участвовавшими в следственном действии. Однако в тексте статьи не прописывается аналогичное полномочие в отношении дознавателя. Отсюда при буквальном толковании этих законоустановлений возникают сомнения о реальном наличии таковых полномочий у дознавателя. Вместе с тем в ч. 9 анализируемой статьи при регламентации правил оформления протокола следственного действия, связанных с необходимостью обеспечения безопасности некоторых участников уголовного судопроизводства, полномочия дознавателя и следователя предусмотрены равнозначно для обоих участников уголовного процесса.

В связи с изложенным считаем, что в целях обеспечения надлежащего проведения следственных действий при расследовании уголовных дел и правильного оформления их результатов, а также для выстраивания должной системности нормативных установлений УПК РФ необходимо разрешить вопрос о включении ст. 166 УПК РФ в группу общих условий предварительного расследования главы 21 УПК РФ и корректировке ее нормативного содержания с учетом распростра-

нения ее регулятивного воздействия и на дознавателя.

Кроме того, научный интерес, на наш взгляд, представляет изучение ряда вопросов, связанных с предстоящей модернизацией действующей редакции ст. 259 УПК РФ. На основании Федерального закона от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в сентябре 2019 г. вступит в силу новое положение, согласно которому теперь в процессе судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций в качестве обязательного процессуального действия будет предусмотрено аудиопроколирование. Данные изменения, по нашему мнению, обоснованы: их необходимость продиктована историей последовательного развития нормативного регулирования в процессуальном законодательстве России содержания и формы протокола судебного заседания и порядка (условий) ведения протоколирования, а также потребностью устранения различного рода юридических противоречий и разногласий, возникающих в правоприменительной деятельности органов следствия, дознания, прокуратуры и суда по вопросам обращения к протоколу судебного заседания как к одному из доказательств по уголовному делу. В поддержку высказанной позиции мы хотим обратиться к историко-правовому анализу содержания протокола судебного заседания и его предназначению в отечественном уголовном процессе.

В 1864 г. Указом Императора Александра II в качестве новой системы судоустройства были приняты «Учреждения судебных установлений», где впервые говорится о протоколе судебного заседания и указывается, что по каждому уголовному делу необходимо ведение определенного протокола, соответствующего правилам, изложенным в Уставах уголовного и гражданского судопроизводства. К таким протоколам обязательно приобщались вопросы, «если таковые были изложены письменно, с отмеченными по оным резолюциям суда или присяжных заседателей, а равно с особым мнением членов, если таковые были представлены» [2, с. 3894]. Например, упоминания о протоколе судебного заседания встречаются в главе 6 («О протоколах мировых судей») Устава уголовного судопроизводства, где излагается порядок ведения протокола судебного заседания единолично мировым судьей, а также в ст. 835, регламентирующей осуществление протоколирования секретарем или его помощником в судебном заседании окружного суда. Уже в тот период отмечалось, что протокол судебного заседания необходимо составлять так, чтобы «из него можно было

видеть весь ход дела на суде и удостовериться в соблюдении тех правил, нарушение которых может привести к отмене приговора» [3].

С приходом советской власти был принят новый нормативный акт, регламентирующий деятельность судебных органов (им выступил Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г.), в соответствии с которым в действующей судебной системе были упразднены такие учреждения, как окружной суд, судебные палаты, военные, коммерческие, морские суда и т. д. Теперь работа сотрудников судебных органов осуществлялась под руководством комиссаров юстиции, а любые стремления к «упрощению» при составлении (ведении и оформлении) протокола судебного заседания подвергались критическому анализу. Представители советской юстиции считали, что «без внутренней полноты и внимательного составления протоколов судебных заседаний невозможно было обеспечить уважение суду» [3]. В указанный этап развития советского общества проблемами качественного составления протокола судебного заседания явились дефицит изделий и принадлежностей, необходимых для организации ведения протокола (пишущие машинки, шапирографы, гектографы, бланки, бумага, чернила и т. д.), малочисленное поступление в суды юридических изданий методического характера, замедленное кадровое обновление среди работников судов. В целях повышения уровня квалификации работников судов органами советской власти было принято Положение о краткосрочных юридических курсах по подготовке и переподготовке низовых работников юстиции, утвержденное Циркуляром Наркомюста РСФСР № 198 от 6 октября 1925 г., вследствие чего стало осуществляться обучение рабочих и крестьян знаниям, необходимым в работе суда. Так появилось выражение, ставшее актуальным в дальнейшем: «работа суда успешна тогда, когда успешна работа секретаря» [4, с. 9].

В продолжение исследования истории регламентации содержания и порядка составления протокола судебного заседания можно выделить положения ст. 77 УПК РСФСР 1923 г., в которых получило нормативное закрепление обязательное ведение протоколов при осуществлении следственных действий, а также в судебных заседаниях. Кроме того, важным правообеспечительным моментом, на наш взгляд, стало установление законодателем в ст. 81 УПК РСФСР полномочия участвующих в судебном заседании сторон подавать после изготовления и подписания протокола судебного заседания в течение трех суток свои замечания на его несоответствие либо неполноту, а также установление обязанности суда обсуждать

обозначенные замечания и выносить по ним судебные определения.

При анализе ст. 264 («Протокол судебного заседания») УПК РСФСР 1960 г. обратим внимание, что законодателем нормативные положения, регламентирующие условия и порядок ведения судебного заседания, из основных положений, которыми они выступали в УПК РСФСР 1923 г., были «перенесены» в главу 21 («Общие условия судебного разбирательства») УПК РСФСР, что, на наш взгляд, соответствует масштабу их регулятивного воздействия, направленного исключительно на стадии судебного производства. Кроме того, именно в формулировке нормативных положений ст. 264 УПК РСФСР 1960 г. появляется первое упоминание об использовании звукозаписи во время судебного заседания, хотя оно ограничивает ее применение только для записи допросов. Данное обстоятельство указывает, что именно в тот период в уголовном процессе зарождается и получает развитие идея использования аудиозаписи (звукозаписи) судебного заседания как средства для наиболее точного и объективного отражения в протоколе судебного заседания результатов исследования доказательств по уголовному делу.

В дальнейшем на протяжении десятилетий вплоть до принятия современного УПК РФ 2001 г. вопросы качественного ведения протокола судебного заседания неоднократно становились предметом обсуждения Пленума Верховного Суда Российской Федерации и находили отражение в принимаемых им решениях.

Например, постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 35 от 7 февраля 1967 г. «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения» предусматривалось, что «судьям необходимо принять меры к повышению качества составления секретарями протокола судебного заседания, в котором должны быть точно отражены все действия суда на всем протяжении судебного разбирательства» [5].

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 1975 г. «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве» отмечалось, что «особое внимание должно уделяться правильности изложения ходатайств, заявленных участниками судебного разбирательства, и порядка их обсуждения; определений суда, вынесенных в судебном заседании без удаления в совещательную комнату; показаний подсудимого по существу предъявляемого ему обвинения, свидетелей и потерпевших по об-

стоятельствам дела; процесса исследования доказательств» [6].

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 июня 1993 г. подчеркивалось, что «протокол судебного заседания должен полно и правильно отражать действия суда по исследованию представленных органами следствия доказательств, а также сведения об иных процессуальных действиях суда, направленных на сбор, проверку и исследование дополнительных доказательств, а также содержать подробное изложение показаний допрошенных судом лиц. Протокол должен быть составлен в понятных выражениях и без исправлений» [7].

Анализ нормативных положений ст. 259 «Протокол судебного заседания» в редакции принятого в 2001 г. УПК РФ указывает на то, что в нем законодатель продолжает искать пути решения проблем совершенствования качества подготовки и оптимального способа ведения протокола судебного заседания, в связи с чем в отличие от предыдущих отечественных уголовно-процессуальных кодексов 1922 (1923) и 1960 гг. детализирует и нормативно закрепляет новые варианты его составления, допуская ведение рукописного протокола, а также с использованием машинки и компьютера, кроме того, в целях обеспечения полноты протокола судебного заседания указывает на возможность использования наряду со стенографированием технических средств. В нормативные положения ч. 5 ст. 259 УПК РФ законодателем вводятся и получают юридическую силу новые технологии записи изображений и звуков, предназначенные в ходе судебного заседания для фиксации допросов (фотографирование, аудиозапись, видеозапись, киносъемка).

Однако, несмотря на ряд указанных «усовершенствований», внесенных законодателем в положения ст. 259 УПК РФ, в правоприменительной практике их использование оказалось весьма противоречивым. Например, согласно определению Верховного Суда Российской Федерации № 45-О-11-63сп от 22 июня 2011 г. был отменен приговор Свердловского областного суда с участием присяжных заседателей от 25 апреля 2011 г. в отношении гражданина Кумячева Е. П., который был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 197 Уголовного кодекса Российской Федерации, так как при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке в отношении осужденной Н. в присутствии участников судебного разбирательства высказал в ее адрес грубую неприличную фразу, оскорбив, тем самым, участника судопроизводства. В ходе рассмотре-

ния его кассационной жалобы и материалов уголовного дела судебная коллегия установила, что в судебном заседании 24 августа 2010 г. защитник Н. вел самостоятельно на свой мобильный телефон аудиозапись процесса, которую в дальнейшем попросил приобщить на компакт-диске к материалам дела в качестве вещественного доказательства. Председательствующим указанное ходатайство было удовлетворено, и секретарь судебного заседания изготавливала протокол с черновика, а затем с использованием аудиозаписи, которую вел защитник Н. Однако, несмотря на закрепленное в ст. 241 УПК РФ право участников процесса вести в открытом заседании аудиозапись, законом не предусмотрено ее приобщение к материалам уголовного дела, а секретарем при составлении протокола судебного заседания может быть использована аудиозапись процесса только в случае соответствующей отметки о ее осуществлении в ходе судебного заседания, и ее материалы должны прилагаться к уголовному делу. Таким образом, указанная аудиозапись не имеет доказательственного значения, и судом должным образом не был исследован вопрос о ее допустимости в качестве вещественного доказательства. Уголовное дело по обвинению Кумячева Е. П. было направлено на новое судебное разбирательство, оправдательный приговор, впоследствии, оставлен без изменения (Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации № 45-О11-58сп от 16 июня 2011 г. [8]).

Таким образом, при анализе судебной практики мы видим, что вопрос производства аудиозаписи в процессе судебного заседания для доказательственного значения при разрешении уголовного дела, а также в целях исключения возможных противоречий в содержании протокола судебного заседания с фактическими обстоятельствами, исследованными в суде, является животрепещущим и требует дальнейшего изучения и логического завершения. Так, законодателем предусмотрена в ч. 1 ст. 259 УПК РФ возможность использования технических средств для составления протокола судебного заседания (по смыслу статьи, в том числе аудиозаписи), однако ввиду отсутствия в законе четко регламентированных способов ее осуществления и использования до настоящего времени возникают противоречивые ситуации, в которых стороны процесса не могут реализовать свои права и интересы, либо происходит нарушение их прав со стороны судебных органов.

Хотелось бы отметить, что идея использования в ходе судебного разбирательства средств аудиозаписи озвучивалась ранее в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации

№ 35 от 13 декабря 2012 г. «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов», где обращалось внимание на необходимость при наличии технических средств фиксации процесса судебного заседания путем осуществления аудиозаписи, и при недостаточной вместимости зала суда осуществления трансляции хода судебного заседания в режиме онлайн [9]. Кроме того, аудиопроотолирование процесса судебного заседания уже юридически закреплено в нормативных положениях Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [10] (ст. 204 «Обязательность ведения протокола»). В связи с этим мы выступаем в поддержку позиции законодателя в части обновления нормативных положений ст. 259 УПК РФ, поскольку предложения по их совершенствованию соответствуют информационно-техническому развитию российского общества, а также историческому этапу развития протоколирования судебного заседания в целом, и считаем, что со стороны законодателя это шаг в ногу со временем.

Тем не менее анализ собственно новелл упомянутого Федерального закона от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ показывает, что регламентация аудиопроотолирования сопряжена с рядом проблем. Спорным моментом, на наш взгляд, является введенный законодателем запрет на осуществление аудиозаписи в закрытом судебном заседании в случаях, предусмотренных ст. 241 УПК РФ. Возникает закономерный вопрос: с какой целью законодатель в новой редакции нормативных положений статьи 259 УПК РФ ограничивает применение аудиопроотолирования в ходе закрытого судебного заседания? Стороны, которые участвуют в процессе, все равно будут знакомиться с распечатанным протоколом судебного заседания; информация, озвученная в закрытом заседании, все равно изучалась в их присутствии. Для чего установлен этот запрет? Для сохранения в тайне сведений, ради ограничения распространения которых и применялся закрытый режим слушания дела? Но эту тайну можно обеспечить, организовав контролируемый формат прослушивания сторонами в присутствии работников суда аудиопроотола без возможности его копирования. Кроме того, можно предупредить их о неразглашении соответствующей информации, на которую распространяется особый режим тайны. При этом стороны не будут

ограничены в возможности реального сравнения зафиксированного на аудиозаписи хода судебного процесса с текстом изготовленного протокола. Лишение сторон права ознакомиться с аудиозаписью в связи с ее отсутствием как таковой считаем ничем не обоснованным ограничением прав участников закрытых процессов. Возникает неравенство в правах сторон процессов, проведенных в открытом судебном заседании и в закрытом режиме слушания, что является несправедливым и противоречит положениям ст. 19 Конституции Российской Федерации.

Кроме того, как показывает анализ судебной практики, уже имеют место жалобы граждан, которые считают, что запрет осуществления аудиозаписи закрытого судебного заседания лишает стороны процесса объективности и непредвзятости фиксации хода судебного заседания, нарушает их конституционные права. Например, жалобы граждан Середкина А. В. [11], Купки П. В. [12]. Полагаем, новая редакция ч. 1 ст. 259 УПК РФ нуждается в изменении с учетом обеспечения доступа к материалам аудиозаписи в условиях, исключающих утечку информации, исследованной в закрытом судебном заседании. Мы считаем, что осуществление аудиозаписи в закрытом судебном заседании необходимо разрешить, а аудиозапись, произведенная в ходе закрытого судебного заседания, должна быть предоставлена судом участникам процесса для ознакомления при заявлении с их стороны соответствующего ходатайства и с соблюдением всеми участниками судопроизводства условий, исключающих ее передачу любым способом иным лицам, не участвующим в ходе данного судебного заседания.

На основании изложенного предлагается внести изменения в новую редакцию ст. 259 УПК РФ:

1. Последнее предложение части первой исключить.

2. Ввести новую часть 1.1 следующего содержания:

«1.1. При рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании в случаях, предусмотренных статьей 241 настоящего Кодекса, также осуществляется использование средств аудиозаписи. Ознакомление участников уголовного судопроизводства с аудиозаписью производится по их ходатайству в условиях, исключающих ее копирование и передачу иным лицам.»

1. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/988498> (дата обращения 09.04.2019).

1. Russian Language Definition Dictionary. Ed. by D. N. Ushakov. Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/988498>. Accessed: 9 April 2019.

2. Полный свод законов Российской империи в XVI т.: в 2 кн. СПб., 1911. Кн. 2.

3. Латышева Н. А. Протокол судебного заседания: историко-правовой анализ содержания и предназначения // Администратор суда. 2016. № 4.

4. Ли-И. А. Суд и жизнь. Из писем читателей // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 8.

5. Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 февраля 1967 г. № 35 // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1967. № 4.

6. О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 сентября 1975 г. № 5 // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1974. № 3.

7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 июня 1993 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993. № 11.

8. Оправдательный приговор по делу о неуважении к суду оставлен без изменения, поскольку приговор суда постановлен в соответствии с вердиктом коллегии присяжных заседателей о невиновности лица, основанном на всестороннем и полном исследовании материалов дела: кассационное определение Верховного Суда РФ от 16 июня 2011 г. № 45-О11-58сп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов: постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 3.

10. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 27.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Середкина Антона Вениаминовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 73-О Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Купки Павла Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 65, пунктом 3 части второй

2. Corpus Uris of the Russian Empire in XVI century. In 2 books. Saint-Petersburg. Published by I. I. Zubkov Law Bookshop, 1911. Book 2.

3. Latysheva N. A. Court record: a historical and legal analysis of content and intended purpose. Court Administrator. 2016; 4.

4. Li-I. A. Court and life. Readers' letters // Weekly bulletin of Soviet justice. 1922; 8.

5. Resolution of the Supreme Court Plenum of the Russian Federation No. 35 of 7 February 1967. On improving the organization of judicial processes and enhancing the culture of their conductance. Bulletin of the RSFSR Supreme Court. 1967; 4.

6. Resolution of the RF Supreme Court Plenum No. 5 of 17 September 1975. On the compliance of Russian Federation courts with the procedural legislation during trial proceedings. Bulletin of the RSFSR Supreme Court. 1974; 3.

7. Determination of the Judicial Panel on criminal cases of the RF Supreme Court of 9 June 1993. Bulletin of the RF Supreme Court. 1993; 11.

8. Cassational ruling of the RF Supreme Court No. 45-О11-58сп of 16 June 2011. The verdict of non-guilty in the contempt of court case has been upheld, since the court verdict was passed in accordance with the jury's verdict of non-guilty based on a comprehensive and complete investigation of case materials. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

9. Resolution of the RF Supreme Court Plenum No. 35 of 13 December 2012. On the openness and transparency of court proceedings and access to information on court activities. Bulletin of the RF Supreme Court. 2013; 3.

10. Administrative legal proceedings code of the Russian Federation of 8 March 2015 No. 21-ФЗ (ed. 27/12/2018). Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

11. Determination of the RF Constitutional Court No. 73-О of 29 January 2019. Dismissal of a request for a hearing by citizen Seredkin Anton Veniaminovich regarding violation of his constitutional rights resulting from a number of provisions of the Penal Procedural Code of the Russian Federation and Federal Law "On Law Enforcement". Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

12. Determination of the RF Constitutional Court No. 2185-О of 27 September 2018. Dismissal of a request for a hearing by citizen Kupka Pavel Valentinovich regarding violation of his constitutional rights resulting from the provisions of part 4 of article 65, clause 3 of part 2 and part 5 of article 281 of the Penal Procedural Code of the

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

и частью пятой статьи 241, частью шестой статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2185-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Проваторова К. В., 2019

Проваторова Ксения Васильевна,
оперуполномоченный отделения № 5
отдела уголовного розыска
Управления МВД России
по городу Волгограду;
e-mail: knesenka-d@mail.ru

Russian Federation. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus".

© Provatorova K. V., 2019

Provatorova Ksenia Vasilevna,
security officer of department No. 5
of the Criminal Investigation Department
of the Department of the Ministry
of Interior of Russia in the city of Volgograd;
e-mail: knesenka-d@mail.ru

* * *

А. К. Салыкова

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО «ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ» И КАЗАХСТАНСКОГО «СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ» С ЗАРУБЕЖНЫМИ АНАЛОГАМИ

В статье рассматривается содержание зарубежных сделок (упрощенных уголовно-процессуальных процедур), имеющих общие черты с досудебным соглашением о сотрудничестве (соглашением о сотрудничестве) как правовым институтом по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан. Представляется очевидным, что в нормах зарубежного законодательства необходимо анализировать не все сделки или упрощенные уголовно-процессуальные процедуры, а только те, которые имеют общие черты с досудебным соглашением о сотрудничестве (соглашением о сотрудничестве) как правовым институтом по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан. В англо-саксонской системе права наиболее распространены сделки о признании вины — «plea bargaining». Более сходной с досудебным соглашением о сотрудничестве (соглашением о сотрудничестве) по предмету и назначению является такая форма сделки в США, как «соглашение об иммунитете», данная процедура также называется «превращение в свидетеля обвинения». В современной Великобритании только в отдельных ее частях (Англия и Уэльс) соглашения plea bargaining имеют ограниченное использование и отличаются от одноименных сделок в США. Говоря о других странах с англо-саксонской системой права, например Израиле, можно констатировать, что сделки о признании вины — весьма распространенное правовое явление. Автор опровергает тезис о том, что досудебное соглашение о сотрудничестве (соглашение о сотрудничестве) — это институт, заимствованный из зарубежного права, исследует вопрос о положительном опыте законодательной регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве в Республике Беларусь.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, сделка о признании вины, упрощенные уголовно-процессуальные процедуры.

A. K. Salykova

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE RUSSIAN “PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT” AND THE KAZAKHSTAN “COOPERATION AGREEMENT” WITH FOREIGN COUNTERPARTS

The article analyzes the content of foreign transactions (simplified criminal procedures) that have common features with the pre-trial cooperation agreement (cooperation agreement) as legal institutions under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. It seems obvious that in the norms of foreign legislation it is necessary to analyze not all transactions or simplified criminal procedural procedures, but only those that have common features with the pre-trial cooperation agreement (cooperation agreement) as legal institutions under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. In the Anglo-Saxon system of law, plea bargaining is the most common plea bargain. More similar to the pre-trial cooperation agreement (cooperation agreement) on the subject and purpose is such a form of transaction in the United States, as the "immunity agreement", this procedure is still called "turning into a witness for the prosecution". In Britain today, only in separate parts (England and Wales) agreement plea bargaining are of limited use, and are different from the transactions in the United States. Speaking about other countries with the Anglo-Saxon system of law, for example, Israel, it can also be stated that plea bargains are a very common legal phenomenon. The author refutes the widespread thesis that the latter are institutions borrowed in foreign law, explores the positive experience of the legislative regulation of the pre-trial cooperation agreement in the Republic of Belarus.

Key words: pre-trial cooperation agreement, plea bargain, simplified criminal procedure procedures.

В научной литературе практически общепризнанным является мнение, что досудебное соглашение о сотрудничестве — институт, заимствованный из зарубежного уголовного права [1, с. 273]. С. С. Ключников называет отечественное досудебное соглашение о сотрудничестве сконструированным во многом по образу и подобию итальянского «*abbreviato*» и «*patteggiamento*» [2, с. 4], признавая, впрочем, наличие общих черт в регламентации данного правового института с законодательством стран англо-саксонской системы права [2, с. 23]. В работах, посвященных досудебному соглашению о сотрудничестве, при исследовании сравнительно-правового аспекта темы авторы рассматривают разновидности «сделок с правосудием» [3, с. 180—189]; [4, с. 89—91; 12] или особенности сокращенных (упрощенных) уголовно-процессуальных процедур [5, с. 42—52] в зарубежном законодательстве.

На наш взгляд, такой подход содержит в себе логическую ошибку — сравнение разных по объему понятий. «Сделки с правосудием» и «сокращенные (упрощенные) уголовно-процессуальные процедуры» — это понятия более широкие, чем досудебное соглашение о сотрудничестве. Последнее является одной из возможных разновидностей первых.

В статье 62 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) наряду с досудебным соглашением о сотрудничестве названы еще две формы уголовно-процессуальных процедур, влияющих на назначение наказания: особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) и особенности судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме (ст. 226.9 УПК РФ). В части 3 ст. 55 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее — УК РК) таковыми названы ускоренное досудебное расследование и процессуальное соглашение, формами которого являются сделка о признании вины и соглашение о сотрудничестве.

В связи со сказанным и принимая во внимание объект исследования, представляется очевидным, что в нормах зарубежного законодательства необходимо анализировать не все сделки или упрощенные уголовно-процессуальные процедуры, а только те, которые имеют общие черты с досудебным соглашением о сотрудничестве (соглашением о сотрудничестве) как правовыми институтами по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан.

В англо-саксонской системе права наиболее распространены сделки о признании вины — *plea bargaining*. В США они регламентированы Федеральными правилами уголовного процесса (11 Правил), принятыми Верховным Судом США, включенными в раздел 18 Свода законов США. В решении Верховного суда США по делу «Сантебелло против Нью-Йорка» (1971 г) такая сделка была признана «необходимостью правовой жизни» [6, р. 177]. Поправки к указанному 11 Правилу, утвержденные в 1974 г., предписывали стремиться к упрощению всех уголовно-процессуальных действий, беспристрастности при рассмотрении дела и устранению неоправданных расходов и проволочек [7, с. 15].

Соглашение о признании вины — это «разрешенная законом письменная сделка обвиняемого и защитника с обвинителем, в которой в обмен на признание обвиняемым (подсудимым) своей вины в менее тяжком преступлении обвинитель отказывается от всестороннего исследования обстоятельств дела, которое прояснило бы истину, а также от поддержания обвинения в более тяжком преступлении» [8, с. 84]. Как отмечает С. С. Ключников, сделка о признании вины «реализуется в трех подвидах: о признании вины в обмен на смягчение обвинения, о признании вины в обмен на снижение наказания, о признании вины в обмен на смягчение обвинения и снижение наказания» [2, с. 24].

Plea bargaining в большей степени сопоставима с особым порядком принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ) и сделкой о признании вины (ст. 613—617 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее — УПК РК)), которые не являются объектом нашего исследования. *Plea bargaining* с российским досудебным соглашением о сотрудничестве и казахстанским соглашением о сотрудничестве практически не имеют общих черт: у них разные предметы, назначение и правовые последствия. Как справедливо заметил И. Э. Звечаровский, «в отличие от зарубежных аналогов, цель которых — признание вины, достижение согласия в части квалификации и размера наказания, цель введения института досудебного соглашения о сотрудничестве в России — стимулирование положительных посткриминальных поступков» [9, с. 14].

Впрочем, элемент сотрудничества в *plea bargaining* может присутствовать. Так, Н. Ю. Холмгорова отмечает, что «большинство соглашений о признании вины в США происходит после составления и предъявления подозреваемому обвинительного акта. Однако подозреваемый может начать переговоры о соглашении до предъявле-

ния обвинения. Такое признание вины до предъявления обвинения бывает полезно, если прокурор хочет использовать подозреваемого для дачи им показаний против других преступников, предлагая, например, выдать главаря банды. В результате этого лицо, ставшее сотрудничать с обвинителем, может быть полностью освобождено от уголовной ответственности. В таком случае обвинительный акт не предъявляется, и другие сообщники лишены возможности узнать о сотрудничестве подозреваемого с обвинением» [10, с. 87].

О. Н. Тисен, ссылаясь на Федеральные правила США, называет среди обстоятельств, принимаемых прокурором во внимание при заключении сделки, наличие у обвиняемого стремления к сотрудничеству и реальное содействие в раскрытии преступлений с его стороны [5, с. 58]. «Признание вины само по себе уже рассматривается как один из способов сотрудничества. В то же время, — пишет Ю. В. Кувалдина, — все чаще стали заключаться сделки под „условием“, что обвиняемый не только признает вину, но и выполнит какую-либо полезную работу для общества, возместит убытки потерпевшему, поможет изобличить соучастников (подраздел (с) (1) Правила 11 Федеральных правил уголовного процесса в окружных судах США). При положительном посткриминальном поведении лица суд, назначая наказание, не вправе выйти за пределы обещанной „вилки“ наказаний. Этот вариант оставляет возможность преследования лица на основе самостоятельно (не от него) полученных доказательств. Соглашение о содействии в расследовании других дел или уголовном преследовании других лиц может быть заключено уже после осуждения лица. В этом случае осужденного стимулируют к заключению соглашения, обещая снизить наказание, назначенное ему по приговору суда» [11, с. 75].

Только принимая во внимание возможное наличие элемента сотрудничества в plea bargaining, данный вид сделки, на наш взгляд, можно сопоставлять с досудебным соглашением о сотрудничестве (соглашением о сотрудничестве). Общей чертой является субъектный состав сделки и соглашений — они заключаются между прокурором и обвиняемым при участии защитника. Отличительной особенностью plea bargaining является то, что она заключается в присутствии федерального судьи, которому отводится роль арбитра, который следит за соблюдением гарантированных законом прав и реализацией основных принципов судопроизводства при согласовании условий сделки, устанавливает добровольность заключения обвиняемым сделки о признании вины и осознание им ее последствий [5, с. 59]. Кроме того, при форму-

лировании условий plea bargaining прокурором учитывается позиция потерпевшего [5, с. 59], что не характерно для соглашения о сотрудничестве.

Предметом plea bargaining, в отличие от досудебного соглашения о сотрудничестве (соглашения о сотрудничестве), как уже отмечалось, не во всех случаях являются действия обвиняемого по содействию стороне обвинения, зато предметом сделки выступают обязательства прокурора (по отказу от всестороннего исследования обстоятельств дела, которое прояснило бы истину, от поддержки обвинения в более тяжком преступлении, от одного или нескольких эпизодов преступной деятельности или переквалификации на менее тяжкое преступление [5, с. 54]. При этом заключение сделки о признании вины в США не гарантирует снижения обвиняемому наказания, а лишь предполагает такую возможность, поскольку суд не связан какими-либо законодательными ограничениями в связи с подобным сотрудничеством обвиняемого со следствием [12, с. 65].

Более сходной с досудебным соглашением о сотрудничестве (соглашением о сотрудничестве) по предмету и назначению является такая форма сделки в США, как «соглашение об иммунитете», данная процедура еще имеет название «превращение в свидетеля обвинения». Суть данной сделки в том, что причастное к совершению преступления лицо в обмен на подробные показания о произошедшем выводится из разряда подозреваемых [15, с. 61]. Процедура заключения данной сделки достаточно сложная, так как такое решение должно быть согласовано с Министерством юстиции. Лишь после одобрения сделки вышестоящим руководством федеральный прокурор может обратиться в окружной суд, который издает распоряжение о принудительной даче показаний субъектом иммунитета. После распоряжения судьи свидетель не вправе отказаться от дачи показаний как против других лиц, так против самого себя в обмен на предоставленный иммунитет. Сделка является письменной [13]. Чаще всего «соглашение об иммунитете» заключается между сторонами защиты и обвинения на стадии предварительного слушания дела в суде, стороны заранее обговаривают возможность заключения такого рода сделки. Это обусловлено тем, что, во-первых, только судья может разрешить спор сторон, во-вторых, только на данной стадии уголовного судопроизводства США доказательства получают свое процессуальное закрепление и юридическую силу, а судья приходит к выводу, достаточно ли оснований полагать, что преступление имело место, и его совершил этот обвиняемый [14, с. 93—96]. Из-за

сложности процедуры указанный вид сделки заключается нечасто.

В современной Великобритании только в отдельных ее частях (Англия и Уэльс) соглашения *plea bargaining* имеют ограниченное использование, и отличаются от одноименных сделок в США. А. В. Пиюк отмечает, что указанные соглашения в данных странах «являются вынужденным для обвинения шагом, применяемым, как правило, при недостаточности улик, сделка допускается только для того, чтобы обвинитель и защита договорились о признании обвиняемым вины по каким-либо составам преступлений, с тем, чтобы обвинитель просто не предъявлял обвинения еще в совершении каких-либо преступлений либо эпизодов. Суд при этом сохраняет беспристрастность — поскольку прокурором обвинения в совершении каких-либо преступлений не предъявлены, традиционно не имеется и оснований для судопроизводства. Принципиален и еще один момент — сделки в этих странах заключаются обвинителями в случае признания вины обвиняемым в обмен на отказ от обвинения в какой-либо части, никаких иных обязательств ни обвинитель, ни суд на себя не принимают, сделки по поводу меры наказания недопустимы ни в Англии и Уэльсе, ни в Австралии в штате Виктория, суды оставляют за собой право самостоятельно разрешать данные вопросы» [15].

Говоря о других странах с англо-саксонской системой права, например Израиле, также можно констатировать, что сделки о признании вины — это весьма распространенное правовое явление. Законодательного определения сделки нет, однако Министерство юстиции Израиля в своем разъяснении «О применении сделок» (п. 1) раскрывает данное понятие: «Сделка о признании вины — это соглашение между стороной обвинения и стороной защиты, в результате которой сторона обвинения обязуется отказаться от части пунктов обвинения и/или требовать назначение менее сурового наказания в ответ на признание обвиняемым вины в части обвинения или обвинения в целом, или признанию фактов, достаточных для признания его виновным».

Поскольку предметом рассматриваемых *plea bargaining* не выступают действия виновного по сотрудничеству с обвинением, такие сделки нельзя, на наш взгляд, назвать аналогом российского досудебного соглашения о сотрудничестве или казахстанского соглашения о сотрудничестве, а потому детальное их сравнение не имеет смысла. То же самое можно сказать и о многих предусмотренных законодательством континентальной Европы ускоренных производствах или сделок.

Так, в качестве примера сделки, предусмотренной УПК Франции, в литературе называют процедуру, регламентируемую ст. 41-2 УПК Франции [3, с. 187—188] и § 153а УПК ФРГ «Прекращение производства дела при исполнении обязательств и указаний». Полагаем, что указанные процедуры отличаются от досудебного соглашения о сотрудничестве (соглашении о сотрудничестве), прежде всего, по целевому назначению. Французская и германская модели рассмотренных специальных процедур ориентированы на применение за преступления, не представляющие большой общественной опасности, альтернативных наказанию мер, содержащих незначительный карательный элемент и направленных на возмещение потерпевшему вреда, предупреждение новых преступлений. При этом вопрос о содействии расследованию вообще не стоит. Факт совершения преступления доказан, виновный признает свою вину. Основное же назначение досудебного соглашения о сотрудничестве — стимулировать активное содействие виновного в расследовании преступлений в обмен на предусмотренные законом правовые последствия (смягчение наказания и др.).

Как отмечалось нами ранее, принято считать, что прообразом российского досудебного соглашения о сотрудничестве являются итальянские сделки с правосудием. В российских уголовно-правовых исследованиях рассматриваемого вопроса, отмечается, что в УПК Италии закреплены две сокращенных процедуры: «*abbreviato*» и «*patteggiamento*», первую называют укоренной процедурой, вторую — ходатайство о наказании по просьбе сторон [15]; [1, с. 276]; [2, с. 25—26]. Однако, обратившись непосредственно к УПК Италии, можно увидеть, что Книга VI данного кодекса, имеющая название «Специальные процедуры» (*Procedimenti speciali*), предусматривает пять таких процедур: ускоренный порядок (*giudizio abbreviato*) (ст. 438—443); назначение наказания по просьбе сторон (*l'applicazione della pena su richiesta delle parti*) (ст. 444—448); прямое разбирательство (*giudizio direttissimo*) (ст. 449—452); немедленное решение (*giudizio immediato*) (ст. 453—458); процедура приказа (*procedimento per decreto*) (ст. 459—464).

Отметим, что слово «*abbreviato*» имеет место в названии первой процедуры, слово «*patteggiamento*» в УПК Италии вообще не употребляется, хотя и используется в юридической литературе применительно ко второй [16]; [17].

Содержание указанных пяти специальных процедур достаточно обстоятельно рассмотрено А. А. Суминым, О. В. Химичевой [18]. Опираясь на исследование данных авторов и собственно на положения УПК Италии, можно сделать вывод о том, что все

пять специальных процедур направлены на упрощение и ускорение судопроизводства при согласии обвиняемого с квалификацией преступления или при очевидности доказательств виновности лица, его совершившего, применяются в большинстве случаев (кроме первой процедуры) по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности. Ни в одной из рассмотренных специальных процедур не является условием смягчения наказания способствование лица расследованию преступления. Назначение наказания по просьбе сторон или, как многие называют данную процедуру, «*patteggiamento*» скорее является прообразом сделки о признании вины по законодательству Республики Казахстан и особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (глава 40 УПК РФ) [18], но это выходит за рамки нашего исследования. То же самое можно сказать и о специальных процедурах других стран континентальной Европы. Упрощенная процедура уголовного судопроизводства, предусмотренная ст. 655, 694—700 УПК Испании, ст. 392 Португалии, как справедливо отмечается в литературе, относится к разряду сделок о согласии с обвинением [19, с. 37]. Сделки (соглашения) о признании вины есть в УПК Молдовы (ст. 504—509), УПК Украины (Глава 35).

Для исследования вопроса о возможности заимствования положительного опыта законодательной регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо обратиться к законодательству тех стран, которые имеют такой опыт.

В Республике Беларусь досудебное соглашение о сотрудничестве как правовой институт действует с января 2015 г., регламентируется уголовным и уголовно-процессуальными кодексами (далее — УК РБ, УПК РБ). Определение досудебного соглашения о сотрудничестве дано в УПК РБ: «досудебное соглашение о сотрудничестве — соглашение, заключаемое в письменном виде между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, в котором определяются обязательства подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному следствию и условия наступления ответственности подозреваемого (обвиняемого) при выполнении им указанных обязательств (п. 4¹ ч. 1 ст. 6 УПК РБ)».

В качестве интересных моментов законодательной регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве в УПК РБ (касающихся самого соглашения, а не особенностей расследования и судебного производства), вопрос о заимствовании которых следует, на наш взгляд, рассмотреть отдельно, можно выделить:

— возможность заключение соглашения с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), в присутствии законного представителя (ч. 1 ст. 468⁶ УПК РБ);

— более детальное описание содержания сотрудничества подозреваемого (обвиняемого): «содействие предварительному следствию в расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества, приобретенного преступным путем, а также действия по возмещению имущественного ущерба, уплате дохода, полученного преступным путем, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением. Подозреваемый (обвиняемый) также дополнительно может взять на себя обязательство сообщить известные ему сведения о других преступлениях и лицах, их совершивших» (ч. 4 ст. 468⁶ УПК РБ);

— отсутствие определения правовых последствий выполнения обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве в УПК РБ (они в соответствии с назначением правовых отраслей регламентируются только УК РБ).

В УК РБ досудебному соглашению о сотрудничестве посвящена отдельная статья 69¹ «Назначение наказания в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве». Она располагается между статьей о назначении наказания при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 69) и статьей о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 70). Такое месторасположение рассматриваемой нормы отличается и от российского, и от казахстанского варианта, оно подчеркивает самостоятельность досудебного соглашения о сотрудничестве как правового института, который рассматривается белорусским законодателем вне рамок института обстоятельств, смягчающих наказание, (российский вариант) и вне института назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (казахстанский вариант).

Положительным моментом законодательной регламентации рассматриваемого института в ст. 69¹ УК РБ, является формулировка условия применения смягчения наказания — «При выполнении лицом, совершившим преступление, обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве...». В частях 2 и 4 ст. 62 УК РФ говорится о факте заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, что противоречит сути соглашения и его уголовно-процессуальной регламентации. В части 3 ст. 55 УК РК используется формулировка «при выполнении условий процессуального соглашения». Какое выражение уместнее использовать: «выполнение обязательств» или «выполнение условий» — требует осмысления, но то, что правовые последствия досудебного

соглашения о сотрудничестве правильнее связывать именно с фактом его выполнения, а не заключения, на наш взгляд, бесспорно.

Правовые последствия выполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, в УК РБ дифференцируются, в зависимости от категории и объекта преступления, а также его наказуемости в виде пожизненного заключения или смертной казни.

Так, согласно ч. 1 ст. 69¹ УК РБ, «при выполнении лицом, совершившим преступление, обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, срок или размер наказания не может превышать половины максимально-го срока или размера наиболее строгого вида основного наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, а в случае совершения лицом тяжкого или особо тяжкого преступления, сопряженного с посягательством на жизнь или здоровье человека, — двух третей максимально-го срока или размера наиболее строгого вида основного наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Часть 2 указанной статьи гласит: «Правила, предусмотренные частью 1 настоящей статьи, не применяются в отношении лица, совершившего преступление, за которое соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса предусмотрены пожизненное заключение или смертная казнь. В этом случае при выполнении лицом, совершившим преступление, обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, смертная казнь не применяется. Такому лицу может быть назначено наказание в виде пожизненного заключения или лишения свободы в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса». Иных правовых последствий (освобождение от уголовной ответственности, наказания, условное осуждение и др.) не предусмотрено.

Возможность заимствования подобной дифференциации требует самостоятельного осмысления, но, безусловно, представляет интерес.

Сравнительно-правовой анализ российского досудебного соглашения о сотрудничестве и казахстанского соглашения о сотрудничестве с зарубежными аналогами позволяет сделать ряд выводов.

Российское досудебное соглашение о сотрудничестве не является институтом, полностью заимствованным из зарубежного законодательства. Безусловно, сделки (соглашения) с правосудием и иные специальные процедуры судопроизводства присутствовали в законодательствах зарубежных стран, особенно относящихся к англо-саксонской системе права. Однако в большинстве стран данной правовой системы распространены сделки о

признании вины, которые по своему целевому значению, содержанию и процедуре сопоставимы с российской процедурой, предусмотренной главой 40 УПК РФ, и казахстанской сделкой о признании вины, но не с досудебным соглашением о сотрудничестве. С последним в какой-то мере можно сравнивать сделки о признании вины, заключаемые под условием сотрудничества со стороны обвинения (США). Но ввиду их существенных отличий, а также специфики судопроизводства стран англо-саксонской системы права, допускающей фактический отказ государства от установления объективной истины в уголовном процессе в обмен на упрощение, ускорение и удешевление судебных процедур, вряд ли можно вести речь о заимствовании опыта законодательной регламентации таких сделок российским и казахстанским законодателем.

Сопоставимой с досудебным соглашением о сотрудничестве (соглашением о сотрудничестве) является такая форма сделки в США, как «соглашение об иммунитете» или «превращение в свидетеля обвинения». Их сходство частично в предмете — стороны согласовывают, какие действия по содействию обязуется совершить подозреваемый, однако в американской сделке указываются обязательства прокурора, в российском и казахстанском варианте такие обязательства не обозначаются, а указываются лишь возможные уголовно-правовые последствия. Есть частичное сходство в субъектах: одной из сторон во всех соглашениях является прокурор (в США требуется согласование с министерством юстиции), другой стороной в американском варианте соглашения — подозреваемый, в российском — подозреваемый или обвиняемый, в казахстанском — подозреваемый, обвиняемый, подсудимый или осужденный. Различия есть и в правовых последствиях: соглашение об иммунитете исключает уголовную ответственность. Освобождение от уголовной ответственности как возможное правовое последствие соглашения о сотрудничестве, наряду со смягчением наказания, предусмотрено УК РК. Российский законодатель такое последствие не предусматривает. Возможность его включения в УК РФ требует дополнительного осмысления.

В законодательстве стран континентальной Европы отсутствует аналог досудебного соглашения о сотрудничестве, в связи с чем вопрос о заимствовании какого-либо положительного опыта в данной сфере вообще не стоит.

Интересен подход к законодательной регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве в Республике Беларусь, особенностями которого являются размещение нормы о досудебном соглашении о сотрудничестве в самостоятельной статье УК РБ; связь смягчения наказания с фак-

том выполнения обязательств по соглашению, а не с фактом его заключения; дифференциация смягчения наказания в зависимости от категории преступления и его объекта, наказуемости в виде

смертной казни и пожизненного тюремного заключения; отсутствие иных правовых последствий, кроме смягчения наказания; возможность заключения соглашения с несовершеннолетним.

1. Климанова О. В. История и особенности современного правового регулирования и практики применения аналогов института досудебного соглашения о сотрудничестве в зарубежных странах // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11—2 (22).

2. Ключников С. С. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.

3. Родин С. С., Яджин Н. В. Досудебное соглашение и «сделка с правосудием»: прагматизм без конфликта с нравственностью? // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2014. № 4.

4. Шилкина А. Н., Ментюкова М. А. Сравнительная характеристика института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе России и зарубежных стран // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 12—3. С. 89—91.

5. Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве. М., 2016.

6. Abraham H. J. The Judicial Process: An Introductory Analysis of the Courts of the United States, England and France. 6th ed. New York: Oxford University Press, 1993.

7. Федеральные правила уголовного процесса в судах США // Сборник ассоциации американских юристов-адвокатов // Законодательная инициатива для Центральной и Восточной Европы. 2000.

8. Davis J. R. Criminal Justice in New York City. New York, 1990. P. 5.

9. Звечаровский И. Э. Юридическая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. 2009. № 9.

10. Холмогорова Н. Ю. «Сделка с правосудием» в России и США: сравнительно-правовой анализ процессуального законодательства // Вестник удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 2.

11. Кувалдина Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011.

12. Янина Я. Ю. Обеспечение законности

1. Klimanova O. V. History and features of modern legal regulation and practice of using analogues of the institute of pre-trial agreement on cooperation in foreign countries. Bulletin of Samara State University. 2014; 22 (11—2).

2. Klyushnikov S. S. Institute of pre-trial agreement on cooperation and its criminal legal significance. Abstract of dissertation of the candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2013.

3. Rodin S. S., Yagin N. V. Pre-trial agreement and the "deal with justice": pragmatism without conflict with morality? Jurisprudence and law enforcement practice. 2014; 4.

4. Shilkina A. N., Mentyukova M. A. Comparative characteristics of the institution of pre-trial agreement on cooperation in the criminal process of Russia and foreign countries. Actual problems of the humanities and natural sciences 2016; 12—3: 89—91.

5. Tisen O. N. The theoretical and practical problems of the institution of pre-trial agreement on cooperation in the Russian criminal proceedings. Moscow; 2016

6. Abraham H. J. The Judicial Process: An Introductory Analysis of the Courts of the United States, England and France. 6th ed. New York: Oxford University Press; 1993.

7. Federal rules of the criminal process in US courts. In: Collection of the Association of American Lawyers-Lawyers. Legislative Initiative for Central and Eastern Europe; 2000.

8. Davis J. R. Criminal Justice in New York City. New York; 1990.

9. Zvecharovsky I. E. The legal nature of the institution of pre-trial agreement on cooperation. Legality. 2009; 9.

10. Kholmogorova N. Yu. "Deal with justice" in Russia and the USA: a comparative legal analysis of procedural legislation // Bulletin of the Udmurt University. 2016; 26; 2.

11. Kuvaldina Yu. V. Background and prospects for the development of compromise methods for resolving criminal law conflicts in Russia. Dissertation of the candidate of juridical sciences. Samara: SamGu; 2011.

12. Yanina Ya. Yu. Ensuring the legality of a compromise method for resolving conflicts in criminal proceedings. In: Ensuring the rule of law in Russian criminal proceedings: proceedings of

компромиссного способа разрешения конфликтов уголовного судопроизводства // Обеспечение законности в российском уголовном судопроизводстве: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Саранск, 7–8 декабря 2006 г.). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2006.

13. Козлова Н. Сделки с правосудием // Российская газета. 2009. № 4947 (123). 8 июля.

14. Топчиева Т. В. Соотношение соглашений о сотрудничестве в уголовном процессе России и США // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. Том 51. № 3.

15. Пиюк А. В. Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве российской федерации в свете типологии современного уголовного процесса: моногр. Томск, 2011.

16. Borasi I. Il Patteggiamento. URL: <http://www.altalex.com/documents/altalexpedia/2013/10/25/patteggiamento> (дата обращения: 21.06.2019).

17. Maniscalco M. Il patteggiamento. Torino: Utet, 2006.

18. Сумин А. А., Химичева О. В. Специальные судебные процедуры в уголовном процессе Итальянской Республики. URL: <http://отрасли-права.рф/article/27853> (дата обращения 03.06.2019).

19. Тейман С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. 1998. № 10.

© Салыкова А. К., 2019

Салыкова Алия Кайратовна,

доцент кафедры уголовного права и процесса
Центрально-Казахстанской академии
(г. Караганда);
e-mail: aliya-salykova@mail.ru

the International scientific-practical conference Russia, Saransk, 7—8 December 2006). Saransk: Mordov Prince Publishing House; 2006.

13. Kozlova N. Transactions with justice // Russiyskaya gazeta. 2009; 4947 (123); July 8.

14. Topchieva T. V. The ratio of cooperation agreements in the criminal process of Russia and the United States. Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011; 51; 3.

15. Piyuk A. V. The problems of applying simplified forms of resolving criminal cases in the proceedings of the Russian Federation in the light of the typology of the modern criminal process. Monograph. Tomsk: Tomsk State University; 2011.

16. Borasi I. Il Patteggiamento. Available from: <http://www.altalex.com/documents/altalexpedia/2013/10/25/patteggiamento>. Accessed: 21 June 2019.

17. Maniscalco M. Il patteggiamento. Torino: Utet; 2006.

18. Sumin A. A., Khimicheva O. V. Special judicial procedures in the criminal proceedings of the Italian Republic. Available from: <http://industry-prava.rf/article/27853>. Accessed: 3 June 2019.

19. Teyman S. Guilty plea or abbreviated forms of legal proceedings: which way will Russia go. Russian justice. 1998; 10.

© Salykova A. K., 2019

Salykova Alia Kairatovna,

associate professor
at the department of criminal law and process
of Central-Kazakhstan Academy (Karaganda);
e-mail: aliya-salykova@mail.ru

* * *

К. Б. Холов

**ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КРУГА СУБЪЕКТОВ, НАДЕЛЕННЫХ ПОЛНОМОЧИЯМИ
В ОТКАЗЕ ОТ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ
В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

Отказ в возбуждении уголовного дела является итоговым решением, принимаемым следователем (дознавателем) на стадии возбуждении дела, которым завершается уголовное судопроизводство в целом. В связи с этим отказ в возбуждении уголовного дела относится к числу основных уголовно-процессуальных решений, имеет преюдициальное значение для органов уголовного преследования, являясь основанием прекращения будущего уголовного преследования в отношении конкретных лиц по тому же самому подозрению (п. 5 ч. 1 ст. 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, п. 6 ч. 1 ст. 27 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан).

В статье осуществляется правовой анализ субъектов, наделенных полномочиями в отказе от уголовного преследования на досудебном производстве уголовного процесса по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан, исследуется правовая природа, системная взаимосвязь института отказа от уголовного преследования в досудебном производстве с нормами права, регулирующими порядок принятия решения об отказе от осуществления уголовного преследования субъектами, наделенными полномочиями.

В настоящий момент институт отказа от уголовного преследования в досудебном производстве в Республике Таджикистан закреплен в ст. 24—26 и чч. 10—11 ст. 279 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, полномочиями на осуществление которого наделены только прокурор, потерпевший, его представитель, а также законные представители, что, несомненно, является дискуссионной темой, требующей дальнейшего уголовно-процессуального совершенствования, поскольку законодательством Российской Федерации данными правами наделен более широкий круг лиц, который также рассматривается в рамках данной статьи.

Ключевые слова: отказ от уголовного преследования в досудебном производстве, институт отказа уголовного преследования, уголовное преследование, возбуждение уголовного дела, досудебное производство, законодательство, следственные органы, процессуальное решение.

К. В. Kholov

**LEGAL ANALYSIS OF THE CIRCLE OF ENTITIES EMPOWERED TO REFUSE
CRIMINAL PROSECUTION IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN ACCORDANCE
WITH THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

The refusal to initiate a criminal case is the final decision made by the investigator (interrogator) at the stage of initiating a case, which ends the criminal proceedings as a whole. In this regard, the refusal to initiate a criminal case is one of the main criminal procedural decisions, which is of prejudicial importance to the criminal prosecution bodies, being the basis for terminating the future criminal prosecution of specific individuals on the same suspicion (clause 5 part 1 of Article 27 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, clause 6 part 1 of article 27 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Tajikistan)

The article provides a legal analysis of the entities empowered to refuse criminal prosecution in pre-trial criminal proceedings under the legislations of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan, examines the legal nature, systemic relationship of the institution of non-criminal prosecution in pre-trial proceedings with the rules of law governing decision-making on refusal of criminal prosecution by the entities vested with authority.

At present, the institution of non-criminal prosecution of pre-trial proceedings in the Republic of Tajikistan is enshrined in Art. 24—26 of the Code of Criminal Procedure and parts 10-11 Art. 279 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Tajikistan, the powers of which are only granted to the prosecutor, the victim, their representative, as well as legal representatives, which is undoubtedly a debatable topic that requires further criminal procedural improvement, since the legislation of the Russian Federation vests a wider circle of people with these rights, which is also addressed in this article.

Key words: refusal of criminal prosecution in pre-trial proceedings; institution of refusal of criminal prosecution; criminal prosecution; criminal proceedings; pre-trial proceedings; legislation; Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; Code of Criminal Procedure of the Republic of Tajikistan; investigative authorities; procedural decision.

Среди всех видов государственной деятельности уголовное судопроизводство в наибольшей степени затрагивает конституционные права и свободы граждан, вторгаясь в их частную жизнь. Его эффективность обеспечивается соблюдением принципов, закрепленных уголовно-процессуальным законом, основных прав и свобод граждан на уважение чести и достоинства личности, ее неприкосновенности, предоставления подозреваемым и обвиняемым права на получение квалифицированной юридической помощи, а также соблюдения презумпции невиновности.

Все перечисленные условия осуществления уголовного судопроизводства закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве не только Российской Федерации, но и в других стран Содружества Независимых Государств, в частности Республики Таджикистан. В данной статье нами будет проведен сравнительный правовой анализ круга субъектов, наделенных полномочиями в отказе от уголовного преследования в досудебном производстве в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Таджикистан, а также рассмотрены некоторые диспозиции в нормативных правовых актах уголовно-процессуальной регламентации отказа от уголовного преследования на досудебных стадиях в Российской Федерации и Республики Таджикистан, требующие определенной доработки.

В российском уголовном судопроизводстве уголовное преследование, согласно п. 55 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), является прерогативой стороны обвинения, в связи с чем уголовно-процессуальным законодательством России институту отказа от уголовного преследования на досудебной стадии отведена глава 4 УПК РФ, в которой прописаны основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела [1], а также основания прекращения уголовного преследования.

В свою очередь, ст. 21 УПК РФ определяет круг субъектов, наделенных полномочиями осуществлять уголовное преследование, и, соответственно, дает им право принимать решение об отказе от уголовного преследования на досудебной стадии. Данным полномочием наделены следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, руководитель органа дознания и прокурор. Наряду с этим уголовно-процессуальным законодательством предусмотрены не только субъекты, осуществляющие уголовное преследование в досудебном производстве, но и лица, участвующие в осуществлении уголовного преследования. К ним относятся: частный обвинитель, потерпевший, его законный представитель и представитель, гражданский истец и его представитель.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством России субъекты, имеющие право на участие в уголовном преследовании, индивидуальны по своему характеру, содержанию прав и обязанностей, продолжительности участия в преследовании и др. [2, с. 52]. Например, если лица, осуществляющие производство по уголовному делу, обязаны преследовать лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния, то частный обвинитель, потерпевший, его законный представитель, гражданский истец и его представитель такой обязанности не имеют. Исходя из этого принятие решения об отказе от уголовного преследования в досудебном производстве является обязанностью следователя, дознавателя, руководителей органа дознания и следствия и прокурора. Необходимо отметить, что следователь принимает решение об отказе от уголовного преследования в досудебном производстве с разрешения руководителя следственного органа, а дознаватель — с разрешения прокурора.

На стадии досудебного производства задача уголовного преследования состоит в установлении

субъектами уголовного преследования факта совершенного преступного деяния, его доказывании, а также привлечении к уголовной ответственности лиц, причастных к совершению преступления, определении степени их виновности в соответствии с порядком, предусмотренным законодательством РФ.

Нужно отметить, что согласно ст. 20—21 УПК РФ к субъектам, осуществляющим уголовное преследование и наделенным полномочиями отказа в осуществлении уголовного преследования на досудебных стадиях, также относится прокурор [3, с. 108].

Полагаем, что под уголовным преследованием, осуществляемым органами прокуратуры, стоит понимать их основную функцию и обязанность — изобличение подозреваемого (обвиняемого), предшествующее постановлению приговора (либо прекращения уголовного дела). Анализ ч. 1 ст. 21 УПК РФ показывает, что прокурор реализует данное направление деятельности по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения. Для наиболее подробного рассмотрения этого вопроса необходимо выделить основные полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования на досудебных стадиях и отказа от него, закрепленные в рамках ст. 37 УПК РФ:

Пункт 2: выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства.

Пункт 4: давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий.

Пункт 5: давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения.

Пункт 6: отменять незаконные или необоснованные постановления нижестоящего прокурора в порядке, установленном УПК РФ.

Пункт 8: участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока задержания под стражей либо об отмене или изменении данной меры пресечения, а также при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий, которые допускаются на основании судебного решения, и при рассмотрении жалоб в порядке, установленном статьей 125 УПК РФ.

Пункт 11: изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи.

Пункт 12: передавать уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому (за исключением передачи уголовного дела или материалов проверки в рамках системы одного органа предварительного расследования).

Пункт 13: утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу.

Пункт 15: возвращать уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков [3, с. 109].

Исходя из сказанного, полагаем, что процессуальная деятельность прокурора в досудебном производстве Российской Федерации направлена на привлечение определенного лица, совершившего преступное деяние, к уголовной ответственности, что является составляющей уголовного преследования.

В рамках правового анализа рассмотрим уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан, регламентирующее осуществление уголовного преследования в досудебном производстве по уголовным делам и вынесение решения об отказе в уголовном преследовании.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Таджикистан (далее — УПК РТ) под термином «уголовное преследование» понимается процессуальная деятельность, осуществляемая прокурором, следователем, дознавателем в целях установления деяния, запрещенного уголовным законом, и совершившего его лица, его привлечения в качестве обвиняемого, а также для обеспечения применения к нему наказания или других принудительных мер. Согласно ч. 4 ст. 24 УПК РТ прокурор вправе осуществлять уголовное преследование по делам частного или частно-публичного обвинения. Соответственно, полномочиями в отказе от уголовного преследования по уголовным делам в досудебном производстве обладают следующие субъекты уголовного судопроизводства: прокурор, следователь, руководитель следственного подразделения, дознаватель, орган дознания, руководитель специализированного органа по борьбе с коррупцией, начальник дознаватель-

ного подразделения. В свою очередь, потерпевший, гражданский истец, частный обвинитель, представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть участниками осуществления уголовного преследования.

В результате анализа законодательства, регламентирующего осуществление уголовного преследования в Республике Таджикистан, можно сделать вывод, что институт отказа от уголовного преследования в досудебном производстве по уголовным делам недостаточно проработан и требует определенного совершенствования. Например, введения в УПК РТ главы, предусматривающей осуществление отказа от уголовного преследования в досудебном производстве по уголовным делам, которая бы прямо прописывала порядок, основания и субъектов отказа от уголовного преследования или прекращения уголовного дела [4, с. 147].

На основании изложенного считаем целесообразным предложить законодателю внести следующие изменения в УПК РТ:

1. Анализ определений института отказа от уголовного преследования в досудебном производстве в уголовно-процессуальной науке Республики Таджикистан показал, что необходимо формирование конкретного термина «отказ от уголовного преследования в досудебном производстве» и закрепление его в уголовно-процессуальном законе.

2. Нужно разграничение в соответствии с имеющимися полномочиями в отказе от уголовного преследования субъектов, осуществляющих уголовное преследование в досудебном производстве, по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан по таким критериям, как:

— органы государственной власти и должностные лица, осуществляющие уголовное преследование в силу своих служебных полномочий: прокурор, начальник следственного подразделения, следователь, начальник подразделения дознания и дознаватель, отнесенные к стороне обвинения;

— потерпевший (частный обвинитель), его законный представитель и представитель, граждан-

ский истец, его законный представитель и представитель, также участвующие в уголовном преследовании на стороне обвинения. В настоящий момент институт отказа от уголовного преследования в досудебном производстве закреплен в ст. 24—26 УПК РТ и чч. 10—11 ст. 279 УПК РТ, полномочиями на который наделены только прокурор, потерпевший, его представитель, а также законные представители, что, несомненно, является дискуссионной темой, требующей дальнейшего уголовно-процессуального совершенствования.

Необходимо отметить, что автором предлагается наделить полномочиями отказа от уголовного преследования только тех должностных лиц, которые в соответствии с законодательством относятся к субъектам, реализующим функцию уголовного преследования в досудебном производстве Республики Таджикистан согласно ст. 24—26 УПК РТ и главе 5 УПК РТ, не наделяют правом преследования должностных лиц органов дознания, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность.

В заключение необходимо подчеркнуть, что институт отказа от уголовного преследования, основания, субъекты и порядок регламентируются уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, однако в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан этот вопрос до конца не изучен и является актуальным, в связи с чем предложения авторов о необходимости закрепления в УПК РТ отдельной главы, регламентирующей отказ от уголовного преследования в досудебном производстве, определение прав и обязанностей субъектов, наделенных данными полномочиями, и процессуального порядка проведения процедуры отказа от уголовного преследования в досудебном производстве с указанием обстоятельств, исключающих дальнейшее производство по уголовным делам в рамках данного направления, имеют рациональное значение и будут способствовать совершенствованию уголовного судопроизводства и эффективному расследованию преступлений в Республике Таджикистан.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Гатауллин З. Ш. Понятие и содержание уголовного преследования в состязательном судопроизводстве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 4.

3. Александрова О. Ю. Уголовное преследование как одно из основных направлений деятель-

1. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of 18 December 2001. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus"

2. Gataullin Z. Sh. The concept and content of criminal prosecution in adversarial proceedings. Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017; 4.

3. Aleksandrova O. Yu. Criminal prosecution as one of the main activities of the prosecution

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ности органов прокуратуры Российской Федерации, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2015. Вып. № 1 (18).

4. Глебов В. Г., Холов К. Б. Институт уголовного преследования в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Таджикистан // Образование и право. 2017. № 10.

© Холов К. Б., 2019

Холлов Комрон Бозорович,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
e-mail: XolovKomronBozorovich@gmail.ru

authorities of the Russian Federation, the Kyrgyz Republic and the Republic of Tajikistan. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia. 2015;18 (1).

4. Glebov V. G., Kholov K. B. Institute of criminal prosecution in the criminal process of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. Education and Law. 2017; 10.

© Kholov K. B., 2019

Kholov Komron Bozorovich,
associate postgraduate
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia;
e-mail: XolovKomronBozorovich@gmail.ru

* * *

Н. И. Костюченко, А. И. Мелихов

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕЕ ПРЕПОДАВАНИЯ,
ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ОТСУТСТВИЕМ ПОНЯТИЯ ФЕНОМЕНА «БЕЗОПАСНОСТЬ»
И РАЗДЕЛОВ ПО ОСНОВАМ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ И ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ**

В научной статье авторы рассматривают вопросы формирования основ теории национальной безопасности, которые имеют существенное значение для оперативно-разыскной деятельности. На основе анализа научной и учебной литературы ими аргументируются причины возникновения таких проблем, как отсутствие в исследованиях диалектического, системного, функционального, структурного, конкретно-исторического подходов; рассмотрение указанных явлений в отрыве от теории социальных систем и теории управления; отсутствие дефиниции феномена «безопасность» и единства научных мнений относительно понятийного аппарата феноменов «безопасность», «система безопасности», «национальная безопасность» и определения места этих явлений в системе государства; исключение научной специальности «теория управления» из перечня научных специальностей.

Предлагаются пути решения перечисленных проблем при реализации упомянутых подходов и использовании законов теорий социальных систем и управления.

Ключевые слова: система, социальная система, структура систем безопасности, система безопасности, национальная безопасность, система управления.

N. I. Kostuchenko, A. I. Melikhov

**MODERN PROBLEMS OF FORMATION
OF THE THEORY OF NATIONAL SECURITY AND ITS TEACHING,
DUE TO THE LACK OF THE CONCEPT OF THE PHENOMENON OF "SECURITY"
AND SECTIONS ON THE FOUNDATIONS OF THE THEORY OF SOCIAL SYSTEMS
AND CONTROL THEORY**

In the scientific article, the authors consider the problems of formation of the foundations of the theory of national security, which are essential for operational investigative activities. Based on the analysis of scientific and educational literature, they substantiate the causes of problems such as: lack of dialectical, systemic, functional, structural, concrete historical approaches in research; consideration of these phenomena in isolation from the theory of social systems and control theory; lack of the definition of the phenomenon of "security" and the unity of scientific opinions regarding the conceptual apparatus of the phenomena of "security", "security system", "national security" and the determination of the place of these phenomena in the state system; exclusion of the scientific specialty "management theory" from the list of scientific specialties.

Ways are proposed to solve these problems when implementing the above approaches and using the laws of theories of social systems and management.

Key words: system, social system, structure of security systems, security system, national security, management system.

В настоящее время практика преподавания учебной дисциплины «Основы теории национальной безопасности» (далее — ОТНБ) сталкивается с проблемами, которые обусловлены недостаточной научной обоснованностью общетеоретического характера, существующей в теории национальной безопасности и теории социального управления.

Это не позволяет донести слушателям философский и системный характер и содержание феноменов «безопасность», «национальная и государственная безопасность», «система безопасности», раскрыть их взаимосвязь и взаимозависимость как системных социальных явлений и подсистемных образований государства. В результате вопросы

реализации правовых основ, регламентирующих обеспечение безопасности в отдельных сферах государственной деятельности, не могут быть раскрыты в исчерпывающем объеме, что сказывается на эффективности оперативно-разыскной деятельности. Отсюда можно утверждать, что методология исследования теории национальной безопасности как основа формирования учебных материалов в части изучения дисциплины «ОТНБ» не в полной мере отвечает потребностям современности. В первую очередь это связано с ограниченным применением и полным отсутствием в исследованиях феноменов национальной безопасности системного, диалектического, функционального, структурного, конкретно-исторического подходов, а также обособлением ОТНБ от теории управления. Подробно данные проблемы рассматривались в ряде работ одного из авторов статьи [1—4].

В подтверждение приведем мнение В. С. Поликарпова: «Неизмеримо возрастает значимость философии безопасности как методологической основы научной теории безопасности, необходимой для решения целого диапазона практических проблем безопасности личности, общества и государства. Необходимо иметь в виду то обстоятельство, что в философских словарях отсутствуют понятия безопасности и опасности, что в них в лучшем случае речь идет о войне, причем данному феномену посвящен ряд исследований. Понятия опасности (угрозы) и безопасности отсутствует и в современном отечественном словаре по психологии, они приведены в зарубежном толковом психологическом словаре. Иными словами, весь спектр опасностей и угроз и средства защиты от них не нашел своего должного философского осмысления, тогда как реалии современной жизни требуют этого» [5, с. 11]. Данная точка зрения имеет принципиальное значение не только для формирования положений ОТНБ, но и для создания на этой основе учебных материалов по одноименной дисциплине. Однако ей не уделено должного внимания: в исследованиях, посвященных ОТНБ, по-прежнему отсутствует диалектический подход к осмыслению феномена «безопасность» как объективно существующей реальности. Кроме того, не сложились системный, функциональный, структурный, конкретно-исторический подходы и основополагающие аспекты теории управления, без которых вряд ли возможно решить проблемы ОТНБ.

В результате вопросы формирования понятийного аппарата, связанного с феноменами «безопасность», «система безопасности», «система национальной безопасности», их взаимозависимости с социальной государственной системой и системой

государственного «управления», остаются открытыми. Все это влечет за собой проблемы и в преподавании дисциплины «ОТНБ». Неопределенность понятийного аппарата не позволяет сформировать у слушателей необходимого объема знаний для осмысления указанных феноменов и умения эффективно применять эти знания в практической деятельности в рамках управления органом внутренних дел как одним из видов социальных систем. Перечисленные проблемы теории национальной безопасности непосредственно связаны с системой государства и системой государственного управления, поэтому среди возникновения их причин необходимо отметить следующие:

1) исключение научных специальностей «социального и государственного управления» из перечня специальностей Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, что привело к прекращению соответствующих исследований;

2) отсутствие в учебной литературе разделов «Основы теории социальных систем» и «Теория управления социальными системами».

В итоге ряд направлений государственной деятельности, связанных с управлением государством как видом социальной системы и подсистемой национальной безопасности, остается вне поля зрения ученых, поэтому феномен «безопасность» не рассматривается в качестве элемента социальных систем с позиций философии, теории систем и теории управления. Попытки устранить эти проблемы в других научных сферах (социологии, социологии управления, менеджменте, теории организации) не увенчались успехом. Это обусловлено различием предметов и объектов исследования названных дисциплин и теории управления социальными, государственными системами и их подсистемами [6].

Сказанное имеет непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме преподавания курса ОТНБ, в котором отсутствует раздел «Основы теории социальных систем и теории управления».

Как известно, для того чтобы сформулировать понятие, необходимо уяснить суть конкретного явления, его место и роль в социальной системе, государстве и обществе. Однако, если мы обратимся к существующему научному аппарату в сфере национальной безопасности, столкнемся с неоднозначностью терминов, в некоторых случаях с их отсутствием, а также с отсутствием дефиниций рассматриваемых феноменов. Например, в научной и учебной литературе сформировалось мнение о том, что до настоящего времени не определено понятие «безопасность». Его разделяют практически все ученые (М. Ю. Зеленков, А. А. Прохожев,

В. А. Спиридонова, Н. Н. Терехова и др. [7—10]. Так, М. Ю. Зеленков отмечал: «Термин „безопасность“ в научной литературе весьма многозначен, до сих пор не выработано четкого определения данного понятия и, что более важно, отсутствует целостная концепция его понимания» [7, с. 209]. В связи с этим, рассматривая проблемы безопасности государства, ученые ведут речь о «состоянии государства „без опасности“».

Последнее утверждение имеет право на существование, однако при этом остается открытым вопрос: как и каким образом может быть достигнуто состояние «без опасности» в повседневном функционировании государства. Разрешить его можно только при условии введения в курс «ОТНБ» раздела, посвященного основам «теории социальных систем и теории управления», который позволит определить место и взаимосвязи интересующих нас феноменов в любых социальных, в том числе государственных и негосударственных, системах. Однако как в учебном процессе раскрыть суть социальных явлений «безопасность», «система безопасности» и «национальная безопасность», каким образом обеспечить «состояние без опасности», если эти понятия не рассматривались учеными как объективно существующие элементы социальных систем?

Отсутствие соответствующих научных разработок приводит к тому, что рассматриваемые феномены не находят своего отражения в учебных материалах, следовательно, обучаемые не могут составить полного представления о них как о системных явлениях, об их месте в системе государства и его подсистемных образованиях. Безусловно, это сказывается и на эффективности практической деятельности выпускников, а в ряде случаев может привести к серьезным последствиям при обеспечении безопасности личности и общества.

В целях подтверждения сказанного рассмотрим проблемы ОТНБ, связанные с отсутствием диалектического, системного, структурного, функционального и конкретно исторического подходов более детально. Так, с точки зрения первого «безопасность», «система безопасности» и «национальная безопасность» должны исследоваться как объективно существующие элементы социальных образований, однако этого не наблюдается (не сформулировано, как уже было отмечено, даже определения безопасности) [3]; [5]. При диалектическом подходе можно утверждать, что безопасность как функция социальной системы свойственна любому социальному образованию (рис. 1). К этому выводу нас приведет и системный подход: любое социальное образование с точки зрения теории систем является тем или иным видом социальной системы (рис. 2). [2]; [3].

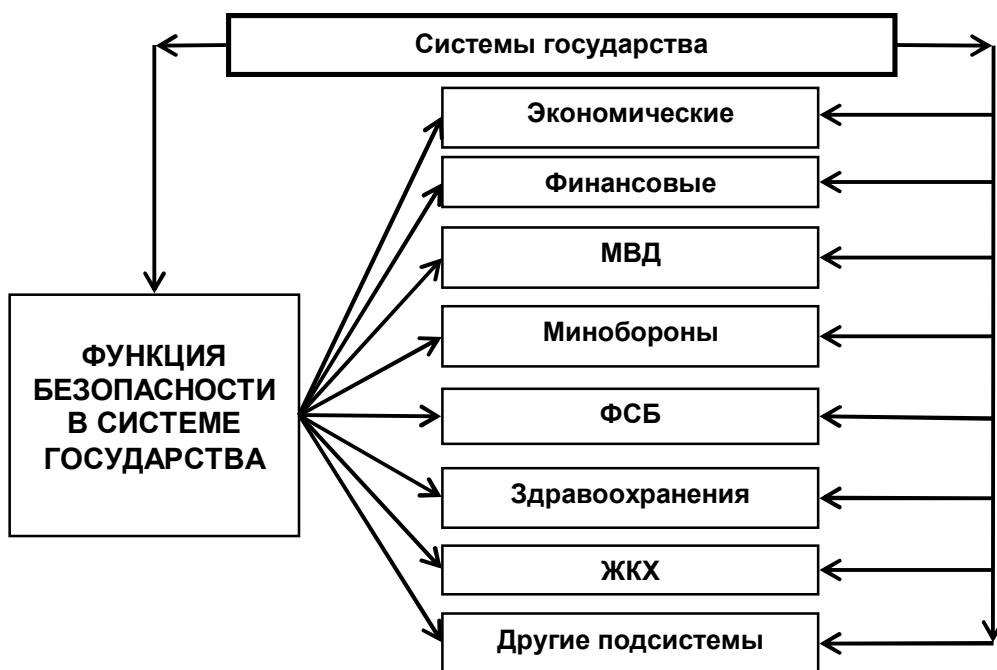

Рис. 1. Безопасность как функция социальной системы

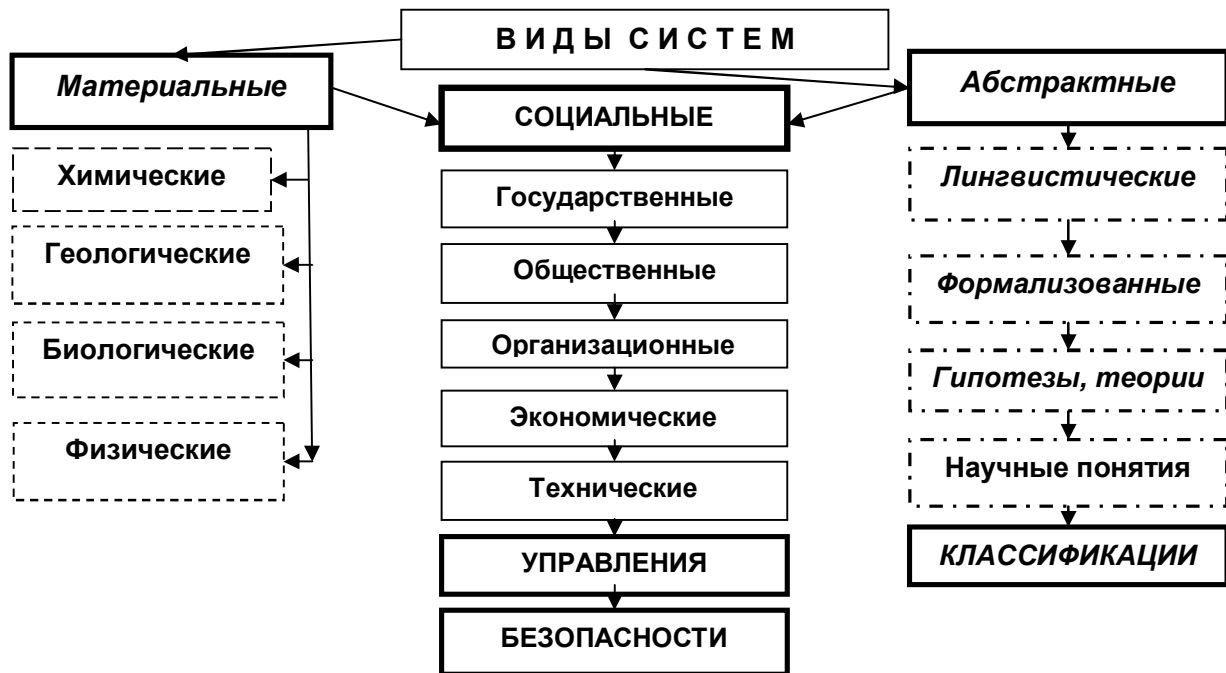

Рис. 2. Виды систем

Как известно, основными элементами социальной системы являются цели, задачи, функции и структура. Таким образом, в числе функций социальной системы должна присутствовать и функция безопасности [11].

При рассмотрении интересующих нас понятий с точки зрения структурного и функционального подходов нужно обратиться к закону детерминации элементов социальных систем: цель — задача — функция — структура. В соответствии с ним любая система создается ради достижения конкретной цели. Для этого требуется определить задачи, решению которых поспособствуют некие действия, являющиеся результатом реализации функций системы. Поскольку реализация любой функции требует наличия в ней структурного элемента (конкретного исполнителя, отдела, управления), который обеспечит это, можно говорить, что функция есть основа для создания любого структурного элемента системы. В нашем случае в рамках системы общая функция безопасности социальной системы должна быть реализована соответствующим структурным образованием (управлением, отделом, должностью). Таким образом, применение структурного и функционального подходов в любой социальной системе позволяет определить место функции безопасности в системе и ее подсистемных образованиях и создать структурное подразделение или должность, которые обеспечат ее реализацию.

Не меньшее значение для определения понятийного аппарата, связанного с феноменом «безопасность», имеет и конкретно-исторический

подход. Он предоставляет необходимую научную базу для решения проблем науки. К сожалению, данный подход также не применяется в рамках исследования явления «безопасность». В связи с этим утвердилось не совсем достоверное научное мнение о том, что определение понятия «безопасность» до настоящего времени не сформировано.

Обращаясь к истории создания теории управления, ученые, как правило, ограничиваются рассмотрением формирования научных школ и направлений. При этом содержательная часть исследований той или иной школы не соотносится с проблемами современности. В результате некоторые их положения, не нашедшие достаточных аргументов в прошлом, но актуальные сегодня, остаются вне поля зрения ученых. Так случилось с некоторыми научными трудами А. Файоля — основоположника школы «административного управления». В своих работах он указывал на существование функций «безопасность» и «управление» в предприятии горнорудной промышленности еще в начале прошлого века. В книге «Общее и промышленное управление» [12] А. Файоль ввел понятия «страховая функция» и «функция управления». Однако при ее переводе в 1923 г. на русский язык смысл первого был искажен: «Для обозначения функции по охране (function de securite) мы ввели термин „страховая функция“, придавая ему широкое значение» [12, с. 8]. Таким образом, первоначальное определение А. Файоля этой функции как «функции безопасности» осталось вне поля зрения ученых. Кроме того, автор, рас-

смаатривая роль функций в социальном образовании горнорудной промышленности, в число которых он ввел функцию безопасности, утверждал: «Мы видели, что дело *правления* держится на развитии и выполнении шести существенных функций; если одна из этих функций не выполняется, предприятие может погибнуть, или, во всяком случае — зачахнет. Стало быть, необходимо, чтобы персонал всякого предприятия был способен выполнять шесть существующих функций» [12, с. 21]. Справедливость этого мнения А. Файоля подтверждается нынешними событиями. «Отсутствие» функции безопасности оборачивается для нас многими проблемами государства в сферах здравоохранения, лесного, жилищно-коммунального хозяйства и т. д.

Таким образом, все сказанное подтверждает необходимость применения диалектического, системного, структурного, функционального и кон-

кретно-исторического подходов при исследовании явления «безопасность». Только их реализация позволит всесторонне рассмотреть проблему определения понятия «безопасность» и выявить его место в системе государства и его подсистемных формированиях. В завершение сделаем некоторые выводы:

— проблема преподавания учебной дисциплины «ОТНБ» связана с отсутствием всесторонне обоснованного понятийного аппарата;

— ее решение возможно при условии доработки методологии исследования феноменов, связанных с явлением «безопасность», и ее дальнейшего изложения в монографиях, учебных пособиях и т. д., что будет иметь особое значение и для практики оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.

1. Костюченко Н. И. Проблемы теории и практики управления социальными системами. Краснодар, 2018.

2. Костюченко Н. И. Классификация функций социальных систем: теоретические и правовые основы: моногр. Краснодар, 2016.

3. Костюченко Н. И. Система функций социальных систем (на примере ОВД): моногр. Симферополь, 2018.

4. Мелихов А. И., Никитина Г. А., Працко Г. С. Понятие «безопасность» в современных гуманитарных науках и законодательстве России // Вестник Волгоградской академии МВД. 2019. № 2 (49). С. 183—188.

5. Поликарпов В. С. Философия безопасности. СПб.; Ростов н/Д; Таганрог, 2001.

6. Костюченко Н. И. Система национальной безопасности как элемент социальных систем (на примере системы государства) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 4 (38). С. 181—184.

7. Зеленков М. Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации. М., 2013.

8. Спиридонова В. А. Некоторые аспекты обеспечения безопасности. М., 2009.

9. Общая теория национальной безопасности: учебник / под ред. А. А. Прохожева. М., 2005.

10. Терехова Н. Н. Система обеспечения безопасности личности в общей структуре обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2012. Вып. 1. С. 144—148.

1. Kostuchenko N. I. Problems of theory and practice of managing social systems. Krasnodar; 2018.

2. Kostuchenko N. I. Classification of functions of social systems: theoretical and legal foundations. Monograph. Krasnodar; 2016.

3. Kostuchenko N. I. The system of functions of social systems (for example, the Interior Bodies). Monograph. Simferopol; 2018.

4. Melikhov A. I., Nikitina G. A., Pratsko G. S. The concept of “security” in modern humanities and Russian legislation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia. 2018; 49 (2): 183—188.

5. Polikarpov V. S. Philosophy of security. Saint-Petersburg; Rostov on Don; Taganrog; 2001.

6. Kostuchenko N. I. The national security system as an element of social systems (by the example of the state system). Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017; 38 (4): 181—184.

7. Zelenkov M. Yu. Theoretical and methodological problems of the theory of national security of the Russian Federation. Moscow; 2013.

8. Spiridonova V. A. Some aspects of security. Moscow; 2009.

9. General theory of national security. Textbook. Ed. by A. A. Prokhokheva. Moscow; 2005.

10. Terekhova N. N. The system of ensuring personal security in the general structure of ensuring national security of the Russian Federation. Bulletin of the Udmurt University. Series "Economics and Law". 2012; 1: 144—148.

11. Костюченко Н. И. Социальное явление «безопасность» как элемент, общая функция социальных систем и подсистемы национальной безопасности государства // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 206—210.

12. Файоль А. Общее и промышленное управление. М., 1923.

© Костюченко Н. И., Мелихов А. И., 2019

Костюченко Николай Иванович,

профессор кафедры административного права
и административной деятельности
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России
доктор юридических наук, доцент;
e-mail: nikiv1948@gmail.com

Мелихов Александр Иванович,

доцент кафедры конституционного
и административного права
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
e-mail: stalingrad@pisem.net

11. Kostuchenko N. I. The social phenomenon of “security” as an element, the general function of social systems and subsystems of national security of the state. Society and Law. 2017; 61 (3): 206—210.

12. Fayol A. General and industrial management. Moscow; 1923.

© Kostuchenko N. I., Melikhov A. I., 2019

Kostuchenko Nikolay Ivanovich,

professor at the department of administrative law
and administrative activity
of the Crimean branch of the Krasnodar university
of the of the Ministry of the Interior
of Russian Federation,
doctor of juridical sciences, docent;
e-mail: nikiv1948@gmail.com

Melikhov Alexander Ivanovich,

associate professor at the department
of constitutional and administrative law
of the Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
e-mail: stalingrad@pisem.net

* * *

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ»

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — 22761

ISSN 2074-8183

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Роспечать».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

— представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;

— представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;

— информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;

— обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных учреждений;

— аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Современные проблемы государства и права.

2. Уголовное право и криминология.

3. Уголовный процесс, криминалистика и оперативно-разыскная деятельность.

4. Страницы истории.

5. Научная дискуссия.

Представляемая к изданию рукопись должна:

— по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;

— содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;

— предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;
- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- коды библиотечно-библиографической классификации (ББК) и универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте sgoliatina@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400089, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,
журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: sgoliatina@mvd.ru

Тел. (8442) 24-83-50, 24-83-55.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакционно-издательский отдел направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, после устранения замечаний проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакционно-издательский отдел отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования редакционная коллегия принимает окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ЗАЯВКА³
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »
название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения, размещение в сети «Интернет», включение в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)) аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденным приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, перечню служебных сведений ограниченного распространения и документов их содержащих, образующихся в деятельности органов внутренних дел, образовательных и научно-исследовательских учреждений МВД России, утвержденным приказом МВД России от 15 декабря 1997 г. № 825 дсп. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения⁴:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20 ____ *подпись* *фамилия, инициалы⁵*

³ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

⁴ Таблица заполняется на каждого автора.

⁵ Заявка подписывается каждым автором.

